
ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СТРОИТЕЛИ НОВОЙ ПОЛЬШИ. Молодые члены крестьянского трудового кооператива Вержбице, Варшавского воеводства, на стройке новой деревни.

На первой странице обложки: президент Польской республики Болеслав Берут.
Портрет работы художника А. Сапожникова.

На последней странице обложки: польские юноши, готовясь стать моряками, уходят каждое лето в дальнее плавание на каравелле «Поморье».
Рисунок В. Климашина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 39 (1216)

24 СЕНТЯБРЯ 1950

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

28-й год издания

В честь дружбы советского и польского народов в Праге, предместье Варшавы, воздвигнут монумент «Братство по оружию».

ДРУЖБА НАВЕЧНО

Болеслав БЕРУТ

Президент Польской республики

Из всех ценностей, которые обрел польский народ после освобождения от капиталистического рабства, всего более он ценит дружбу советских народов. Нет и не может быть ничего более ценного и более почетного, чем эта дружба. Она оживляет и умножает творческие силы польского народа.

Дружба между польским народом и народами СССР имеет глубокие корни. Она является выражением того, что право голоса получили новые общественные силы, что созданы новые международные отношения, которые формирует и воплощает в жизнь новая историческая эпоха, открытая Великой Октябрьской социалистической революцией и закрепленная победой социализма в СССР.

Благодаря этой победе, на базе ее великих достижений, были разгромлены и уничтожены агрессивные силы фашизма во второй мировой войне и образовалась новая брешь в системе империализма, которая облегчила освобожденным героической Советской Армией народам вступление на путь новой жизни. По этому пути новой жизни — жизни без капиталистов и помещиков — уже шесть лет идет возрожденный польский народ, как и народы других стран народной демократии. Радостную возможность вступить в новую, свободную и творческую эпоху развития они получили благодаря героической, самоотверженной и дружеской помощи советских народов.

Сближение народов, базирование их взаимоотношений на действительной дружбе и сотрудничестве, на равноправном и глубоком взаимном уважении и искренней братской взаимопомощи — все это стало реальным и прочным лишь после их освобождения от оков капитализма.

Характерными признаками международных отношений в период капитализма являются взаимное недоверие, недружелюбие и враждебность. Регулятор этих отношений — угнетение более слабых более сильными, кровавые, разрушительные войны.

Наглое нападение американских империалистов на героический корейский народ — яркий пример капиталистического метода регулирования международных отношений. Это метод хищников и разбойников, метод убийц и преступников, несущих человечеству только кровь и разрушения, хозяйственный и культурный упадок, моральное вырождение.

Лишь народы, свергнувшие власть капиталистов и порвавшие раз и навсегда с системой насилия и эксплуатации, могут осуществлять новые международные отношения. Дружба этих народов — это прочная и творческая дружба, ибо ее основа и источник — самые глубокие и непреходящие революционные общественные преобразования.

В процессе революционных преобразований польский народ ликвидирует капитализм и превращается из прежней буржуазной нации в нацию социалистическую. Такие же преобразования происходят и в других странах народной демократии. Этот процесс по своей классовой сущности однороден с тем процессом, который переживали нации Советского Союза в результате пролетарской революции 1917 года.

Победа пролетарской революции и социалистического строительства дала возможность возродиться и подняться неизмеримо высоко всем, даже наиболее отсталым когда-то народам прежней России. Партия Ленина — Сталина, руководившая социалистической революцией, помогла всем без исключения народам, проживающим на гигантской территории социалистического государства, «встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру...» (Сталин). История человечества не знает столь мощных по своему размаху и темпу, по глубокому общественному содержанию и всеобщему массовому охвату процессов расцвета национальных культур, как процессы, начало которым положила Великая Октябрьская социалистическая революция. Этому расцвету национальных культур дала выход, освободила их и активизировала интернационалистская политика партии Ленина—Сталина. Новый этап такого же бурного процесса возрождения наций на базе социалистического строительства — этап, являющийся результатом исторической победы СССР во второй мировой войне, — переживают ныне страны народной демократии, в том числе и демократическая Польша.

«Советский народ и все народы Европы обязаны товарищу Сталину победой в последней войне, разгромом гитлеровских полчищ, освобождением от неволи. Польский народ обязан ему, кроме того, тем, что Войско Польское рядом с непобедимой Советской Армией приняло активное участие в этой войне. Польский народ обязан товарищу Сталину великой исторической переменой в отношениях между Польшей и СССР. Товарищ Сталин был инициатором и организатором коренного перелома в отношениях между русским, украинским и белорусским народами, с одной стороны, и польским народом, с другой стороны.

Благодаря товарищу Сталину народная Польша, восстановленная в новых границах на Одере, Нейссе и на Балтийском море, является теперь государственным организмом, однородным в национальном отношении, построенным на здоровых экономических началах и располагающим большими возможностями дальнейшего развития. Теперь, когда Польша освободилась от стесняющих ее развитие уз капитализма и покончила с империалистическим проникновением, которое искривляло и извращало ее развитие, угрожая ее независимости, суверенитет Польши полностью обеспечен.

Неоценимы заслуги товарища Сталина как в деле возрождения Польши, так и в деле обеспечения ее развития, мощи и расцвета. Поэтому товарищ Сталин так глубоко почитаем и любим всеми трудящимися, всеми истинными патриотами Польши».

(Б. БЕРУТ)

На основе исторических побед и достижений СССР, на основе марксистско-ленинской интернационалистской политики ВКП(б), под руководством великого Сталина, возникли и укрепились навеки братство, нерушимая дружба и творческое сотрудничество всех народов СССР. Дружба советских народов расширяет круг этого братства, распространяясь на народы, сбрасывающие оковы капитализма. Она освещает своими немеркнущими лучами и охватывает своим могучим, динамическим влиянием все народы мира, стойко борющиеся за мир, народы, которые ведут борьбу за свободу и социализм.

Польский рабочий класс на всем пути своего исторического развития неуклонно поддерживал и оберегал принцип солидарности и союза с русским революционным движением вообще и в особенности с русским рабочим движением, руководимым Лениным и Сталиным. Победу пролетарской революции в СССР он воспринял как торжество мирового пролетариата, как источник его неисчерпаемой силы и стимул к дальнейшей революционной борьбе за освобождение польских трудящихся масс от империалистического рабства. Польское революционное движение, ведя борьбу в условиях свирепого фашистского террора в период между первой и второй мировыми войнами и вплоть до освобождения страны победоносной Советской Армией, никогда не изменяло дружбе польских трудящихся с народами СССР, дружбе, основанной на общих идеях и целях.

Совершенно иначе отнеслись к социалистической революции польские буржуазно-помещичьи классы. Уже на следующий день после того, как польское буржуазное правительство, руководимое Пилсудским, получило в ноябре 1918 года власть из рук германских оккупантов, оно присоединилось к империалистической вооруженной интервенции против советского государства, несмотря на то, что именно победа советской власти гарантировала независимость Польши.

Пока власть в Польше находилась в руках помещиков и капиталистов, имущие классы делали все, чтобы посеять недоверие и вражду между польским народом и народами СССР. Загнанные в подполье польские революционные рабочие организации упорно противостояли этой враждебной по отношению к СССР политике буржуазных правительств, всеми силами и средствами разоблачали ее. Отмежевывались от этой антинародной политики также другие передовые слои польского народа.

Капиталистическая политика в довоенной Польше ни в коей степени не отражала интересы народа. Это не была ни самостоятельная, ни национальная политика. Эту политику определяли империалистические интересы и влияния западных капиталистических государств. Фашистское правительство пилсудчиков в Польше попеременно продавалось финансовой олигархии Англии, Франции, Америки или гитлеровской Германии, в зависимости от того, чьи влияния одерживали верх на международной арене и кто обещал более быстрое нападение на Советский Союз.

Политика польских помещиков и капиталистов была глубоко враждебной по отношению к трудящимся массам Польши. Польский фашизм полностью усвоил от своих гитлеровских покровителей террористические методы угнетения трудящихся масс. С помощью обмана польские правящие круги пытались скрыть правду о жизни и развитии народов СССР. Путем насилий и беззаконий в стране подавлялась освободительная борьба национальных меньшинств, в том числе движение девяти миллионов украинцев и белорусов.

Экономику довоенной Польши характеризовало все более открытое и наглое проникновение иностранного капитала, в руках которого находились почти вся тяжелая промышленность, шахты и фабрики, значительная часть транспорта, крупные оптовые торговые предприятия, банки, электростанции и даже коммунальные предприятия. Кризис, безработица, разорение мелких крестьянских хозяйств, техническая отсталость, нищета трудящихся масс, высокая смертность, линия неудержимого падения вниз во всех областях жизни — вот печальная картина довоенной Польши. Под руководством своей партии, несмотря на репрессии и преследования, несмотря на террор и концентрационные лагери, польский рабочий класс мужественно боролся против буржуазной пропаганды, распространяя правду о Советском Союзе, популяризируя среди масс достижения советских народов.

В настоящее время возрожденный польский народ переживает великую историческую победу. Он строит новое, бесклассовое общество в дружбе, взаимопомощи и тесном сотрудничестве с Советским Союзом. Заключенный в апреле 1945 года польско-советский договор положил начало новой эре во взаимоотношениях между Польшей и СССР. Огромное историческое значение этого договора для польского народа и народов Советского Союза подчеркнул великий Сталин в своем выступлении при подписании договора.

«Значение этого договора, — сказал И. В. Сталин, — заключается, прежде всего, в том, что он знаменует собой коренной поворот в от-

ИЗ ПОЛЬСКИХ ПОЭТОВ

Знамя

Юлиан ТУВИМ

Да, правда, правда, Ян[1] из Чернолесья:
«Величьем времени душа горда!»
Зарей знамен пылает поднебесье,
Шумят, как лес твой, наши города.

Иною мог ли музой вдохновиться
Я, кроме этой — звонкой, боевой?
Иной ли цвет мог средь руин пробиться,—
Не этот плющ пурпурный, огневой?

Плющом свою столицу обвиваю,
По этажам вздымаюсь в вышину
И знаменем над веком водружаю
Моей отчизны светлую весну!

Над всей землей она раскинет крылья,
Чтоб солнце вольности везде зажглось.
Где б древко мы его ни водрузили,
Там будет и земная ось!

Перевел М. Живов

[1] Ян Кохановский — польский поэт XVI века.

История

Станислав Ришард ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Неоглядно-золотое поле,
поле между Одером и Бугом.
Здесь бродили доля и недоля,
нагибаясь над крестьянским плугом,
испокон веков здесь пела нива,
испокон веков цвела хлебами,
и веками жатву пан спесивый
собирал крестьянскими руками.
Поле их захватывал он жадно,
землю Польши, Польши ненаглядной.

Поле неоглядно-золотое
по-над Вартой, Вислой многоводной,
сколько пота пролил над тобою
мой народ, покуда стал свободным!
Ты теперь Страница Наших Прав,
ты горишь цветами среди трав,
наш закон любовь к земле писала,
что не болью, а отрадой стала.

Над простором золотого поля
пусть сегодня песня раздается,
пусть поет земля, дождавшись воли,
песня поля в небеса взовьется.
Пусть она расскажет, как счастливый
стал земли хозяином законным
тот, кто гнулся над своею нивой,
как влюбленный месяц над затоном,
как над люлькой мать, когда спросонок
улыбнется ей одной ребенок.

Кто трудился, все взлелеял это;
не его ль владенья — Польша, поле!
И печаль и радость им воспеты,
горький хлеб несла ему неволя.
Тот, кто сам из рода в род пахал,
кто в земные жилы кровь вливал,
от других веками не слыхал,
что его,— не панская! — земля,
что его все польские поля!
Он об этом в песнях лишь певал...

День занялся над землею новый!
Тот, кто с детства среди пашен рос,
кто ковал плуги, ковал подковы,
боевую песню в высь вознес;
наша песня над землею льется,
по-над полем, полем золотым;
называем мы теперь своим
всё, что польским издавна зовется!
Осенью, зимой, весной и летом
сам народ — хозяин в доме этом,
правит он и судит справедливо,
чтобы, Польша, ты жила счастливо!

Перевел Анатолий Кудрейко

* * *

Владислав БРОНЕВСКИЙ

Кланяюсь Русской Революции
шапкой до земли, по-польски,
делу всенародному,
советскому, могучему,
пролетариям, крестьянам, войску!

Только шляпа в поклоне не вельможная:
над околышем нет перышка цапли!
Это ссыльная польская, острожная
шлиссельбуржца Варынского шапка.

У нас затылки плотные.
Нас долго учили поклонам.
Но плетка царская лопнула,
подняться время пришло нам.

Кланяюсь праху Рылеева,
кланяюсь праху Желябова,
кланяюсь праху павших
борцов за народное счастье.

Мавзолей Ленина прост, как мысль.
Мысль Ленина проста, как деяние.
Деяние Ленина просто и велико,
как Революция.

Кланяюсь могилам Сталинграда
и могилам — до Берлина от Москвы.
После лет осколочного града
в завтра мы по ним мостим мосты.
И на русской и на польской почве,
кровью политой и так любимой нами,—
жизнь в цвету и распускает почки
у могил с родными именами.

Перевел Семен Кирсанов

ношениях между Советским Союзом и Польшей в сторону союза и дружбы, который сложился в ходе нынешней освободительной борьбы против Германии и который получает теперь формальное закрепление в этом договоре».

Благодаря самоотверженной братской помощи СССР польские трудящиеся не только получили свободу, но и взяли в свои твердые руки власть, создали государство народной демократии, которое успешно выполняет основные функции диктатуры пролетариата. Под руководством Польской объединенной рабочей партии, которая учится на богатейшем опыте ВКП(б) применять в практике борьбы и жизни великое учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, трудящиеся массы создают новый общественный строй — без капиталистов и помещиков.

Экспроприация помещичьего землевладения и передача земли крестьянам и батракам, национализация промышленности, сосредоточение в руках государства всех командных высот в народном хозяйстве, переход на путь планового хозяйства, строительство основ социализма обеспечили польскому народу огромные, небывалые в его истории и ничем не ограниченные возможности быстрого развития. Он смело и решительно идет по пути этого развития, успешно преодолевая в острой классовой борьбе всякое сопротивление обломков буржуазии и империалистической агентуры, которые пытаются во что бы то ни стало задержать могучее движение колеса истории.

Напрасны, однако, усилия буржуазных банкротов и диверсантов! Польский народ прочно вступил на путь новой жизни, высвобождая с каждым днем неисчерпаемые запасы творческой энергии трудящихся масс. Благодаря самоотверженному, творческому труду народных масс быстро меняется облик страны. Польша из отсталой, аграрной страны превращается в индустриально-аграрную державу.

Польская промышленность производит уже на душу населения в два с половиной раза больше продукции, чем до войны. Быстро восстанавливаются разрушенные гитлеровскими оккупантами города. Крестьяне — бедняки и середняки, — жившие до войны под гнетом, в нищете и отсталости, вступают на путь коренной перестройки сельского хозяйства, на основе применения более высокой техники и лучших методов обработки земли, пользуясь при этом огромной помощью народного государства.

Наиболее передовая часть деревни, которая ознакомилась с достижениями советского земледелия, переходит, вопреки ожесточенному сопротивлению кулаков и вражеской агентуры, к коллективным формам хозяйства. В стране успешно развивается просвещение, повышается уровень здоровья, культуры и благосостояния трудящихся масс.

Трехлетний план восстановления страны, ставивший смелые задачи в области хозяйства и культуры, был успешно выполнен в прошлом году за два месяца до срока. В настоящее время польский народ приступил к осуществлению нового, грандиозного шестилетнего плана. Это план быстрой индустриализации Польши. В результате осуществления шестилетнего плана стоимость промышленной продукции на одного жителя превысит более чем в 5 раз стоимость продукции, приходившейся на одного жителя в 1938 году. Стоимость сельскохозяйственной продукции на душу населения увеличится по сравнению с довоенным периодом на 60 процентов.

В борьбе за реализацию шестилетнего плана строительства фундамента социализма польский народ опирается на бескорыстную братскую помощь СССР, который широко снабжает строящиеся новые промышленные предприятия машинами новейших конструкций и, что не менее ценно, делится с нами своим огромным опытом и техническими достижениями. Только благодаря этой помощи наш народ может ускоренными темпами индустриализировать свою страну. В тесном взаимном экономическом сотрудничестве и братской помощи Советского Союза нашей стране, которая желает быстро преодолеть свою экономическую отсталость, не менее отчетливо, чем в политических и культурных отношениях, проявляется контраст между политикой страны социализма и политикой империализма.

В процессе радостного и творческого социалистического строительства польский народ приобретает большой исторический опыт. Этот опыт увеличивает не только его силы, но, что особенно важно, укрепляет в нашем народе сознание превосходства социалистического строя над капиталистическим, понимание всемирно-исторического значения великих достижений советских народов. Этот опыт все более углубляет в польском народе уверенность в правильности пути, по которому ведет человечество учение марксизма-ленинизма, лучшим воплощением которого является партия Ленина—Сталина, авангард мирового пролетариата.

Именно это сознание, охватывающее все более широкие массы трудящихся народной Польши, является незыблемой и надежной основой польско-советской дружбы. Вместе с ней растет чувство международной солидарности в борьбе за полное освобождение человека, за мир, свободу, всеобщую победу социализма. Народные массы нашей страны все больше проникаются верой в полное торжество союза свободных народов на основе великих освободительных идей социализма. Новая творческая эра человеческой истории, эра социализма, сделает бессмертные достижения советских народов достоянием всего человечества.

Bolesław Bierut

ПОЛЬША НА ПУТЯХ К СОЦИАЛИЗМУ

Юзеф ЦИРАНКЕВИЧ
Председатель Совета Министров Польской республики

Польша находится на рубеже двух шестилетий. Первое из них, минувшее шестилетие,— это период создания и укрепления народной власти, период осуществления основных социально-политических реформ, определивших народно-демократический характер нашего строя, обеспечивших восстановление страны из развалин. Второе шестилетие, которое стоит перед нами,— это период претворения в жизнь великого шестилетнего плана строительства основ социализма.

В июле минуло шесть лет с момента, когда наш народ вступил на новый путь, открывший перед ним небывалые перспективы исторического развития и расцвета. Шесть лет назад к польским границам подошли передовые части победоносной, героической Советской Армии, преследовавшие разгромленные орды гитлеровских захватчиков. Плечом к плечу с Советской Армией боролся польский воин. Вступившие в памятный июльский день 1944 года на польскую землю советские солдаты, изгоняя гитлеровских оккупантов, принесли свободу польскому народу. Впервые в истории нашего народа это была настоящая свобода.

Польский народ получил не только возможность независимого существования в своем независимом государстве, но и стал одновременно подлинным хозяином своей страны. Власть навсегда перешла в руки польского народа во главе с рабочим классом. Советский Союз не только освободил Польшу от ярма гитлеровского рабства, но и открыл перед польским народом возможность установления в освобожденной стране народной власти.

Юзеф Циранкевич.

Народная власть экспроприировала собственность помещиков и фабрикантов, польских и иностранных капиталистов. В результате земельной реформы и национализации промышленности земля перешла в руки крестьян, а фабрики, банки, железные дороги — в руки народного государства. Таким образом, были уничтожены экономические основы господства паразитических классов капиталистов и помещиков, которые так долго жестоко эксплуатировали и притесняли широкие народные массы.

Советский Союз создал народной Польше исключительно благоприятные условия независимости, безопасности и восстановления. От нас, от польского рабочего класса, от польских народных масс, зависело полное использование этих благоприятных условий на благо своей родины. Минувшее шестилетие показало, что польский рабочий класс сумел хорошо использовать эти благоприятные политические и экономические условия, возникшие благодаря победе Советского Союза над гитлеризмом.

В тяжелый и трудный период после восстановления независимости, когда вся страна лежала в развалинах, бескорыстная помощь Советского Союза явилась тем великим фактором, который дал нам возможность подняться из упадка, привести в движение наш аппарат производства и обмена, спас нас от голода и открыл перспективы восстановления и реконструкции. Трехлетний план экономического восстановления страны был выполнен досрочно и победоносно трудящимися массами Польши прежде всего благодаря огромной помощи Советского Союза.

Одновременно с восстановлением хозяйства страны происходил непрерывный подъем жизненного уровня трудящихся масс, улучшались изо дня в день условия жизни рабочего класса, крестьян и трудящейся интеллигенции. Наступил огромный расцвет национальной культуры. Тиражи книг и газет достигли небывалых размеров. Школы и университеты впервые в истории нашей страны заполнились массами рабочей и крестьянской молодежи.

Вместе с тем менялось идеологическое лицо польского общества. Постепенно стали исчезать пережитки прошлого, которые так сильно отражались на политическом облике крестьянства и трудовой интеллигенции и даже более отсталой части польского рабочего класса, столько лет находившейся под пагубным влиянием правых руководителей националистической довоенной ППС (Польская социалистическая партия).

Показателем этих преобразований была широко овладевшая страной идея дружбы с Советским Союзом, идея, которая вдохновляет ныне весь трудящийся польский народ.

В рабочем классе начало формироваться новое, социалистическое отношение к труду. Вдохновленное примером советского стахановского движения, родилось социалистическое трудовое соревнование, охватывающее сегодня широчайшие массы рабочих и служащих.

Переломным моментом в дальнейшем развитии страны был разгром правонационалистического уклона в польском рабочем движении, а также разгром обломков социал-демократизма. Благодаря победе идей марксизма-ленинизма в рядах польского рабочего класса польское рабочее движение вступило окончательно на путь, проложенный героической ВКП(б). Разгром правонационалистического уклона и объединение рабочего движения на базе марксизма-ленинизма открыли новую эпоху в развитии народной Польши.

Польская объединенная рабочая партия, как руководящая сила народа, вооруженная учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, приступила с удвоенной энергией к разрешению трудных задач классовой борьбы в условиях строя народной демократии, являющегося формой диктатуры пролетариата. Одним из наиболее существенных вопросов явилась борьба за социалистическую перестройку польского села, за повышение уровня сельского хозяйства, за освобождение крестьян — бедняков и середняков — от оков кулацкой кабалы, за новый путь для крестьянства к лучшему будущему — через развитие сельскохозяйственной производственной кооперации. Под руководством партии начали возникать все более многочисленные сельскохозяйственные производственные кооперативы, число которых сегодня превышает уже 1300 и непрерывно растет.

Рабочий класс укрепляет свой союз с сельской беднотой и успешно привлекает середняка к борьбе против кулачества.

В области внешней политики Польша вступила на путь, диаметрально противоположный той прежней пагубной довоенной политике польской буржуазии, которая так дорого обошлась польскому народу.

Первым и главным принципом польской внешней политики стали самое тесное сотрудничество, дружба и союз с великим Советским Союзом, а также борьба за независимость польской политики от англо-американских империалистов, стремящихся сковать свободное развитие нашего народа. Выражением этой борьбы за независимость от империалистических оков был отказ польского народа от так называемой маршалловской «помощи».

Основной линией внешней польской политики стала борьба за мир. Во всех своих международных выступлениях народная Польша решительно идет по пути сталинской политики мира и дружбы между народами. В братском союзе со странами народной демократии, противостоя притязаниям империалистических держав и козням поджигателей войны, народная Польша стала прочным звеном могучего международного лагеря мира, объединенного вокруг Советского Союза.

Великая идея борьбы за мир глубоко проникла в широкие массы польского народа. Об этом свидетельствует итог кампании сбора подпи-

сей под Стокгольмским Воззванием, которая принесла 18 миллионов подписей. Несмотря на усиленную подрывную деятельность врага по указке враждебных империалистических кругов, руководимых из Вашингтона и Ватикана, пытавшегося противодействовать сбору подписей в защиту мира в Польше, общенациональный фронт борьбы за мир под руководством рабочего класса одержал замечательную победу. Под давлением общественного мнения даже представители верхушки католической церкви вынуждены были поставить свои подписи под Стокгольмским Воззванием.

На Объединительном съезде польских рабочих партий в декабре 1948 года были впервые намечены величественные положения шестилетнего плана строительства основ социализма в нашей стране. Недавно, в июле текущего года, V пленум ЦК Польской объединенной рабочей партии утвердил окончательные цифры расширенного плана, а спустя несколько дней сейм принял Закон о шестилетнем плане.

В борьбе за осуществление шестилетнего плана строительства основ социализма в Польше перед нами стоят огромные задачи. Выполнение плана коренным образом изменит лицо нашей страны.

Успешное осуществление трехлетнего плана восстановления страны; укрепление народной власти; разгром правонационалистического уклона; разгром социал-демократизма и оппортунизма в рабочем движении; рост мощи польского рабочего класса, его сознания как хозяина страны и его чувства ответственности за судьбы народа; четкое определение строя народной демократии как формы диктатуры пролетариата; непрерывное укрепление дружбы и сотрудничества с СССР; крепнущее сотрудничество и взаимопомощь между странами народной демократии — все это создало условия, в которых правительство и Польская объединенная рабочая партия смело раскрыли перед народом широкие и реальные перспективы строительства основ социализма.

Шестилетний план строительства основ социализма является прежде всего планом быстрой индустриализации страны.

Наиболее сильный рост промышленной продукции намечается в области производства средств производства, что является ключом к дальнейшему развитию индустриализации страны. Производство машин всякого рода, например, станков, паровых турбин, котлов высокого давления и т. д., возрастет более чем в 3,5 раза.

Производство сельскохозяйственных машин, в частности тракторов, составляющее основу социалистической перестройки села, увеличится по отношению к 1949 году более чем в 4 раза.

Выпуск транспортных средств возрастет более чем в 2,5 раза, причем будут производиться главным образом 3,5-тонные и 2,5-тонные грузовые автомашины.

Сильно будет расширена судостроительная промышленность, продукция судостроения удесятерится.

Основу развития машиностроения составляет подъем металлургии, в частности огромный рост черной металлургии.

Окончание строительства первой очереди нового крупнейшего металлургического завода возле Кракова, все чертежи и оборудование которого поставляются Советским Союзом, а также реконструкция старых металлургических заводов обеспечат стране в конце шестилетнего плана выплавку 4,6 миллиона тонн стали, т. е. в 2 раза больше, чем в 1949 году, и в 3,2 раза больше, чем в 1938 году.

Добыча каменного угля по отношению к 1949 году возрастет на 35 процентов и достигнет в 1955 году 100 миллионов тонн.

Производство электроэнергии на душу населения увеличится в 6 раз по отношению к 1938 году.

Стоимость продукции химической промышленности, базирующейся на имеющемся в стране основном сырье, возрастет более чем в 3,5 раза по отношению к 1949 году.

Широкое промышленное, жилищное, школьное, культурное строительство, намеченное в шестилетнем плане, будет основано на росте производства строительных материалов. В стране поднимется более чем в 2 раза производство цемента, более чем в 3,5 раза — производство кирпича.

Шестилетний план тесно увязывает индустриализацию страны с улучшением использования отечественной сырьевой базы. Будет построено 35 новых рудников и увеличена в 4 раза добыча железной руды. Значительно расширится добыча медной руды, нефти, а также производство синтетического топлива.

Сильный рост промышленности средств производства обеспечивает быстрое развитие легкой и пищевой промышленности. За шесть лет значительно увеличится выпуск хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей, а также сахара, мыла, пива, папирос, почти втрое больше будет производиться обуви. Все это приведет к значительному повышению жизненного уровня трудящихся масс.

В области земледелия, где стоит задача коренной перестройки его структуры на социалистических основах, будет происходить быстрый рост сельскохозяйственной продукции: она возрастет по отношению к урожайному 1949 году на 50 процентов.

Разумеется, мощное развитие сельского хозяйства будет сопровождаться все большим увеличением снабжения села машинами, техническими средствами и искусственными удобрениями. Оно будет сопровождаться также социальной перестройкой села в направлении коллективного хозяйства, быстрым ростом экономического и политического значения государственных сельских хозяйств, в частности в области товарной продукции сельского хозяйства.

Вместе с огромным ростом промышленной и сельскохозяйственной продукции сильно расширяются по шестилетнему плану задачи транспорта и связи. За шестилетний период перевозки грузов всеми видами транспорта возрастут по отношению к 1949 году на 117 процентов, а пассажирские — на 104 процента.

Страна намечает строительство большого водного пути Восток — Запад, который свяжет Буг с Одером и будет иметь огромное значение для внутренних транзитных перевозок.

Шестилетний план строительства основ социализма предусматривает рост жизненного уровня населения по отношению к 1949 году на 50—60 процентов.

В стране будет построено 723 тысячи новых жилых комнат, будут улучшены коммунальные условия быта трудящегося населения. Число больничных коек возрастет по отношению к 1949 году на 38 процентов, число врачей — на 85 процентов, а число амбулаторий и поликлиник удвоится. В 3 раза увеличится сеть детских яслей и почти во столько же раз число трудящихся, охваченных системой организованного отдыха.

Происходящая в стране культурная революция отражена в шестилетнем плане следующими цифрами: на 90 процентов возрастет выпуск книг и брошюр на базе двукратного роста производства бумаги; в 22 раза больше, чем сейчас, будет стационарных кинотеатров на селе; значительно увеличится число стационарных и передвижных театров; больше чем в 2,5 раза возрастет число радиослушателей.

Вдвое увеличится в Польше за шесть лет число работников со средним профессиональным образованием, почти в 3 раза — со средним техническим образованием и более чем в 2 раза — с высшим образованием.

Картина этих великих перемен была бы неполной, если бы мы не рассказали здесь о планах восстановления и реконструкции Варшавы.

Огромный город с миллионным населением гитлеровцы разрушили и сравняли с землей. С первых же дней освобождения столицы Советской Армией на развалинах закипела большая восстановительная работа. Сегодня Варшава — город с 600-тысячным населением, в значительной части восстановленный, с прекрасными новыми жилыми кварталами, замечательными общественными зданиями. Грандиозная коммуникационная артерия, трасса «Восток — Запад», построенная в течение двух лет, является примером социалистического градостроения.

Шестилетний план предусматривает новые крупные капиталовложения в городское хозяйство нашей столицы. Возникнут новые благоустроенные жилые кварталы, в которых будут жить рабочие и служащие. Будет построен целый ряд промышленных предприятий, которые сделают Варшаву большим индустриальным центром.

Проблемы городского транспорта будут решены в Варшаве путем прокладки новых магистралей и постройки первой линии метро.

Варшава 1955 года будет совершенно не похожа на буржуазно-помещичью, нерационально застроенную Варшаву, в которой рабочее население ютилось в убогих и грязных кварталах предместья. Это будет новый, социалистический город, отвечающий нуждам и целям социалистического государства.

Польским архитекторам и градостроителям помогут осуществить эти задачи упрочившийся живой контакт с советскими архитекторами и широкое использование опыта социалистического градостроения в Советском Союзе.

Трудно с помощью одних лишь цифр выразить величие и масштаб задач, которые ставит перед нами шестилетний план строительства основ социализма в Польше.

Это будет трудная и тяжелая борьба.

Это будет прежде всего борьба за ликвидацию самого многочисленного эксплуататорского класса, каким является кулачество, при одновременной ликвидации остатков его союзников в городе.

Это будет острая классовая борьба со всеми формами сопротивления, которое будут оказывать развивающемуся социалистическому наступлению остатки разгромленных, паразитических общественных классов, руководимые и поддерживаемые извне империалистическими англо-американскими и ватиканскими сеятелями смуты, поджигателями войны, врагами польского народа. В этой борьбе будет все больше расти сознательность рабочего класса и будет крепнуть рабоче-крестьянский союз.

Это будет борьба за развитие и применение новой, передовой техники в производстве, борьба за рост производительности труда и снижение себестоимости продукции на базе технического прогресса и рационализации.

Это будет борьба за новые, идейно закаленные и высококвалифицированные кадры смелых строителей социализма.

Это будет борьба за повседневное улучшение руководства партии строительством основ социализма, за дальнейший рост авторитета партии, как руководящей силы народа, за дальнейшую большевизацию партии.

У нас есть все данные для безусловной победы в этой борьбе за построение основ социализма.

У нас есть решающая и определяющая успех строительства социализма в Польше помощь и поддержка страны победоносного социализма — Советского Союза.

У нас есть многолетние экономические договоры с Советским Союзом о плановом взаимном товарообороте, о поставках промышленного оборудования для всех видов производства, о кредитах.

Благодаря польско-советским отношениям нового типа, основанным на социалистической солидарности, мы имеем прочную, верную опору нашего социалистического строительства.

У нас есть сотрудничество и крепнущая с каждым днем взаимопомощь со странами народной демократии.

Польский народ во главе со своим рабочим классом, под руководством Объединенной рабочей партии сделает все, чтобы полностью использовать все имеющиеся благоприятные условия для строительства социализма, чтобы увеличить вклад Польши в общую мощь лагеря мира, противостоящего политике захватов и экономического рабства. Воплощая в жизнь шестилетний план, польский народ будет еще быстрее шагать по пути строительства социализма, по пути борьбы за мир и прогресс, по победоносному пути Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Cyrankiewicz

На торжества в пограничный польский город Сгожелец, где был подписан договор о демаркации польско-немецкой государственной границы, установленной Потсдамским соглашением, собралось более 20 тысяч польских и немецких трудящихся. Это была внушительная манифестация польско-немецкой дружбы. Многочисленные плакаты и лозунги призывали бдительно беречь завоеванный мир, крепить дружбу и сотрудничество с Советским Союзом и странами народной демократии.

С возвращением западных земель Польша получила широкий выход к Балтийскому морю. В Щецине, Гдыне, Гданьске и других портах республики день и ночь кипит напряженный творческий труд. Грузятся и разгружаются корабли.

Обильный урожай ржи, пшеницы, сахарной свеклы и других культур собирается на возвращенных землях. Это достойная награда за самоотверженный, упорный труд. Польское трудящееся крестьянство, избавленное от многовекового помещичьего гнета, впервые использует в земледелии тракторы. В борьбе за высокие урожаи польские крестьяне опираются на богатейший опыт советского колхозного крестьянства. На западных землях уже имеются сотни коллективных хозяйств — производственных сельскохозяйственных кооперативов.

Вдохновенный, свободный труд земледельца ежегодно завершается всенародным торжеством. Каждую осень после уборки хлебов на западных землях проводится традиционный праздник урожая.

Величественный венок из колосьев, который несут крестьяне, — олицетворение богатого урожая.

ГРАНИЦА МИРА

А. ПЕТРОВ

В течение нескольких столетий Польша была лишена своих древних земель по Одеру, Нейсе Лужицкой и Балтике. Насильственно отторгнутые от матери-родины, эти земли стонали под пятой немецких оккупантов, беспощадно разорявших и истреблявших польский народ.

Но в польском народе никогда не угасала вера в то, что настанет время, когда все его исконные земли воссоединятся в едином и свободном государстве. Чаяния народа сбылись! Советская Армия, наголову разгромив гитлеровскую Германию, помогла Польше навсегда воссоединить насильно отторгнутые от нее земли.

Пять лет назад на конференции в Потсдаме главы правительств трех великих держав — СССР, Великобритании и США — согласились, что территория к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря по рекам Одеру и Нейсе до чехословацкой границы, включая часть Восточной Пруссии, а также территорию бывшего свободного города Данцига, должна принадлежать польскому демократическому государству.

Англо-американские империалисты, однако, затем повели бешеную кампанию против установленных в Потсдаме западных границ Польши, искусственно разжигая в немецком народе реваншистские вожделения, распространяя клевету, рассчитанную на обман мирового общественного мнения. Они нагло утверждали, что польский народ не способен освоить возвращенные ему земли, что эти земли, утратив «настоящих хозяев», превратятся в пустыню. Сама жизнь опровергла эту ложь.

Польские трудящиеся с огромным воодушевлением встретили потсдамские решения, принятые благодаря поддержке Советского Союза и лично великого Сталина. По призыву демократического правительства Польши сюда стали переселяться крестьяне и рабочие из центральных и восточных районов страны. На угольных шахтах, рудниках и заводах Силезии, на судоверфях Щецина и Гданьска, на плодородных полях бывших юнкерских имений — всюду, куда пришли люди, жаждущие свободного труда, закипела работа.

С тех пор прошло пять лет. Труд миллионов поляков, обосновавшихся на возвращенных землях, принес замечательные плоды. О каких «пустынях» шумели англо-американские реакционеры, их агенты и подголоски? Польский народ проделал гигантскую работу, которая оказалась под силу только народу демократического государства, где труд становится делом чести и геройства. На западных польских землях нет уже ни одного невозделанного клочка пашни, ни одного бездействующего завода, шахты, рудника. Как и повсюду в народной Польше, здесь открыто много новых школ, библиотек, театров, музеев, развивается новая, социалистическая культура.

После успешного выполнения трехлетнего плана воссоединенные земли заняли важное место в экономике страны. Изо дня в день растет добыча угля, производство строительных материалов, искусственных удобрений. Серьезный вклад в земледелие страны вносит сельское хозяйство западных районов. Подсчитано, что каждый третий каравай хлеба на столе у польского трудящегося — дар воссоединенных и быстро возрожденных земель.

Возрождены крупнейшие порты на Балтике — Щецин и Гданьск. Впервые за всю историю польского государства налажено отечественное кораблестроение. Польша стала крупной морской державой.

Одер и Нейсе превратились в важнейшие водные коммуникации страны. По ним идут к Балтийскому морю пароходы и бесчисленные баржи, груженные углем и металлом Силезии. В Силезию караваны судов доставляют железную руду.

Успешно восстанавливаются на западных землях города Вроцлав, Колобжег, Эльблонг и многие другие.

Осуществляемый сейчас шестилетний план — план строительства фундамента социализма в Польше — обеспечит дальнейший расцвет экономики воссоединенных земель.

Германская демократическая республика с первых же дней своего существования показала, что она готова пересмотреть и навсегда перечеркнуть существовавшие многие века между польским и немецким народами отношения отчужденности, вражды и военных конфликтов. Наступило время окончательного урегулирования отношений между польским и немецким народами.

Заключенный 6 июля этого года договор между Польшей и Германской демократической республикой о демаркации установленной и существующей границы на Одере и Нейсе Лужицкой — исторический акт, свидетельствующий о коренном повороте в отношениях между народной Польшей и демократической Германией. Обоюдное признание польским и немецким народами западной границы Польши навсегда и окончательно ликвидировало период старых, полных вражды польско-германских отношений.

Польский и немецкий народы признали Одер и Нейсе Лужицкую границей нерушимого мира, тесного сотрудничества и вечной дружбы.

Строится новая ВАРШАВА

Р. ПИОТРОВСКИЙ

Министр строительства Польши

Министр строительства Польши Р. Пиотровский

В метель и мороз возвращались по разбитым дорогам жители Варшавы в январе 1945 года в свою любимую столицу, освобожденную Советской Армией.

Город лежал в пепле и руинах.

Насчитывавшая до войны 1300 тысяч жителей, Варшава в те дни была безлюдна. Только на правом берегу Вислы, в восточном предместье — Праге, освобожденной советскими войсками под командованием маршала Рокоссовского в сентябре 1944 года, теплилась жизнь.

С энтузиазмом восприняли поляки решение своего демократического правительства и Рабочей партии о восстановлении Варшавы. И с радостью узнали мы, что, хотя еще гремела война, руку братской помощи протянули нам народы СССР.

Трудно перечислить все то, чем помог нам, восстановителям Варшавы, Советский Союз. Мы получили промышленное оборудование, транспорт, продовольствие, горючее. Советские специалисты восстановили электростанцию, связь, водопровод. Незабываем подарок великого Сталина — 500 стандартных домов для строителей Варшавы.

В начале 1945 года в Варшаву прибыл Н. С. Хрущев во главе большой группы инженеров и техников. Советские люди, начавшие работать рука об руку с нами, научили нас новым методам труда, вдохновили своей целеустремленностью и верой в победу.

С той поры прошло пять с половиной лет. Варшава снова стала самым большим по численности населения городом Польши, крупнейшим центром общественной и культурной жизни страны.

Восстановление города идет полным ходом. Но задача, поставленная правительством, партией и народом перед строителями, не исчерпывается этим. Варшава реконструируется. На месте старого, капиталистического города растет социалистическая столица.

Грандиозные работы по реконструкции Варшавы включены в шестилетний народнохозяйственный план республики. В течение шести лет весь центр города будет заново застроен кварталами жилых домов. На Служевце, Грохове, Таргувке Каменке, Жолибоже и Жерани воздвигаются жилища для рабочих.

Архитектурный облик и планировка новой Варшавы будут неразрывно связаны с историей польского народа. Уже отстраиваются Муранов, Миров, Млынов. Проложена новая замечательная трасса «Восток — Запад», вдоль которой поднимутся монументальные здания. Вырисовываются очертания новых больших площадей и улиц в центре города.

На Воле, Таргувке, Жолибоже, Жерани строятся промышленные предприятия, оснащенные передовой техникой.

Предстоит реконструировать и расширить железнодорожный узел. В скором времени в Варшаве начнется строительство метрополитена.

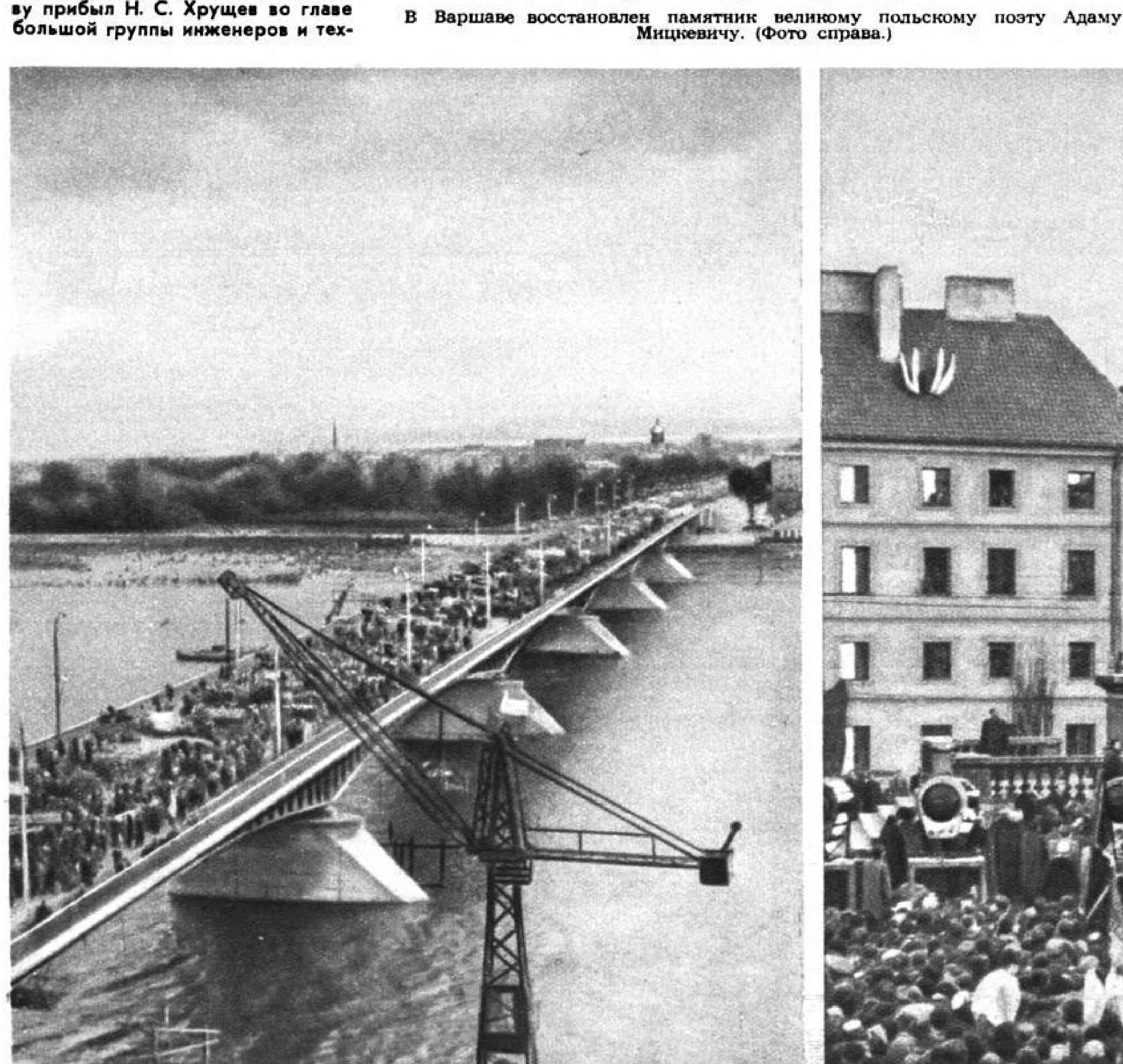
Центральный парк культуры и отдыха на набережной Вислы и новые скверы обогатят город зеленью. Девятнадцать тысяч гектаров земель, прилегающих к столице, будет засажено лесом.

Наш народ охвачен стремлением в кратчайший срок преобразить свою столицу, сделать ее цветущей, красивой, благоустроенной.

Осуществляя план реконструкции Варшавы, мы будем и впредь широко пользоваться богатейшим опытом советских строителей, которым они так искренне, побратски делятся с нами.

В прошлом году на Варшавской конференции Польской объединенной рабочей партии товарищ Берут, говоря о помощи, оказанной советскими людьми восстановителям столицы республики, призывал: «Пусть помнят об этом все, кто ходит по улицам возрожденного города, пусть передадут будущим поколениям горячие чувства уважения и благодарности великому инициатору этой помощи, другу Варшавы, Сталину».

Эти слова с любовью повторяет весь польский народ.

Через Вислу перекинулся недавно открытый Силезско-Домбровский мост. Трудящиеся Праги — восточного предместья Варшавы — проходят по этому мосту в дни всенародных торжеств. (Фото слева.)

В Варшаве восстановлен памятник великому польскому поэту Адаму Мицкевичу. (Фото справа.)

В этих благоустроенных домах живут рабочие столичного района Жолибож.

Слева вверху: завершаются работы по восстановлению Народного театра — одного из самых красивых зданий Варшавы.

В центре: Мариенштат — вновь восстановленный жилой район столицы Польши — место народных гуляний в Варшаве.

Слева внизу: Варшава становится крупнейшим промышленным центром республики. Здесь строится огромный завод легковых автомобилей. Он вступит в строй в 1951 году. Сейчас заканчивается строительство ряда цехов завода.

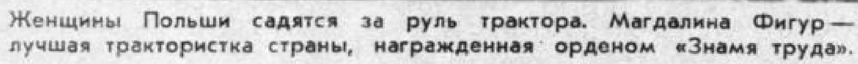
Справа внизу: на стройках Варшавы используют опыт советских строителей, достижения передовой техники СССР.

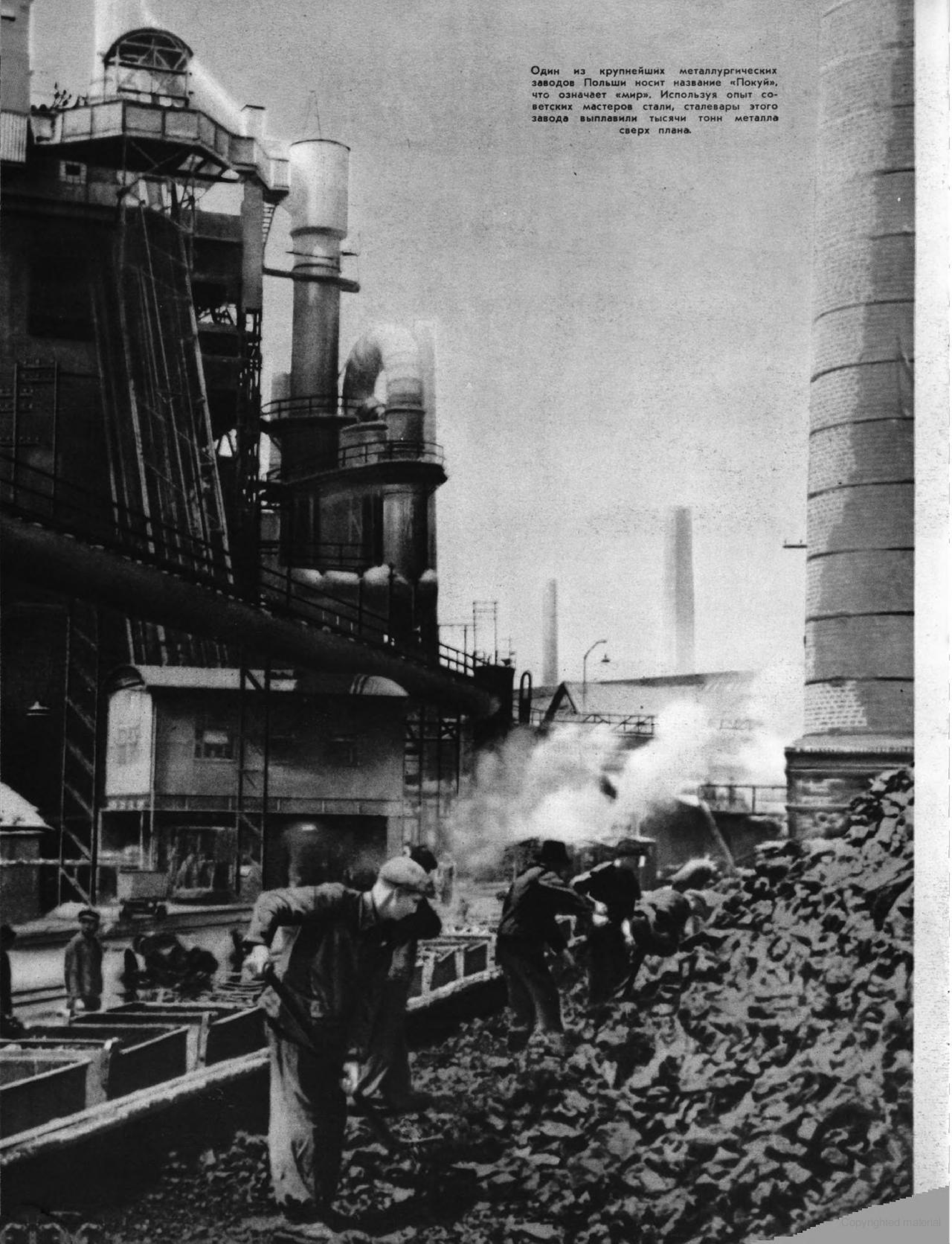

Женщины Польши садятся за руль трактора. Магдалина Фигур — лучшая трактористка страны, награжденная орденом «Знамя труда».

Лучший горняк страны Виктор Маркевка. Соревнуясь в честь борьбы за мир, он досрочно выполнил свое годовое задание.

Вчера — работница, сегодня — мастер, инструктор передовых методов труда Ванда Гостиминская, награжденная высшим орденом «Строитель народной Польши»,— лучшая ткачиха текстильной фабрики в г. Пабьяницы. Сейчас она обучает молодых работниц.

Один из крупнейших металлургических заводов Польши носит название «Покуй», что означает «мир». Используя опыт советских мастеров стали, сталевары этого завода выплавили тысячи тонн металла сверх плана.

ОРДЕНОНОСНАЯ ДЕРЕВНЯ

Яков МАКАРЕНКО

Пшиписувка — деревня, затерянная в песках и лесах Люблинщины. Про такие деревни в Польше до войны говорили: «Забытая богом и людьми». Но теперь эта деревня известна каждому поляку. Славна Пшиписувка своими революционными традициями. В ней издавна существовала и действовала сильная и многочисленная организация коммунистической партии.

В тридцатых годах пшиписувские бедняки, замученные непосильной эксплуатацией, первыми на «кресах», как назывались восточные окраины страны, подняли под руководством коммунистов знамя борьбы против помещичье-буржуазного режима. После подавления восстания десятки лучших сынов Пшиписувки были брошены в тюрьмы. Многие из них долгие годы томились в застенках Березы Картузской, в модлинской крепости, в камерах варшавской тюрьмы Павиак.

Когда на Польшу напала гитлеровская Германия, снова на всю страну прогремела Пшиписувка. Деревня, как один человек, поднялась на защиту родной земли. В Пшиписувке организовался партизанский отряд, который громил немецкие обозы и комендатуры, взрывал мосты, жег склады, не давал покоя оккупантам.

Воспоминания об этих днях свежи в памяти пшиписувцев.

— Бились мы не на жизнь, а на смерть,— рассказывает крестьянин Ян Волянский, старейший в деревне участник революционного движения. — Не хотели мы покориться Гитлеру. Знали поляки, что найдется сила, которая сломает хребет фашизму. Всем сердцем верили мы в Советский Союз, в Сталина, знали, что свобода наша придет с Востока!..

Были в партизанском отряде советские солдаты. Они бежали из гитлеровских лагерей и, узнав о пшиписувских мстителях, становились в их ряды. Троих из них особенно хорошо помнят крестьяне.

Никому в деревне не были известны фамилии этих трех бойцов. Звали их, как старых, добрых знакомых, по именам — Зиновий, Аркадий и Алексей. Это были простые и благородные советские люди. Едва вырвавшись из лагеря смерти, отощавшие и еле живые, они тотчас снова взялись за оружие, чтобы вместе с поляками бить врага.

Все в деревне знали, что весельчак и песенник Зиновий — портной, Аркадий — металлист, а скромный, огромного роста Алексей — колхозник. Зиновий, принесший в Пшиписувку песню о Катюше, латал немудреную крестьянскую одежду; Аркадий чинил прохудившиеся тазы и ведра, мастерил бороны; Алексей исправлял крыши, бондарничал. И знали все в Пшиписувке, что эти люди не только трудолюбивые, но и обладающие беспримерным мужеством и храбростью, всегда были первыми в бою.

Девять раз окружали оккупанты Пшиписувку и устраивали облавы на партизан.

В одну из таких облав гитлеровцы схватили двадцать шесть крестьян и расстреляли их. Но партизанский отряд продолжал действовать. В другой раз, при облаве, которой предшествовал сильный артиллерийский обстрел деревни из минометов и пушек, оккупанты повесили шестерых крестьян. Партизанский отряд продолжал наносить ответные удары. Взбешенные гитлеровцы устраивали облавы одну за другой, бомбили деревню с самолетов, сожгли большую часть крестьянских хат, забрали лошадей, коров, свиней. Партизаны продолжали борьбу. Душой отряда были простые советские воины.

«Что скажет нам Советский Союз?» — так принято было у партизан начинать разговор. И русские говорили свое веское слово, которого слушались все. Они призывали продолжать борьбу. Жители Пшиписувки узнавали в словах простых советских воинов свои собственные думы; ни на один день не ослабляли они борьбы с гитлеровскими захватчиками. Вели они ее и тогда, когда пал в бою смертью храбрых Зиновий, когда убит был Аркадий, когда расстреляли гитлеровские каратели тяжело раненного Алексея.

Казалось, три советских воина и мертвыми стояли плечо к плечу с партизанами Пшиписувки и бились с врагом.

В один из знойных дней июля 1944 года в Пшиписувку пришла свобода. Ее принесла крестьянам героическая Советская Армия.

Народное правительство Польши высоко оценило беспримерный подвиг партизан Пшиписувки. Деревня, как мужественный воин, была награждена орденом Грюнвальда.

В Пшиписувке, как и во всей Польше, началась новая, счастливая жизнь. При помощи народного государства и Польской рабочей партии крестьяне создали у себя в деревне демократические органы власти и послали в них своих представителей — бедняков и середняков. Осуществилось наконец то, за что многие годы боролись лучшие сыны Польши.

Громко зазвучали на улицах Пшиписувки песни про Катюшу и про Каховку, о Чапаеве и о трех танкистах.

— Кто научил вас петь советские песни? — спрашивали крестьян проходящие на запад через деревню советские солдаты.

— Их пел нам Зиновий, наш сердечный друг и брат,— отвечали крестьяне и вели бойцов на могилы трех советских героев

В песках, среди лесов затерялась Пшиписувка.

* * *

Прибавилось в Пшиписувке земли. Государство передало безвозмездно в распоряжение крестьян бывшие помещичьи владения. Многие крестьяне переселились на воссоединенные западные земли; их наделы также были переданы безземельным и малоземельным.

Первое время пшиписувцы жили в землянках или в полуразрушенных, обгорелых избах. Государство предоставило им бесплатно лес для стройки домов. Теперь уж нет в деревне ни землянок, ни развалённых хат. Вдоль длинной засаженной липами и рябинами улицы стоят семь десятков новеньких домов, срубленных из желтой духовитой сосны.

Не было раньше в Пшиписувке школы. Старая власть считала ученье для мужиков ненужным. В первый же год после освобождения в деревне открыли школу. В ней учатся все крестьянские дети. До войны крестьяне могли лечиться только у знахарей; теперь в Пшиписувке свой медицинский пункт, где работает врач.

...Твердо шагая по родной земле, наш собеседник Ян Волянский ведет нас вдоль деревни и продолжает рассказ.

— Смотрите и запоминайте,— говорит он.— Все, что здесь есть, построено нашими руками в последние годы. Хорошеет, наливается силой Пшиписувка! Любимому товарищу Сталину обязаны мы всем этим обновлением.

Волянский подводит нас к могилам трех советских воинов-героев. Могилы обсажены живыми цветами. Волянский благоговейно снимает шапку.

— Им мы благодарны особо,— говорит он, утирая рукавом

Землю обрабатывают тракторами.

Сталинская улыбка

Тадеуш УРГАЧ

Герои черных угольных штреков,
герои руды, чугуна и железа,
машинисты нового века,
сеятели нового леса,
полеводы и агрономы,
повелители рек и песков,
кузнецы народного счастья,
часовые народной власти —
все, кого ведет неуклонно
жаркое сердце и жаркая кровь!
Мне одного бы сегодня хотелось:
чтоб слово мое, вот это, к вам долетело,
как голос страны, начинающей жить,
чтоб мог я к вам зайти для беседы
запросто, как сосед к соседу,
и о главном поговорить.

«Знаешь,— сказал бы колхозник влюбленно,
а рабочий, кивнув, подтвердил бы без слов,—
как же, товарищ, не быть героями
нам, людям советским,
если сам Иосиф Виссарионович —
это наше сердце и наша кровь!
Бывает, комбайн остановится, друг:
видно, вышла в чём-то ошибка.
Ищешь, потеешь, найдешь — и вдруг
почувствуешь сталинскую улыбку.

Бывает, станок твой отличный, друг,
упрется,— известно: капризы стали.
Ищешь, потеешь, найдешь — и вдруг
чувствуешь, тебе улыбается Сталин.

В эти минуты, товарищ, силу
в руках почувствуешь сразу такую,
что горы сдвинуть ее хватило б
или крепость, к примеру, взять любую!
И как же, товарищ, не быть тут героем,
как сидеть тут руки сложа,
если сила сталинская с тобою
и любовь твоего вождя!..»

Так весь вечер течет беседа,
с каждым словом теснее круг
советских друзей с их польским соседом.
Звезды плещутся в небе зыбком...
И почувствуешь вдруг
нежную сталинскую улыбку!

Перевел с польского
Валериан Арцимович

набежавшие слезы. — Они научили нас бороться и побеждать!

* * *

Крестьяне Пшиписувки задумывались над своей судьбой: земли стало у них больше, чем было перед войной, государство помогает во всем, а достатка в доме все нет. Слышали они от тех же вошедших в легенду советских солдат о привольной и счастливой колхозной жизни, сердцем чуяли, что коллективом можно быстрее сделать счастливой жизнь, но долго не решались встать на новый путь.

Весной прошлого года пшиписувские крестьяне командировали в составе делегации польских крестьян на Украину своего представителя. Ездил туда молодой Тадеуш Вуйтович, середняк. «Поезжай, смотри да мотай на ус,— наказывали своему делегату крестьяне. — Посмотри, как живут колхозники, как работают, послушай, что говорят и о чем думают. Приедешь — расскажешь».

Вернулся Тадеуш Вуйтович в деревню восторженный, с вестями необычайными. Целую неделю шли в Пшиписувке жаркие собрания. Делегат без устали докладывал о виденном в украинских колхозах. Крестьяне засыпали Тадеуша вопросами. Из ответов его, так же как из рассказов Зиновия, Аркадия и Алексея, они узнали, что в колхозах живется хорошо, во всем изобилие. И порешили тогда же 38 бедняков и середняков Пшиписувки вести в дальнейшем хозяйство коллективно.

Председателем кооператива единодушно избрали старого Яна Вуйтовича, отца Тадеуша,— мужика умного, упорного, жадного до всего нового и, главное, честного.

— Спасибо, добрые люди, за доверие, — говорил на собрании Вуйтович. — Но беспартийный ведь я!

— Верим тебе, как партийному,— ответили крестьяне. — Знаем, не уронишь нашего доверия!

...Ян Вуйтович — пожилой, крупного сложения человек—повстречался нам среди деревни. Он с удовольствием согласился показать общественное хозяйство, ознакомить с первыми победами Пшиписувки на ниве коллективного труда.

Гордость кооператива — хлеба. Они давно убраны и обмолочены, но рассказ о кооперативной Пшиписувке Ян Вуйтович начинает с урожая ржи и пшеницы. В июле вокруг деревни колыхалось под легким дуновением ветерка хлебное море. Раскинулось оно более чем на ста гектарах, а рядом зеленели, тянулись ввысь овес, горох, сочные, буйные.

— Хлеба удались нам на славу,— рассказывает Вуйтович. — Не чета единоличным. Рожь дала шестнадцать центнеров с гектара, пшеница — восемнадцать. Кооператив собрал на пять — шесть центнеров зерна на каждом гектаре больше, чем единоличники. Вот какие чудеса делает коллективный труд!

— Решила борьбу за урожай в кооперативе,— продолжает Вуйтович, — тракторная пахота. Трактористы отлично обработали нам почву под озимые и яровые. А агротехника! За всю историю Пшиписувки сев впервые проведен был не вручную, как бывало раньше, а рядовой сеялкой, в ранние сроки. Под посевы внесены были минеральные удобрения. Ко всему этому, наконец, надо прибавить животворный коллективный труд. Вот из чего сложился наш урожай.

Улыбаясь чему-то своему, заветному, Вуйтович ведет нас на ферму. За сараями, набитыми пахучим луговым сеном, мы видим только что построенный каменный, крытый шифером хлев с просторными, светлыми стойлами, с вентиляцией. В два ряда стоят холеные коровы.

— Дворина построена на совесть,— комментирует председатель. — Сделана крепко, как положено в коллективном хозяйстве. Как не добреть скоту в такой хоромине?!

Невдалеке от деревни шумит темнозеленой листвой молодой сад. Лет через шесть он принесет первые плоды. Разбит сад на пяти гектарах. В нем тонкие, стройные деревца — яблони, груши, сливы, вишни,— свыше восьмисот корней. Члены производственного кооператива посадили сад осенью прошлого года, накануне семидесятилетия Иосифа Виссарионовича Сталина. Сад называют в деревне Сталинским.

— Потянулись в Пшиписувку люди со всех сторон,— продолжает рассказ Ян Вуйтович. — Едут из соседних деревень и из дальних. Всех интересует: правда ли, что пшиписувские мужики так хорошо живут? Зажиточные воротят нос, середняки приглядываются, прикидывают, а беднота — та прямо въедается во все дела.

Члены кооператива строят все новые и новые здания.

Крепнет общественная, социалистическая собственность в Пшиписувке. Кооператив набирается сил, строит, планирует.

Недавно в деревню проложена электролиния, и «городской свет», как зовут здесь электричество, появился в каждом доме. Вслед за электричеством в деревню пришло радио.

— Все это победы нашего коллективного труда,— говорят члены производственного кооператива. — Памятник тем трем героям, что погибли за наше счастье!

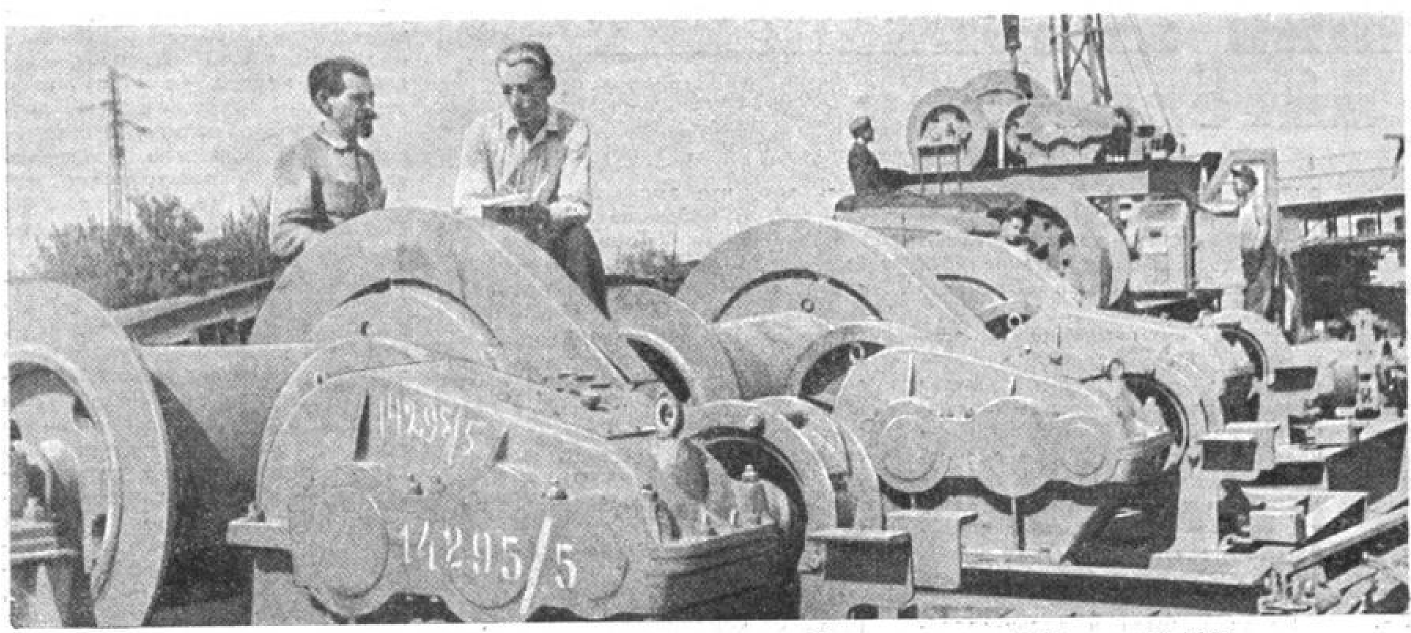
Сделано уже многое, предстоит еще больше. Члены кооператива строят широкие планы: намечено возвести в этом году клуб, большой склад для зерна, сушилку, силосную яму, а в недалеком будущем — несколько новых, на городской манер, жилых домов, приобрести молотилку, еще одну сеялку, жнейку, автомашину и многое другое.

— Взошел свет новой жизни над землей польской,— говорит Ян Вуйтович. — Это великого Сталина свет!

г. Люблин.

В новой Пшиписувке все дети учатся.

Погрузка готовых лебедок на ташкентском заводе «Подъемник» для Куйбышевской ГЭС.

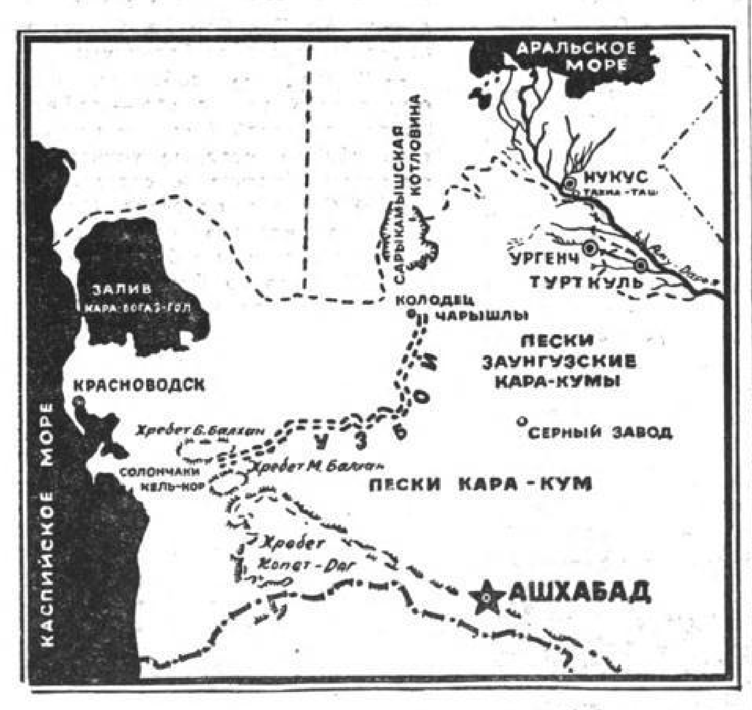
ИЗЫСКАТЕЛИ ВЫХОДЯТ НА ТРАССУ

Беседа с главным инженером «Средазгидростроя» В. С. ЭРИСТОВЫМ

Значение Главного Туркменского канала для экономики страны, его огромная роль в преобразовании природы Средней Азии исчерпывающе освещены в историческом постановлении Совета Министров СССР. Советские люди восприняли это решение правительства с чувством глубокой патриотической гордости, с чувством благодарности инициатору грандиозных строек коммунизма — любимому Сталину. Большой творческий подъем переживаем сейчас мы — коллектив строителей, которому доверено осуществление этого поистине титанического замысла.

Главный Туркменский канал, протяженностью в 1100 километров, будет одним из крупнейших каналов в мире. Он также отличается сложностью и своеобразием строительных работ. Позволю себе привести некоторые сравнительные данные.

Нижне-Гангский ирригационный канал в Индии имеет в длину 850 километров, канал Иосифа в Египте — 420 километров, судоходный канал, соединяющий озеро Эри с рекой Гудзон в Северной Америке, — 560 километров. Средне-германский канал между Рейном и Одером — 566 километров.

Десятилетиями строились Суэцкий и Панамский каналы. Чтобы соединить Средиземное и Красное моря, потребовалось вынуть 75 миллионов кубометров грунта. На это ушло десять с половиной лет. Водный путь через Панамский перешеек, при объеме земляных работ в 212 миллионов кубометров, сооружался 34 года и стоил двадцати тысяч жизней людей, погибших от желтой лихорадки.

На строительстве Главного Туркменского канала, которое будет завершено в 1957 году, намечено вынуть около 300 миллионов кубометров грунта. Не меньшие по объему земляные работы предстоят и при сооружении оросительной системы.

Приступая к новой стройке, советские гидротехники опираются на богатейший опыт, накопленный в годы сталинских пятилеток. Днепрогэс, Беломорско-Балтийский канал имени Сталина, канал имени Москвы, Большой Ферганский канал в Узбекистане, сооруженные в кратчайшие сроки, показали всему миру преимущество советского социалистического строя, зрелость нашей отечественной технической мысли.

Надо отметить, что на трассе Главного Туркменского канала строители встретят особые трудности. На многие сотни километров трасса пройдет в пустыне, вдали от населенных пунктов. Палящий зной, отсутствие воды, барханные пески, движущиеся под влиянием ветра, — все это выдвигает серьезные требования к организации работ.

Работы развернутся прежде всего на головном участке. У Тахиа-Таш, неподалеку от города Нукус, русло Аму-Дарьи будет перегорожено бетонной плотиной. Из водохранилища, которое образуется здесь, вода поступит в канал, ответвляющийся от реки в западном направлении. Как известно, бурные воды Аму-Дарьи несут с собой много донных и взвешенных наносов. Чтобы предохранить канал от засорения илом, у водохранилища, в месте ответвления канала, будут устроены промывные галереи и отстойные сооружения.

Прокладку русла канала намечается вести так называемым пионерным способом. Сначала будет прорыто узкое русло на протяжении нескольких километров. Затем в это русло пустят воду Аму-Дарьи и введут в него пловучие землесосы (рефулеры). Землесосы расширят и углубят русло до размеров, предусмотренных проектом. Тем временем сухопутные экскаваторы начнут прокладывать уже следующий пионерный участок. Чтобы выкопанное русло не заносилось движущимися песками, одновременно с его прокладкой берега будут укрепляться посевами саксаула. Необходимая для поливки посевов вода будет подаваться насосными установками вдоль всего канала.

Как известно, трасса Главного Туркменского канала пройдет по древнему руслу Аму-Дарьи — Узбою. Эта естественная выемка в отдельных местах достигает в ширину нескольких десятков метров. Чтобы поддержать необходимые глубины, на Узбое будут созданы два водохранилища. Места эти расположены в 40—100 километрах от линии Ашхабадской железной дороги. Недалеко от неё создается крупная база строительства. Отсюда начинается прокладка подъездных железнодорожных и шоссейных путей к будущим стройплощадкам на Узбое.

Строительная площадка головного сооружения у Тахиа-Таш будет связана с новой железной дорогой, строящейся параллельно Аму-Дарье.

Наряду с железными дорогами огромную роль в снабжении строительства призван сыграть автомобильный и воздушный транспорт. Предстоит проложить в песках Кара-Кумов сотни километров шоссейных и грунтовых дорог.

Для снабжения строительства электроэнергией будут сформированы энергопоезда — передвижные станции, размещенные в железнодорожных составах. Намечается широко использовать местные энергетические ресурсы, в частности силу ветра пустыни, которая приведет в действие ветряные электродвигатели. Кроме того от промышленных центров Туркмении к районам работ протянутся линии электропередачи. В дальнейшем, после завершения строительства, эти же линии используют для подачи энергии с гидростанций канала в промышленные центры республики.

Близ главных строительных площадок вырастут благоустроенные поселки. Учитывая тяжелые климатические условия пустыни, намечается оборудовать служебные и жилые помещения специальными установками для кондиционирования воздуха.

Все строительные работы будут максимально механизированы. Мощные экскаваторы с ковшами емкостью от 3 до 14 кубометров и годовой производительностью до 1800 тысяч кубометров, землесосы, уже испытанные на строительстве многих земляных плотин, — все эти машины в изобилии предоставит нам отечественная промышленность. Машиностроительные заводы страны дадут строителям Главного Туркменского канала тысячи грузовых автомашин и автосвалов, тракторов, бульдозеров, скреперов. На трассе будут воздвигнуты бетонные заводы, которые можно будет передвигать с места на место по мере потребности в бетоне на отдельных участках стройки.

Сейчас на трассе развертываются изыскательские работы. В бассейн Аму-Дарьи и в Кара-Кумы отправляются геологи, гидрогеологи, метеорологи, агрономы, почвоведы. Им предстоит исследовать грунты и климатические условия, заняться вопросами артезианского бурения, подыскать участки для создания подсобных хозяйств и т. д.

Новая грандиозная стройка сталинской эпохи вызывает огромный интерес среди всех советских людей. Множество энтузиастов обращается в Управление строительства с предложением своих услуг, стремясь скорее выехать на место и принять участие в изыскательских и подготовительных работах. Сейчас уже можно говорить с полной уверенностью, что в строительстве Главного Туркменского канала примет участие вся страна, весь советский народ.

ДЛЯ НОВОСТРОЕК

Этот заказ на ташкентском заводе «Подъемник» знают все. 14295 — номер заказа великой сталинской стройки — Куйбышевской ГЭС. И каждый рабочий считает для себя честью именно на этой работе показать пример стахановского труда.

...К станку Николая Акопова подходит старший мастер механического цеха Петр Яковлевич Корявов:

— Как идет дело?

— Не беспокойтесь, Петр Яковлевич. Знаю, какой заказ выполняем. Все будет в порядке. И сегодня дам две с половиной нормы.

В мерный гул работающих станков врывается высокий, заполняющий весь большой цех визг.

— Слышишь?— говорит мастер.— Это Иван Иванович новый барабан поставил на обточку. Семьсот метров в минуту — хорошая скорость. Пойду проведаю старика.

Ивана Ивановича Гаврилова, токаря-скоростника и одного из старейших работников цеха, знают на заводе все. Его фамилия не сходит с заводской доски почета.

Когда старший мастер подошел к станку Гаврилова, Иван Иванович вынул из кармана спецовки сложенную газету и спросил:

— Газету читал?

— Читал, читал,— улыбается Корявов. — К новому заказу присматриваешься?.. Да, не миновать нашим лебедкам и Туркменского канала.

Стахановец - многостаночник завода «Подъемник» Н. Р. Акопов (справа) и старший мастер П. Я. Корявов у зуборезного станка, на котором выполняется заказ Куйбышевской ГЭС.

Это уж — кровное дело узбекских машиностроителей. А пока надо куйбышевский заказ сдать. Слово нужно выполнять...

А слово было такое: к 33-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции изготовить сверх плана 20 мощных лебедок.

Узбекские машиностроители с честью выполняют свое обязательство. Уже к 15 сентября завод отправил в Куйбышев одиннадцать новых лебедок, а стахановцы-мастера сборочного цеха Спартак Шаипов и Иван Мочинов в этот же день закончили сборку двенадцатой.

Провожая глазами кран, уносящий поблескивающую свежей краской лебедку, Спартак Шаипов говорит:

— Скоро и остальные восемь сделаем. Это стахановский привет Узбекистана волжанам.

Н. СОЛОВЬЕВА.

Злодеяния американских интервентов

Для жителей корейского города Вонсан (Гензан), как и для всех корейцев, советские люди не только спасители их родины от японского ига. Они видят в них искренних друзей, братская поддержка которых была проявлена на деле множество раз. Уже после того как советские войска покинули корейскую землю, перед глазами местного населения оставалось много ярких свидетельств бескорыстной помощи страны-освободительницы. Проходя мимо здания бывшего японского училища, где раньше муштровалась молодая поросль колонизаторов, жители Вонсана с благодарностью смотрели на скромный знак красного креста, обозначавший, что ныне здесь расположена больница.

При господстве самураев корейский народ был обречен на голод и болезни. Не умрешь с голода — умрешь от эпидемии — эта угроза неотступно стояла перед каждым тружеником. Новая, народная власть Корейской народно-демократической республики одной из первых своих задач справедливо считала организацию широкой лечебной помощи населению. И если эта задача решалась успешно, то в значительной мере благодаря щедрой поддержке Советской страны.

Советское Общество Красного креста за короткий срок открыло в Корее 19 крупных больниц, полностью оборудовав их и направив туда квалифицированный медицинский персонал. В дальнейшем 17 больниц были переданы корейским органам здравоохранения, а две, в Пхеньяне и Вонсане, продолжали оставаться советскими, служа образцом для всей лечебной сети свободной Кореи.

Врач Василий Иванович Соколов, работавший в вонсанской больнице около двух лет, рассказал корреспонденту «Огонька»:

— Двухэтажный кирпичный дом, где помещалась больница, пользовался огромной популярностью не только в самом Вонсане, но и во всей прилегающей провинции. До 250 больных принимали ежедневно советские врачи. Первый этаж был занят поликлиникой, имевшей хирургический, терапевтический, невропатологический, кожный и многие другие кабинеты. Здесь же находились отлично поставленная процедурная и хорошо снабженная медикаментами аптека. Второй этаж был отведен под стационар. В просторных палатах располагалось сто коек.

Врачи высокой квалификации оказывали такую всестороннюю и эффективную лечебную помощь, о какой рядовой кореец и мечтать не мог в годы японской оккупации.

— Нам приходилось встречаться, — говорит В. И. Соколов, — с последствиями буквального калечения людей японскими врачами. Порой мы даже сомневались, имели ли эти «лекари» какое-нибудь отношение к медицине. Приглядываясь ближе, мы убеждались, что японский врач разделял те же колонизаторские взгляды, что и японский помещик или фабрикант. «Помощь» оказывалась в таких пределах, чтобы человек как-нибудь стоял на ногах. Когда же поддерживать его становилось «нерентабельным», он обрекался на смерть.

Людям, нуждавшимся в длительном лечении, производили несколько уколов. Подстегнутая таким образом человеческая «машина» делала еще какое-то количество оборотов, а потом окончательно выходила из строя. Многие заболевания, включая язву желудка, «лечили» варварскими способами. К телу прикладывали травы, оставлявшие ожоги, а то и просто раскаленное железо.

Конечно, были и врачи-корейцы, но они насчитывались единицами: высшее образование для широких слоев корейского населения оставалось недоступным. До освобождения в Северной Корее не было ни одного высшего учебного заведения.

Больница Красного креста была местом паломничества корейских врачей, своеобразной высшей школой для них. Они, на положении практикантов, дежурили в кабинетах, палатах, наблюдали за операциями.

Многое можно было бы еще рассказать об этом интересном периоде в моей жизни, но последовавшие затем события заставляют думать об ином...

И Василий Иванович, человек, немало повидавший на своем веку, проведший на фронте всю вторую мировую войну, с трудом находит слова, рисуя картину подлости американских интервентов:

— Однажды утром я приехал в Пхеньян. Семь часов подряд я был свидетелем неописуемого варварства трумэновских стервятников, посаженных на «летающие крепости». Я никак не мог отвязаться от чувства, что это 1941 год и что в небе не американские летчики, а стопроцентные гитлеровцы. Вот так же точно геринговские летчики летали над городами, обстреливали из пулеметов одиночных прохожих, забавлялись тем, что поливали свинцом стариков и ребятишек.

Несколькими днями позже я был в городе Коген. У меня на глазах воздушный бандит носился бреющим полетом над улицей, беспрестанно обстреливая одну и ту же «цель»: старуху, которая гнала корову. Растерявшаяся женщина не могла спрятаться от этого смертоносного дождя. Заокеанский «асс» добился своего: убедившись, что оставляет в городе еще одну жертву, он взмыл в небо...

Как было не вспомнить меткое слово одного вонсанского врача: «Американцы освобождают Корею... от корейцев!»

— В Вонсане, — говорит тов. Соколов, — были две крупные больницы — советская и корейская. Огромные знаки красного креста не могли не отличать их от других городских зданий. Тем более, что больничные корпуса стояли на самой окраине города, а за ними начинался сплошной пустырь. Но то, что по международным обычаям служит гарантией от воздушных бомбежек, для американских пиратов как раз явилось самой желанной приманкой. Они бомбят больницы, обстреливают пассажирские поезда, школы, рынки. Снедаемые бессильной злобой, они мстят за свое всесветное позорище убийствами женщин, детей, больных.

7 июля на Вонсан налетела очередная стая бомбардировщиков. 500-килограммовые, однотонные и двухтонные бомбы падали в такие районы города, где не могло быть и помину о военных объектах, заводах, фабриках. Долгое время мишенью служили больничные здания. Не отличающиеся особой меткостью трумэновские посланцы сумели лишь повредить эти здания, не разрушив их полностью. 13 июля они вернулись довершить свое гнусное дело. В этот день список злодеяний американских палачей пополнился разрушением двух вонсанских больниц...

— Врачи, санитары, добровольцы из гражданского населения, — продолжает В. И. Соколов, — заслышав воздушную тревогу и зная, какие объекты прежде всего привлекут налетчиков, своевременно выносили больных, упрятав их в защищенные места. На этот раз человеческих жертв среди больных почти не оказалось.

— Я был свидетелем множества героических поступков корейцев в тылу. Под бомбежкой, под непрерывным пулеметным обстрелом они совершали настоящие подвиги, спасая людей, туша пожары, оказывая своевременную помощь раненым. Нельзя без волнения говорить о корейцах-санитарах нашей больницы, которые вместе с нами, рискуя жизнью, спасали больных. Что касается советских врачей и санитаров, то они своим поведением, как всегда, служили примером.

— Расскажите советским людям, — просит В. И. Соколов, — о героической смерти на своем посту чудесной русской девушки Марии Куликовой, старшей хирургической сестры больницы Красного креста. Во время ожесточенных бомбежек она заражала всех своим бесстрашием, она не успокоилась, покуда последний больной не был снесен в укрытие. Но сама Куликова в укрытие не успела. Смертельно раненная осколком бомбы, она бросила последний взгляд туда, где лежали спасенные ею люди...

В. И. Соколов рассказывает о многих своих беседах с корейцами. Нет предела яростной ненависти к американским убийцам, которой проникнут весь корейский народ. Особенно запомнились слова вонсанского железнодорожника Пак Сен Бо, бывшего пациента советской больницы:

— Кореец не забывает, кто ему сделал зло, а кто — добро. Из трумэновской Америки прилетели убийцы, которые уничтожают наших братьев и сестер. Из страны Сталина приехала Мария Куликова, которая отдала свою жизнь, спасая наших братьев и сестер. Никогда не будем мы под пятой американцев! Никому не нарушить нашей дружбы со Страной Советов!..

Излюбленная мишень трумэновских воздушных бандитов — корейские больницы. Разрушенная больница, изображенная на нашем снимке, — яркое свидетельство злодеяний американских интервентов.

Корея в борьбе

(По страницам корейской печати)

ПОДВИГ СОН МАН ГИРА

Пхеньянская газета «Минджю Чосон» рассказывает о героическом подвиге молодого бойца Народной армии Сон Ман Гира. Получив приказ разведать расположение американских войск, храбрый солдат вплавь переправился через реку и углубился в расположение противника.

В пяти километрах от линии фронта его неожиданно атаковали пять американцев во главе с капитаном. Молодой, но уже закаленный в боях солдат не растерялся: длинной очередью из своего автомата он свалил четверых интервентов, а пятый, офицер, поднял руки.

Сон Ман Гир благополучно доставил пленного в свой полк, где до смерти перепуганный «завоеватель» дал на допросе ценные показания. «Там, где Сон Ман Гир,— всегда успех»,— говорят бойцы части, в рядах которой сражается герой.

На этом снимке из газеты «Юманите» показана захваченная в плен партизанка. Американские убийцы, приговорив ее к смерти, повесили ей на грудь мишень.

ДОСРОЧНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ДВУХЛЕТНЕГО ПЛАНА

Корейская печать сообщает о героическом труде рабочих Северной Кореи. Несмотря на зверские бомбардировки, предприятия изо дня в день дают все больше продукции. Рабочие рудника, где управляющим Ким Сен Му, выполнили месячный план в три недели. Не жалея сил, трудятся рабочие предприятия, где директором Юн Бар Хен. Они уже закончили выполнение двухлетнего плана и берут обязательство до конца года дать столько же продукции, сколько дали за первые шесть месяцев. «Это,— говорят они,— наш ответ американским воздушным пиратам».

Героически работают корейские железнодорожники, перевозя под обстрелом и бомбежкой грузы для фронта. Интервенты не в силах дезорганизовать работу транспорта.

Президиум Верховного Народного Собрания Кореи наградил орденами и медалями рабочих, инженеров и служащих железнодорожного транспорта. Шесть героев-железнодорожников награждены орденом Государственного знамени III степени и 23 человека — медалью «За заслуги».

НОЧНОЙ БОЙ

В горах, на подступах к важному стратегическому пункту, продвигалось одно из подразделений Народной армии. К концу дня, перед самым закатом солнца, головные заставы обнаружили противника численностью до двух батальонов. Американцы, располагавшие большим количеством тяжелых пулеметов и 105-миллиметровых орудий, занимали высоты, господствовавшие над местностью.

Офицер Сим Чан Сеп получил боевой приказ возглавить со своим взводом атаку высот. Бойцам Сим Чан Сепа удалось незамеченными приблизиться к расположению американцев. Молча, страшные в своем немом гневе, обрушились корейские солдаты на интервентов. Американцы не вынесли рукопашного боя. Всего несколько минут потребовалось взводу Народной армии, чтобы в кровопролитном штыковом бою очистить высоту.

Не давая врагу опомниться, корейцы атаковали вторую высоту. Американцы, занимавшие соседние с ней возвышенности, не могли открыть огонь, боясь поразить своих. Снова завязался гибельный для «рыцарей доллара» рукопашный бой. Боец Ким Чан Нён, расстреляв все патроны, прикладом автомата проложил себе дорогу к командному пункту противника. Оставляя трупы на своем пути, он прорвался к офицерскому блиндажу, и взрыв гранаты смешал все с землей.

Тем временем бойцы другого взвода, пользуясь кромешной тьмой, подбирались к третьей высоте. Один неверный шаг грозил гибелью храбрецам; ползком, цепляясь за кустарник, взбирались они по крутому склону горы, которую американцы считали неприступной. Пошли в дело ручные гранаты и штыки.

Бешено сопротивлявшиеся американцы были уничтожены. Важный рубеж перешел в руки Народной армии.

ПАК ДЮН БОН — ПАТРИОТ И БОРЕЦ

В числе ста восьмидесяти патриотов-подпольщиков, боровшихся против антинародного режима в Южной Корее, крестьянин Пак Дюн Бон был схвачен лисынмановскими жандармами и брошен в тюрьму города Вончжу. Когда Народная армия подошла к городу, американцы приказали расстрелять заключенных.

«Лисынмановские собаки связали нас,— рассказывает Пак Дюн Бон,— а лощеные американские офицеры показывали им, как это нужно делать — скручивать по пять человек одной веревкой. Мы сопротивлялись, но что можно сделать голыми руками против автоматов?»

Связанных людей посадили в грузовики и вывезли из города, где уже шли уличные бои. В дороге товарищи Пак Дюн Бона сумели зубами ослабить узлы связывавшей его веревки. Когда машины остановились в лесу и обреченных на смерть людей стали сбрасывать с грузовиков, Пак Дюн Бону удалось освободиться от пут и, пользуясь темнотой, отползти в сторону.

«Спрятавшись неподалеку в кустарнике, — рассказывает он, — я слышал команду на английском языке и короткие автоматные очереди. Это по приказу американцев убивали моих товарищей. Сердце мое наполнилось скорбью и гневом. Я поклялся бороться за освобождение моей страны, тело которой терзают эти подлые псы». На другой день Пак Дюн Бону удалось достигнуть расположения частей Народной армии.

Сейчас пламенный патриот, верный сын своего народа, Пак Дюн Бон избран председателем Народного комитета в родном Вончжу. «Многострадальное корейское крестьянство получает землю. Оно не отдаст ее никаким империалистам и их наемникам», — говорит Пак Дюн Бон.

ВЫСТУПЛЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОГО ЕПИСКОПА

Известный в Южной Корее деятель католической церкви епископ Ким Ик Ту, возмущенный злодеяниями американских интервентов, обратился ко всем верующим христианам Кореи с призывом оказывать всемерную поддержку Народной армии в ее борьбе за свободу и независимость Родины. Он благословил сражающихся за правое дело воинов Корейской народно-демократической республики.

«Я ПРИЗЫВАЮ ВСЕХ АМЕРИКАНЦЕВ...»

Телеграфное агентство Кореи сообщает, что сдавшийся в плен капитан армии Соединенных Штатов Бойсон выступил в Пхеньяне со следующим заявлением:

«Я, пленный капитан Бойсон, обращаюсь ко всему американскому народу. Со мной попали в плен 306 человек. Мы очень счастливы, что это произошло, что смерть миновала нас. Корейцы создают нам все условия, мыслимые во время войны, и мы живем очень неплохо. До того момента, как мы попали в Корею, мы думали, что корейцы Юга примут нас дружески и будут нам усердно помогать. Но мы скоро узнали, что этот тип — Ли Сын Ман — марионетка. Корейцы Юга хотят жить в дружбе с корейцами Севера. Это их единственное стремление.

Поэтому я обращаюсь ко всему народу Соединенных Штатов и говорю — политика Америки неправильна, ее нужно изменить. Требуйте у своих руководителей, чтобы американскую армию вывели из Кореи. Корейцы не причинили Америке никакого вреда. Пусть они сами решают корейский вопрос.

Я призываю всех американцев приостановить это грязное дело. Я очень прошу: не посылайте сюда больше войск. Я прошу вернуть на родину меня и всех солдат армии Соединенных Штатов. Будем друзьями корейского народа».

В ФОНД ОБОРОНЫ

Все шире разрастается в Корейской народно-демократической республике патриотическое движение за усиление мощи Народной армии. К началу сентября в фонд строительства самолетов, танков и кораблей в северной части республики собрано более 416 335 тысяч вон наличными деньгами, много продовольствия, скота и ценных вещей.

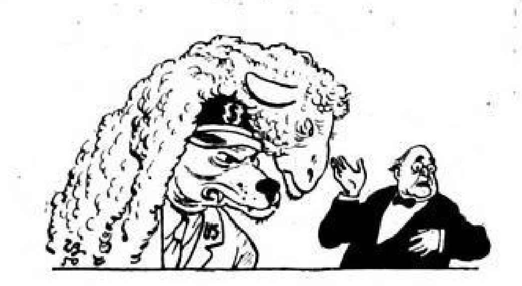
Патриоты Кореи досрочно выплачивают суммы по подписке на государственный заем «Развития народного хозяйства». Крестьянин Тю Сын Нан из деревни Кымпок уже внес всю сумму подписки. Его примеру последовали все крестьяне деревни. Население провинции Дяган полностью закончило внесение денег по подписке на государственный заем.

Замечания по поводу...

ВОЛК-ПРАВОВЕД

(Полубасня)

Кто в правовой литературе
И в нормах права знает толк,
Легко определит агрессию де-юре.
Однажды волк,
С поличным пойманный (повидимому, как-то
Он зазевался на момент),
Предстал перед судом, как подлинный, де-факто
Четвероногий интервент.
Но волк, увертлив по натуре,
Овцой прикинулся,— хитрец на сей предмет
В овечью шкуру был одет:
Мол, сами видите по шкуре,
Что юридически — де-юре —
Прямой агрессии здесь нет!
Мол, сами слышите: миролюбиво блею
О мирных принципах, по-волчьи — ни словца...
«Пусть, — говорит, — зовут волков на ассамблею,
Я докажу, что я овца!
Я — жертва заговора злого
Моих завистников, и если виноват,
То разве в кротости...»
Тут взял, как должно, слово
Наемный волчий адвокат.
Он долго славил — речь за речью! —
Волков и кротость их овечью;
Всплакнув у волка на плече,
Признал, что есть и в нем изъянцы:
Он мясом брезгует, но волки же вообще —
Известные вегетарьянцы,
И в этом, собственно, причина всех их бед!
Звезд не хватал он, видно, с неба —
Он был бездарный правовед
(Ну, вроде, скажем, сэра Джебба).
Волк молча слушал и — скучал.
Он юридических начал
Не понимал и, в них не веря,
Вдруг перешел на «довод» зверя:
Он зарычал
(Он был не так в притворстве злостен,
Как «миротворец» мистер Остин)!..
Сей неприятный инцидент
Лишь подтвердил прокуратуре,
Что, вопреки овечьей шкуре,
Волк — и де-факто и де-юре —
Агрессор-интервент.

Эмиль КРОТКИЙ

Уари из Кобанского ущелья

Его зовут Уари Шанаев. Уари — по-осетински орел. Может быть, не случайно родители дали ему это имя: сын, как луч надежды, осветил дом бедного осетинского крестьянина.

Уари, как орел, живет высоко среди гор. По глубокому Кобанскому ущелью, вдоль зеленых склонов Кавказского хребта, на виду у ледников и снежных вершин лежит дорога к «гнезду орла» — домику Шанаева в селении Кобань. Крутая тропа, убегая вверх от горной дороги, ведет к холму, где стоит маленький белый домик, окруженный огородными грядками и фруктовыми деревьями.

Много лет назад на охоте Уари потерял зрение.

В те годы Кобанское ущелье уже жило новой, колхозной жизнью, и это, как говорит Уари, было тем единственным светом, который продолжали видеть его глаза. С посохом в руках он бродил по хорошо знакомому ущелью, вслушивался в рассказы жителей о том, как торжествует труд свободного народа, как воплощаются его вековые мечты и надежды.

Уари сложил тогда свою первую песню — «Восход». Это была песня о восходе над горным ущельем нового солнца, осветившего путь кобанским беднякам.

Из уст в уста передавались песни Уари. Они неслись через горные реки и перевалы, через равнины и ущелья. Их можно было слышать в каждом домике кобанского колхозника, в заводском цехе и в фруктовом саду, в полевом стане и на клубной сцене. Песни эти звали людей к беззаветному труду, прославляли радость новой жизни народа. Уари принадлежит и пьеса «Азау» — о девушке-горянке, сражавшейся на баррикадах гражданской войны.

...Вот он сидит, откинувшись на стуле, чуть наклонив голову в барашковой черной папахе, с дымящейся трубкой в зубах. Большой лоб изрезан морщинами. Они то густо собираются, когда мысль старика напряжена, то разбегаются. Не отрывая глаз от слушателя, будто наблюдая за ним, Уари слегка певуче, голосом, в котором ощущается негодование, читает на осетинском языке свое новое стихотворение. Из Кобанского ущелья оно адресуется далеко за океан, к тем, кто развязал жестокую войну в Корее, разрушает города и села, поливает развалины кровью стариков, женщин и детей:

Правда, как гром, разразится над вами,
И гневом наполнится всюду земля.
Рухнут, развеются ваши надежды,
Мир вас проклянет, отвергнет, забудет,
И память о вас потонет в веках...

После занятий в школе прибегает дочь соседа — восьмиклассница Санита. Она садится против слепого поэта с тетрадкой и карандашом и записывает стихотворные строки Уари. Записывает, читает ему и перечитывает, зачеркивает и восстанавливает по его требованию десятки и десятки раз. Санита с любопытством наблюдает, как в эти минуты преображается старик, какими проницательными кажутся его невидящие глаза, какие краски в природе и в человеке открываются перед его внутренним взором.

Из своего «гнезда» Уари смотрит в глубину минувших лет. Перед ним встают страницы истории осетинского народа, многие из них еще не записанные, и он сам становится летописцем.

Теперь мысли поэта заняты новым творением. Он задумал поэму о человеке нашего времени. Прообраз героя поэмы — кобанский старик Цыппу Байматов. Цыппу, услышавший о гениальном ленинском плане электрификации страны, первый заговорил о стремительных водах Гизельдона, прорезающего Кобанское ущелье. Он обходил тогда ущелье и палкой делал отметины, где и что можно будет построить, когда сила воды Гизельдона станет служить народу. Многие косились на этого «одержимого» человека. Но прошли годы, и в Кобанском ущелье выросла Гизельдонская электростанция, преобразившая жизнь всего района.

Образ простого человека Цыппу Байматова, по мысли Уари, явится воплощением творческой силы, воли строителей новой жизни — советских людей. Это будет поэма о любви и благодарности осетинского народа великому Сталину.

М. МИРЛЭ

Село Кобань.
Северная Осетия.

КОРОТКО

НОВОЕ, ВТОРОЕ полное собрание сочинений академика И. П. Павлова выпускает Академия наук СССР. Оно выходит в шести томах (восьми книгах). Издание уже печатается. В него включен ряд работ гениального русского ученого по кровообращению и условным рефлексам и «Лекции по физиологии». Отдельный, дополнительный том составят библиографический, именной и предметно-тематический указатели, а также очерк о жизни и деятельности И. П. Павлова.

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ состоялась в селе Демидове, Дымерского района, на Киевщине, на тему «За мир, против войны!». С докладом «Великий Сталин — знаменосец мира» выступил молодой колхозник, ныне студент Киевского университета Н. Лукьяненко. Колхозница-комсомолка В. Курятник сделала доклад «Советский Союз — могучий оплот мира и безопасности народов». Доклады оживленно обсуждались собравшимися.

Лучший магазин нефтяников

Внешне этот магазин ничем не примечателен.

Находится он в небольшом одноэтажном здании, близ моста, за которым сохранилось его старое наименование — Черногородский; здесь берет свое начало Шаумяновский район города Баку с его заводами, фабриками. Продовольственный магазин № 46 принадлежит отделу рабочего снабжения завода имени Сталина.

Войдите в магазин, и ваше внимание привлекут большой выбор продуктов, необычайная чистота, изящная отделка помещения. На самом видном месте красуется переходящее Красное знамя ВЦСПС и Министерства торговли СССР — свидетельство победы коллектива магазина во Всесоюзном социалистическом соревновании.

Магазин этот пользуется большой популярностью среди нефтяников. Культура сказывается здесь во всей постановке торговли. И в том, как обдуманно распределена площадь: потоки посетителей не сталкиваются друг с другом. И в удобном расположении товаров: сразу виден весь наличный ассортимент. А прежде всего, конечно, в обслуживании покупателей.

Особенно споро работает молодая продавщица гастрономического отдела Сона Багирова, которую вы видите на снимке за прилавком. Как-то так повелось, что с нею советуются, прежде чем купить продукты.

— Я за город уезжаю, какую колбасу лучше взять? — спрашивает молодой нефтяник.

В магазине № 46 орса Бакинского нефтеперерабатывающего завода имени Сталина.

Фото М. Фришмана и С. Кулишова

— Просили меня сухое вино купить. Какое вы предложили бы? — справляется пожилая женщина, не сильно разбирающаяся в напитках.

Быстро, но не суетливо действуют и девять других продавцов. Поэтому в магазине никогда не бывает очередей, даже вечером, когда приходят за покупками нефтеперегонщики, рабочие авторемонтного завода, обувной фабрики и многих других предприятий, расположенных поблизости.

Все возрастающая популярность магазина, как и рост покупательной способности населения, характеризуется товарооборотом. В 1948 году ежедневная выручка составляла в среднем 2500 рублей, теперь — 16—17 тысяч. В феврале этого года, до нового снижения цен, месячный товарооборот выразился в 405 тысячах рублей. Но уже в следующем месяце эта цифра значительно возросла. Магазин в третий раз завоевывает первенство во Всесоюзном социалистическом соревновании.

В конце августа магазин провел традиционную конференцию покупателей. К их предложениям здесь чутко прислушиваются. В книге отзывов можно встретить немало теплых слов о работниках прилавка, любовно относящихся к своему делу.

А. КИКНАДЗЕ

Музей великого русского математика

Это село раскинулось в живописной местности в 90 километрах от Москвы, близ станции Балабаново, Московско-Киевской железной дороги. В ознаменование исторического события, когда наполеоновские полчища были изгнаны из здешних мест, село назвали Спасом на Прогнаньи.

Село это привлекает много экскурсантов. Здесь на церковном дворе находится наглухо замурованный склеп, в котором погребен великий русский математик и выдающийся педагог XIX века П. Л. Чебышев. На бронзовой мемориальной доске, установленной 56 лет назад, читаем:

«Здесь погребен Пафнутий Львович Чебышев, Член императорской Российской и Французской академий наук, заслуженный профессор императорского С.-Петербургского университета, почетный член многих академий, университетов и ученых обществ русских и заграничных, действительный тайный советник и кавалер орденов: благовернаго князя Александра Невского и французского ордена почетного легиона командорского креста. Родился 14 мая 1821 г. Скончался 26 ноября 1894 г.»

Сейчас Математический институт имени В. А. Стеклова Академии наук СССР принял меры к восстановлению могилы П. Л. Чебышева. Здесь будет создан музей. Сюда часто приезжают научные сотрудники института. Они проводят беседы с местными колхозниками, школьниками — экскурсантами, — рассказывают им о жизни и деятельности П. Л. Чебышева.

В. ПРУДНИКОВ

На полюсе холода

В 1926 году верховье реки Индигирки исследовал выдающийся советский ученый С. В. Обручев. Вернувшись из экспедиции, он издал книгу «В неведомых горах Якутии». В книге есть такие интересные строки: «В Оймяконе зимой не только почти нет ветра, но нет почти и осадков. И это не удивительно: Оймякон закрыт от ветров и приноса влаги со всех сторон высокими хребтами. Эти же барьеры, в связи с значительной высотой, создают и чрезвычайно низкие температуры... Повидимому, Оймякон является соперником Верхоянска на звание полюса холода».

Советские ученые заинтересовались этим любопытным географическим пунктом нашей страны. Выстроенная в Оймяконе метеорологическая станция в январе 1934 года зарегистрировала температуру воздуха 74° ниже нуля, значительно ниже, чем в Верхоянске. Дальнейшие наблюдения подтвердили, что не Верхоянск, а Оймякон является настоящим мировым полюсом холода.

...Небольшой, чистенький поселок расположен на берегу величавой сибирской реки Индигирки. Со всех сторон он окружен горами, одна из которых — гора Кыллах — достигает высоты 1700 метров.

Секретарь райкома партии Филипп Петрович Дьячков, тридцатилетний якут, рассказывает нам:

— Поселок Оймякон возник сравнительно недавно — в 1934 году. До этого здесь стояло несколько юрт, в которых жили якуты — рыболовы и охотники. Сейчас Оймякон — центр большого сельскохозяйственного района, в котором свыше ста жилых домов, семилетняя школа, больница с амбулаторией, радиоузел, Дом культуры. В магазинах много промышленных и продовольственных товаров. Мы тесно связаны со столицей республики — городом Якутском. Если до революции из Якутска в урочище Оймякон люди с трудом добирались через 2—3 месяца, то сейчас автобус проходит это расстояние за 5 суток, а самолет — всего за 2 с половиной часа.

Район у нас богатый. Только одной пушнины ежегодно сдаем государству на миллион рублей. Колхозники живут зажиточно. Взять, например, колхоз «Красный сектор», расположенный в трех километрах отсюда. В колхозе огромные стада оленей, коров и лошадей.

Филипп Петрович с гордостью говорит о здешних людях — Герое Социалистического Труда Г. А. Кривошапкине, депутате Верховного Совета Якутской АССР Ирине Ивановне Кондаковой, об охотниках, которые в четыре раза перевыполняют задание по заготовке пушнины.

...Самолет медленно проплывает над поселком. С большой высоты он кажется расположенным на дне огромной каменной чаши, разрезанной надвое полоской Индигирки. А вокруг, насколько может охватить взгляд, простирается тайга.

Г. БАЛДИН

Выступление танцевальной группы объединенного ансамбля болгарской песни и пляски профсоюзов города Софии.

Фото Е. Умнова

ТАНЦЫ И ПЕСНИ БОЛГАРИИ

Прочной традицией в нашей стране стали гастроли музыкальных и танцевальных коллективов, приезжающих из демократических республик. Но всякий раз советские зрители переживают вновь то чувство радостного волнения, которое дает соприкосновение с подлинно народным искусством свободно развивающейся страны. Так было и во время недавних концертов в Москве гостей из народной Болгарии.

На сцену залитого огнями Колонного зала Дома союзов вышли болгарские певцы: мужчины в темных костюмах и женщины в простых белых блузках и черных юбках. Не артистическая труппа посетила на этот раз советскую столицу, а скромные, рядовые труженики Софии: телефонистки, телеграфисты, почтовые служащие, рабочие.

И в исполнении этого, совсем недавно возникшего художественного коллектива (дирижер — Данаил Василев) яркими красками заблистала сокровищница народного песенного творчества, возрожденного демократическим строем к новой жизни.

В концерте мощно звучали новые песни Болгарии, прославляющие великого Сталина, коммунистическую партию и Георгия Димитрова. К борьбе за мир звала песня болгарского композитора лауреата Димитровской премии Святослава Обретенова.

Горячо принимали наши зрители и болгарских танцоров, в программе которых образцы хореографического искусства отдельных районов, городов и даже поселков. Некоторые танцы воспроизводят и поэтизируют трудовые движения болгарских крестьян. Такоз, например, живой и энергичный танец «Копаница», исполняемый обычно после весенних полевых работ.

Больше всего в репертуаре хореографической группы (художественный руководитель — Любен Зарков) хороводных танцев. Разноцветной гибкой змеей вьется по эстраде, как по зеленому лугу, хоровод. То сплетаясь кольцами, то вытягиваясь в зыбкую подвижную стенку, исполнители поражают поистине виртуозными танцевальными движениями. И когда в головокружительном темпе кончается очередная пляска, восхищенные зрители награждают болгарских танцоров бурей аплодисментов.

К. АЛЕКСАНДРОВА

Братская помощь

...В предзакатном свете летнего дня три человека приближаются к самолету, стоящему на краю картофельного поля, у небольшой купы деревьев.

Человек в странном одеянии открывает в самолете резервуар и осторожно насыпает в него белый порошок. Вот уже опорожнен

Баки самолета заполняются порошком.

Фото Чехопресс

последний мешок, и летчик усаживается в машину, на которой отчетливо видна надпись: «Аэрофлот СССР».

Самолет стартует, подымается в воздух, затем снижается над полем и, идя бреющим полетом на высоте нескольких метров, выпускает струю белого порошка, оседающего на картофельную ботву. На краю поля самолет разворачивается и ряд за рядом аккуратно опыляет всю площадь поля.

Советские специалисты прибыли в Чехословакию с самолетами, специально оборудованными для уничтожения вредителей сельскохозяйственных растений.

— Нельзя сказать, чтобы здесь было где размахнуться,— говорит с улыбкой командир звена Николай Андреевский,— мы привыкли к огромным массивам, а здесь поля куда как меньше по размерам. Много времени уходит на развороты в воздухе. Но все равно мы выведем тут всех жуков до единого!

Советские самолеты-опылители помогают чешским крестьянам ликвидировать последствия преступного вредительства американских империалистов.

* * *

Из Польши возвратились работники Министерства сельского хозяйства СССР тт. А. М. Никифоров и В. П. Мальцев, принимавшие участие в работах по борьбе с колорадским жуком. В беседе с корреспондентом «Огонька» лауреат Сталинской премии А. М. Никифоров рассказал:

— Появление колорадского жука было отмечено минувшим летом в различных местах Западной Польши: в Щецинском, Познанском и Гданьском воеводствах. Особенно большое скопление его обнаружилось на побережье Балтики, близ Щецина. Волнами прибило к берегу более семи с половиной тысяч насекомых.

Жуки встречались также на крышах домов и хозяйственных построек, в шерсти коров, лошадей и других домашних животных. Все это прямо указывает на «импортное» происхождение опаснейшего вредителя картофельных посевов. Можно не сомневаться, что самолеты американских диверсантов, сбрасывавшие жука над территорией Германской демократической республики, пролетали также и над пограничными районами Польши.

Десятки тысяч людей вышли на поля. Крестьяне, учителя, школьники внимательно осматривали каждую грядку картофеля. И если где-нибудь на листьях обнаруживали колорадского жука или хотя бы его личинку, вся растительность вокруг, на площади в 10 квадратных метров, выжигалась. Окрестные же посевы картофеля в радиусе от 200 метров до 5 километров опрыскивались или опыливались химическим препаратом — гексохлораном, в большом количестве полученным из Советского Союза.

Обработке подверглись сотни тысяч гектаров, уничтожено 11 тысяч очагов скоплений колорадского жука. Богатый урожай картофеля на полях крестьян и государственных хозяйств Польши спасен. Приятно сознавать, что нам удалось оказать помощь дружественной стране народной демократии, используя накопленный в Советском Союзе опыт борьбы с вредителями сельского хозяйства.

Первенство СССР по парусному спорту

В течение недели в Ленинграде соревновались сильнейшие яхтсмены страны. Разыгрывалось первенство СССР по швертботам — одиночкам и классу «М».

Гонки шли с пересадкой рулевых: каждая команда должна была пройти восемь раз дистанцию, меняясь судами. Победа определялась количеством набранных очков.

После полуфинальных соревнований, проходивших при шестибальном ветре, что не помешало яхтсменам показать высокое мастерство, определилась ведущая група рулевых, претендующая на высокое звание чемпионов СССР. В классе «М» лучшие результаты показали прошлогодний чемпион страны ленинградец Б. Лалыко и яхтсмены Е. Канский и Э. Кайзер. В классе «О» борьба должна была развернуться между сильнейшим яхтсменом столицы А. Чумаковым и молодым эстонским гонщиком Е. Адриком.

В день финальных гонок погода не улучшилась. Яхтсменам, идущим на две морские мили, пришлось призвать на помощь все свое искусство. С первых же гонок Б. Лалыко стал опережать своих противников и вторично завоевал звание чемпиона страны с помощью своего отлично натренированного экипажа (В. Богданов и П. Сизой).

Со стремительно несущимися яхтами словно вступил в соревнование осенний балтийский ветер. Он дул все с большей скоростью, рвал паруса. Судейская коллегия разрешила командам уменьшить площадь парусности по своему усмотрению. Маленькие яхты, управляемые каждая только одним спортсменом, кренились набок, водяные брызги долетали до кормы. Малейшая оплошность грозила поражением. В этих трудных условиях молодой эстонский яхтсмен Е. Адрик показал прекрасную подготовку. Во всех гонках он был лидером, все больше отрываясь от своих опытных противников. Е. Адрик по праву завоевал почетный титул чемпиона СССР.

Чемпионы СССР в классе швербботов «М». Слева направо: П. Сивой, Б. Лалыко, В. Богданов.

Фото Н. Науменкова (ТАСС)

Огонь ненависти

КИМ САН О

У рисового поля, где цветет
Фиалка нежная,
Войне не внемля,
Лежит американский самолет,
А рядом труп
Уткнулся носом в землю.

Бранить покойников не принято
у нас,
Но мне теперь не до приличий...
Будь проклят ты,
Американский асс!
На этот раз
Нарушу я обычай!

Будь проклят ты
За то, что осквернил
Родное небо наше
Черным дымом,
За то, что землю кровью обагрил
И смерть принес
Родным и побратимам.

Пусть проклянет тебя
Твоя жена,
Пусть мать тебя не ждет
За океаном!
Ты продал честь
И получил сполна —
Тебе мы заплатили
Чистоганом!

Будь проклят ты
За слезы матерей,
За свежие солдатские могилы,
За наших искалеченных детей,
За всех,
Кого рука твоя убила!

Будь проклят ты
За то, что мы в огне,
За то, что на полях
От крови сыро,
За то, что ты обрек войне
Всех тех, кто борется
За дело мира!

Перевела с корейского М. Павлова

Пхеньян

Мечислав ЯСТРУН

Железный дождь залил Корею,
И солнце дым над ней затмил,
И вновь войны дыханье веет
От моря Желтого на мир.

Захватов новых строит планы
В очках надменный джентльмен,
Материки и океаны
Мечтая взять в свой черный плен.

Он сеет смерть во имя злата,
Он шлет солдат наемных рать,
Меридианы, как канаты,
Он хочет силой разорвать.

Но огненной звездой алеет
Пхеньян, надежды свет даря,
И всходит из-за гор Кореи
От крови красная заря.

Перевел с польского М. Живов

Мой автомат

АН ЕН МАН

Сжимая верный автомат,
Вперед иду я.
Все ближе цель.
Уж я перешагнул давно
Тридцать восьмую
Параллель.

Мой автомат,
Ты мне, как брат,
Я не даю тебе остыть.
Мой автомат,
Враги хотят
Отчизну нашу
Покорить.

Но мы с тобой
Идем вперед,
Нас ждет победа впереди,
В священный бой
Идет народ,
Так бей врагов и не щади!

Спустилась ночь,
И звездный свет
Осыпал сонные поля,
Несет нам первый свой привет
Освобожденная земля.

Мой автомат,
Мечи огонь!
Ведь он кипит в тебе,
Как гнев,
Мне полюбился твой простой,
Суровый, боевой напев.

Мы укрепления врага
Громим и метко бьем
В мишень,
В атаку мы с тобой пойдем,
Едва забрезжит новый день.

Пока же я, прищурив глаз,
К тебе щекою прислонясь,
Как полагается у нас,
Пускаю очередь огня.

Летите, пули, поскорей,
Пусть будет насмерть
Враг сражен:
Мы мстим за наших матерей,
За братьев, сыновей
И жен.

Заняв врага опорный пункт,
Без отдыха
Вперед идем,
А под ногой песчаный грунт
Пропитан кровью,
Как дождем.

Вот и Хэнам!
Поля, поля...
Все ближе, ближе наша цель!
Там наши лучшие друзья,
Там их отваги колыбель!

На низких сопках
Сосны спят,
Туман сползает по хребтам.
Ты помнишь ли,
Мой автомат,
В ту ночь я друга
Встретил там!

Винтовку гордо он держал:
Ее он отнял у врага...
Он в этот вечер вспоминал
Реки родимой берега.

Он вспоминал родной очаг,
Село у речки Нактонган...
Во имя родины своей
С врагом сражался партизан.

Расстались мы:
Ушел отряд;
И вскоре кто-то из солдат
Мне рассказал, что он убит
В бою три дня тому назад.

Его последние слова
Запомнил крепко наш отряд:
«Я отдал свой последний вздох,
Но я не повернул назад!

И я не преклонил колен
Перед врагом:
Я шел вперед.
И верю я,
Что Ким Ир Сен
К победе приведет народ!»

Мой автомат,
Мы отомстим
За друга, павшего в бою...
Мечи огонь!
Мы победим
И родину спасем свою!

Травой запахло на полях,
Лужайки манят отдохнуть,
Но мы закалены
В боях,
Зовет нас
Мщенья грозный путь!

Не берег ли морской вдали!
Отчизны южный горизонт...
Мы с именем родной земли
Все дальше гоним вражий фронт.

Тэгу, Ченчжу,
Йосу, Мокпхо,
На Чечжудо наш путь идет,
Во имя Мира на земле,
Мой верный автомат,
Вперед!

Перевела с корейского М. Павлова

Уборка пшеницы самоходным комбайном в колхозе «Красная Бессарабия», Тираспольского района, Молдавской ССР.

У сада-театра «Победа» в Кишиневе.

Фото Б. Кузьмина

Кишинев. Улица Ленина.

В Киевском училище прикладного искусства. Студенты-дипломанты Алла Чепурко и Василий Ущаповский за росписью керамики.

Фото Н. Козловского

На Днепре.

Фото С. Фридлянда

ЗНАМЯ РАБОЧИХ С «ФОРТУНЫ»

Казимир БРАНДЫС

Рисунки В. Высоцкого

Казимир Брандыс (родился в 1914 году), польский критик и публицист, впервые выступил как прозаик в 1946 году. После освобождения Польши он примкнул к писателям, группировавшимся вокруг прогрессивных журналов «Кузница» и «Возрождение», боровшихся с католической реакцией и консервативными тенденциями в польской культуре.

В 1947 году за повесть «Непокоренный город» ему была присуждена литературная премия города Варшавы. Тогда же К. Брандыс опубликовал первую часть четырехтомного романа «Между войнами», который, по замыслу автора, должен воссоздать картину пути польского интеллигента, принадлежащего к поколению, выросшему в период «между двумя войнами». Писатель стремится показать, что каждый честный интеллигент, преданный родине, должен связать свою судьбу с народной Польшей.

За три первых тома «Между войнами» К. Брандыс получил в 1950 году государственную премию.

Ниже печатается отрывок из четвертого тома этого романа.

В воскресенье, в канун 22 июля, город П. праздновал четырнадцатую годовщину Великой забастовки, вспыхнувшей в 1931 году и охватившей текстильную промышленность целого района. Забастовка длилась двадцать один день. За это время над городом ни разу не прозвучал голос фабричной сирены и черный дым не застилал небо. На восемнадцатый день текстильную фабрику «Фортуна» окружил эскадрон конной полиции, явившейся по вызову старого Вильгельма Пауста, богатейшего предпринимателя в городе. Пешие отряды ворвались на фабричный двор. Произошла кровавая стычка. Девять рабочих было убито, тридцать арестовано. «В те дни,— говорилось в листовках, которые невидимой рукой были разбросаны в рабочем предместье Холмы, — сердце польского пролетариата билось в городе П., на дворах «Фортуны», «Клейна и компании»...»

Забастовка перекинулась с фабрик на улицу: трамвайные провода на Длугой зацвели алыми полотнищами, пустые вагоны неподвижно выстроились на рельсах. Из переулков непрерывно шли толпы рабочих, вливаясь на Длугой в один мощный поток. Перед площадью Ратуши чья-то рука развернула красное знамя. У ратуши демонстрантам преградил путь полицейский кордон, и тогда пошли в ход камни, вывороченные из мостовой. Полиция ответила ружейными залпами, на земле осталось несколько трупов — женщин и мужчин. Только после трех дней напряженной борьбы волнения были подавлены. В здании полицейской комендатуры водворилась следственная комиссия, присланная из Варшавы; в течение многих недель не прекращались аресты.

Сильно пострадали тогда Холмы. В газете «Голос поляка» появилась статья, подписанная уполномоченным правительства. «Ядовитых насекомых вычешем железным гребешком», — грозил автор. Все это происходило в знойные недели июля и августа, «черные недели», как впоследствии их окрестили в Холмах. Двадцать один день сопротивления и гнева, двадцать три убитых, сотни арестованных, горькая обида и неизбывная ненависть — так прошла Великая забастовка текстильщиков в городе П. О ней писали в зарубежной печати...

В четырнадцатую годовщину описанных выше событий партия созвала митинг во дворе фабрики «Фортуна». Митингу предшествовало собрание актива. К полудню толпы рабочих из Холмов, из фабричных районов, представители партийных и профсоюзных организаций двинулись по направлению к «Фортуне»; ее огромная труба с черным, закопченным шпилем высилась над городом.

С тротуаров и мостовой неслось пение; свешивавшиеся из окон красные флаги и транспаранты, протянутые над улицами, мягко шелестели под чистой лазурью неба. Грузовики, украшенные алыми полотнищами и зеленью, тихо гудели, прокладывая себе путь через людской поток, захлестнувший мостовую. Над головами демонстрантов вздымались стиснутые кулаки. Зетвуэмовцы[1] с грузовиков отвечали тем же приветствием. Настроение было торжественное. Невзирая на палящее солнце, люди шли с непокрытыми головами. Тишину нарушали только возгласы, доносившиеся с площади Победы. Демонстранты остановились на площади, колонны все более уплотнялись, теснились у зданий, преграждавших им путь. Затем знамена одно за другим исчезали в узкой Бруковой улице, которая вела к «Фортуне».

Несколько десятков текстильщиков, участников утреннего собрания актива в Холмах, приехали на митинг в машине городского комитета. Машина стояла теперь на огромном дворе «Фортуны», заполненном людьми. Два зетвуэмовца уселись на крыше шоферской кабины, свесив с нее ноги. Во все усиливающемся шуме терялись отдельные голоса. В большие, широко распахнутые ворота, увенчанные черно-золотой готической надписью «Вильгельм и Эмиль Пауст — основатели», с пением входили все новые колонны рабочих со знаменами. Красочные группы представителей Зетвуэма и ТУР[2], уже собравшихся на дворе, встречали их приветственными возгласами и песнями.

Вдруг толпа заволновалась. Могучий, дружный возглас, вырвавшийся из тысяч грудей, потряс стены «Фортуны».

[1] Члены «Союза борьбы молодых» — «Звьонзек вальки млодых».
[2] ТУР — товарищество рабочих университетов.

— Смотрите! — закричал один из зетвуэмовцев, указывая вверх пальцем. — Там! Там!.. — Но его голос потонул в оглушительном шуме.

По деревянной мачте, установленной рядом с трибуной, медленно полз вверх небольшой, выцветший и потрепанный красный лоскут. Он поднимался все выше, упорно и неуклюже, пока — среди крика и плача женщин — не взвился на верхушке мачты.

Это было старое, продырявленное пулями знамя рабочих с «Фортуны»; сотни людей сберегали его. Это оно реяло над фабрикой в дни Великой забастовки, а потом сопровождало текстильщиков к ратуше. Там, на площади Ратуши, многократно переходило это знамя из рук в руки и взвивалось всякий раз в другом месте. Из пятнадцати человек, поочередно несших его, восемь было убито. Теперь, поблекшее и потрепанное, с едва видимой надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», оно мирно шелестело на древке, словно хотело поведать смотревшим на него людям простую, обыкновенную историю.

На трибуну взошел коренастый человек с изборожденным морщинами смуглым лицом и сказал, указывая на знамя:

— Поглядите на него, товарищи. Это — то самое знамя текстильщиков с «Фортуны»... Наши женщины сшили его еще в 1905 году, когда царь душил народ. А оно выстояло. Смоченное вашим пóтом, простреленное полицейскими пулями, сохранилось оно и снова взвилось над нашими рядами. Отдадим честь этому знамени, товарищи!

После минутного молчания — слышно было, как хлопают крыльями голуби, вспорхнувшие на крышу, — из толпы работниц, обступивших трибуну, раздался голос:

— Вспомните, товарищ Феликс, как это было. Пусть молодежь послушает!

Сказавшая это женщина смеялась, вытирая рукой слезы.

Люди узнали Феликса Бернацкого, текстильщика с «Фортуны», старого партийного активиста, который некогда пронес знамя с осажденной фабрики на площадь Ратуши. Он входил в число организаторов забастовки и был приговорен к восьми годам заключения. Знали его тюремные камеры Равича, Лодзи и Ченстохова. Теперь он выступал как делегат Воеводского комитета партии. Люди слушали в сосредоточенной тишине, нарушаемой только шелестом сползавшего кокса, на куче которого, насыпанной под фабричной стеной, уселась группа молодежи из организации «красных харцежей»[3].

— Подумайте, люди, — сказал Бернацкий, — какая сила заключена в этом знамени нашем! Оно старше многих из вас, а тех, кого оно пережило, и не счесть. Я помню всех, кто нес его тогда на площадь Ратуши. Когда меня ранили, знамя подхватил из моих рук Круш Виктор с «Фортуны» и упал. Поднял его с земли маленький Сташек Радзевский от «Клейна» и упал. Я видел, товарищи, как падали следующие: Свечинский Адам, хромой Мента, Надельман, Клосович Александр от «Ламмерта», Миллер-отец из «Польского текстиля», Галецкий Франек, кагэтэмовец[4]... В тот чудесный июльский день скосили их полицейские пули, и пролилась на камни пролетарская кровь, кровь текстильщиков. А героическое знамя «Фортуны» уцелело...

Феликс Бернацкий замолчал, отер пот со лба, обвел взглядом своих слушателей и спросил:

— Помните, кто тогда вызвал полицию к воротам «Фортуны»? Кто хозяйским жестом пригласил палачей в синих мундирах в машинный цех, на склады, в котельную? Тот самый человек, чье имя еще сохранилось на воротах и нагло маячит перед моими глазами: Вильгельм Пауст.

В толпе раздались проклятия и крепкие словечки. Старые женщины, вдовы рабочих-коммунистов, погибших от рук пилсудчиков и гитлеровцев, грозили кулаками. Несколько зетвуэмовцев уже карабкались на ворота, чтобы сорвать старую фирменную вывеску, а один из них, самый проворный, в белой рубашке с красным галстуком, рванул обеими руками железные буквы. Посыпались щебень и труха.

— Вильгельм Пауст, — считал на пальцах Бернацкий, кидая в толпу ненавистные имена, — тот самый, который вызвал жандармов для того, чтобы они убили ваших мужей. Оскар Клейн, позор его памяти, и его

[3] Бывшие скауты. Ныне демократическое объединение молодежи.
[4] Член Коммунистического союза молодежи.

сыночки, которые совращали наших женщин. Мозес Цейтлин и компания, три поколения Ламмертов и гнусные наследники Майеров. Решке и Поверский, рыжий Меттауэр с «Польского текстиля», кровопийца Овсяный — все, кто обрекал вас на болезни и голод, чтобы строить для себя и своих отпрысков мраморные палаты, все они, если и не умерли бесславной буржуйской смертью, то сбежали, как обезумевшие от страха крысы, и сегодня нет здесь ни одного из них. Сбежали от вашего гнева! Грозен и суров гнев рабочих, товарищи, и они знали об этом.

Бернацкий приумолк, насупив мохнатые брови, потом снова указал грубым, узловатым пальцем на знамя.

— Взгляните на него, товарищи текстильщики, — он гордо улыбнулся,— какой у него невзрачный вид, как оно выцвело и поблекло. А ведь, скажу я вам, огромная в нем таится сила. Все перенесло наше знамя и говорит теперь: «Существую!» — и реет над нашими головами. Попробуйте отнять у него сорок лет истории польского рабочего класса! Сорок лет его окрашивали в этот цвет страдания целого народа, сердцем, плотью и кровью которого являешься ты, люд фабричный, пролетарский. Послушайте историю этого знамени, товарищи.

— Он рассказывает,— тихо свистнул сквозь зубы один из зетвуэмовцев, сидевших на крыше шоферской кабины, — будто все просто, а в тебе уже огонь полыхает. Эх, если бы я так умел!..

Ему знаком дали понять, чтобы он замолчал. Люди слушали, стоя вплотную друг к другу, плечом к плечу. Грузовик городского комитета партии, украшенный еловыми ветками и со всех сторон облепленный людьми, возвышался над толпой.

Бернацкий рассказывал историю знамени. Он говорил хриплым твердым голосом, как топором рубил. Его слова сопровождались одним неизменным жестом, словно он хотел своими жилистыми руками обрушить каждую фразу на головы слушателей.

Он рассказывал, как в 1905 году это знамя, в ту пору только что сшитое работницами с «Фортуны», шелестело над баррикадой, возведенной поперек Длугой улицы, невдалеке от рынка Майера. Он описывал, как шли в атаку царские казаки и как фабриканты попрятались в отеле «Метрополь», который охранялся отрядом жандармов под командой польского графа Пжедзецкого. Потом знамя прятали в Холмах, переходило оно с улицы на улицу, из одного убежища в другое, все время путешествуя и меняя место из опасения перед полицейской облавой. В течение многих месяцев прятал его отец Виктора Круша, того самого, который впоследствии, в 1931 году, погиб на площади Ратуши. В годы первой мировой войны знамя хранилось в семье Миллеров, потомственных ткачей; дед Миллеров, Густав, почти сто лет тому назад перебрался в город П. из Баварии. В день Первого мая женщины проносили знамя на груди в «Фортуну», и там на глазах у взбешенных стражников и шпиков вдруг взвивалось оно над головами, среди криков, слез и революционных песен. Фабриканты и жандармы знали о его существовании и не щадили сил, чтобы захватить его в свои лапы. Но ему, знамени текстильщиков с «Фортуны», в минуту опасности всегда удавалось скрыться под рабочей блузой, трудно было его выследить.

— Месяцы и годы, — восклицал Бернацкий, поднимая вверх костлявый старый кулак,— согревали его ваши груди! Кому лучше, чем ему, знакомо биение ваших сердец, их повседневные обиды и муки!

Бернацкий рассказывал, как в 1929 году, во время рабочих демонстраций в знак протеста против насилий над политзаключенными-коммунистами в Брест-Литовске, синие мундиры арестовали на Бруковой улице Леона Зайделя. В ту пору он был молодым членом коммунистической партии и, возвращаясь с массовки, прятал под курткой знамя. Зайдель угодил тогда в тюрьму, а вместе с ним — чудом утаенное от шпиков знамя рабочих с «Фортуны». В течение двух недель оно кочевало из камеры в камеру, пока наконец не удалось его переправить на волю. Только год спустя вышел на свободу Леон Зайдель.

Тут Бернацкий снова вернулся к дням Великой забастовки и вспомнил, что Зайдель — один из трех оставшихся в живых товарищей, которые тогда на площади Ратуши под пулями несли знамя.

— Только трое из нас выжили,— сказал он угрюмо, покачав седоватой головой, — последние трое. Зайдель, умная голова и золотое сердце, до конца преданный делу рабочего класса. Панкрат Вацек, в ту пору парень лет девятнадцати, сегодня испытанный деятель центрального комитета профессиональных союзов и участник войны в Испании. И я вот стою тут перед вами. Все трое — члены партии. Ну и оно,— Бернацкий поднял затуманенные слезами, улыбающиеся глаза на знамя, обвеваемое ласковым ветерком.

Некоторое время Бернацкий молчал, словно в раздумье всматриваясь в знамя, а потом внезапно, безошибочным приемом опытного оратора, вернулся к сегодняшним событиям и обратился к слушателям с горячими словами, призывая их сосредоточить все силы на борьбе с диверсией и саботажем. Бернацкий объяснял, что враг хотя и загнан в подполье, но он все тот же, что и прежде, и он будет убивать и вредить до тех пор, пока его не сотрет в прах пролетарский кулак.

— Это они, — восклицал он, поднимая почерневшие руки над головой и опуская их, как молоты, — те самые, которые четырнадцать лет назад приказывали стрелять в нас из ратуши, теперь направляют в нас предательские пули из лесу! Те самые, которые тогда выбрасывали нас на мостовую, теперь нанимают бандитов, чтобы уничтожали наши машины! Колет им глаза народная власть, лишает сна рабочее правительство. Из-за океана, из-за гор и рек закидывают сюда свои грязные сети они, эти самые паусты, ламмерты и клейны. Изгнанные с польской земли нашим справедливым гневом, они теперь в безмерном страхе и злобе ищут покровительства у мирового империализма, который тянется к нашему горлу, как некогда тянулся царь, а потом пилсудчики и под конец — кровавый немецкий фашизм!

В толпе снова раздались проклятия и угрозы, но Бернацкий знаком дал понять, что он хочет продолжать свою речь. Четкими, беспощадными словами он разоблачал связи антинародного подполья с центрами западного империализма. Он называл фамилии «лондонских» эмигрантов и приподымал завесу над их прошлым, перечислял имена давних врагов пролетариата, отступников и предателей.

— Пересчитайте! — взывал к собравшимся Бернацкий, перегнувшись с трибуны.— Пересчитайте дьявольские пакты, с помощью которых они хотели в клочья разорвать это знамя. — И, загибая свои скрюченные, растопыренные пальцы, он вспоминал поочередно эндековский сговор с царизмом, съезд в несвежском замке, охоту с Герингом в Беловежской пуще, позорное предательство Андерса в момент гитлеровского наступления на Советский Союз...

— Извечный это сговор,— закончил он среди гробовой тишины, — сговор эксплуататоров народа с его убийцами. Защищайте его от них, товарищи! — крикнул он, протягивая руку в сторону знамени.

После Бернацкого выступило еще несколько ораторов. Митинг закончился пением «Интернационала». Потом из глубины двора раздались голоса, призывающие строиться для торжественного шествия. Слегка склоняясь в воротах, знамена покидали «Фортуну». Шествие двинулось по той самой дороге, которой четырнадцать лет назад шли бастующие по Бруковой улице до рынка Майера, а оттуда по Длугой улице на площадь Ратуши. Открывала шествие группа партийцев, текстильщиков с «Фортуны», участников Великой забастовки, во главе с Бернацким. Над его головой, запорошенной сединой, словно посыпанной пеплом, реяло маленькое, выцветшее знамя...

Перевод с польского
Ю. Мирской

ГОЛОС, КОТОРОГО НЕ ЗАГЛУШИТЬ!

А. С. ПОДУШКИН,
председатель ЦК профсоюза рабочих электростанций

Я пишу эти строки под впечатлением поездки в Англию. В дни, когда все громче звучит призыв сотен миллионов людей доброй воли, требующих мира миру, мне слышится и голос моих коллег по профессии — электриков с той стороны Ла-Манша, гостеприимно принявших нас на своей ежегодной конференции, собравшейся в Рамсгейте.

Как бы ни относились к приезду советских делегатов в Англию лидеры британских тред-юнионов, для английских рабочих наши люди всегда являются желанными гостями. Так было и на этот раз. Радушие, теплое, дружеское отношение к нам нельзя считать только лишь данью гостеприимству. Оказывая всяческое внимание делегатам СССР, наши зарубежные друзья тем самым выражают свою любовь к Стране Советов, признательность ей за последовательно проводимую миролюбивую внешнюю политику.

Помнится, однажды утром, когда я с переводчицей направлялся на конференцию, к нам подошла седая женщина и стала крепко пожимать наши руки.

— Передайте мое рукопожатие всем советским друзьям,— сказала она.— Ваша страна спасла нас от гитлеровцев, принесла нам мир. Мы надеемся, что вы сможете отстоять его.

Я спросил через переводчицу:

— Кто вы?

Она ответила:

— Я не принадлежу ни к какой партии. Я простая английская женщина, которая не хочет войны, жаждет мира и настоящей дружбы с Советским Союзом.

Позже я увидел эту женщину в кулуарах конференции — она помогала обслуживать делегатов. Мне отрекомендовали ее: «Местная учительница. Ходит по домам и собирает подписи под Стокгольмским Воззванием».

Я вспоминаю товарищеский вечер после одного из заседаний конференции. Член исполкома профсоюза весельчак Кенон развлекал нас, напевая советские песенки.

— Где вы их услышали? Кто вас научил нашим песням?

— Я был на Международном фестивале молодежи в Будапеште и там впервые познакомился с советскими людьми. У них надо учиться всему. Я учился у них не только песням, но и тому, как бороться за мир, демократию и социализм.

Друзья любезно предоставили нам возможность ознакомиться с достопримечательностями столицы Англии, ее архитектурой, театром, древними памятниками британского зодчества. И все же Лондон произвел на нас гнетущее впечатление. Даже в центре города до сих пор не восстанавливаются многие кварталы, разрушенные фашистскими бомбами. Заросли бурьяном пустыри и развалины домов.

На конференции приводились факты, ярко показывающие, к чему приводит маршаллизация Англии. Простые люди Англии все больше проникаются сознанием глубокой связи борьбы за мир и борьбы за повышение уровня жизни трудящихся. Каждый раз, когда делегаты начинали речь о низкой заработной плате, они невольно тут же переходили к самой жгучей теме: бешеная подготовка к войне — вот источник всех зол. Об этом говорили с большой тревогой и яростным негодованием.

Я помню мистера Харриса из Восточного Хэма, гневно бичевавшего правителей Англии, продавшихся Уолл-стриту; мистера Элсома из Гримсби, зло говорившего о тех, кто раздувает военную истерию и клевещет на СССР.

Мистер Табб из Харвелла настойчиво требовал послать всем членам профсоюза электриков инструкцию: «Прекратить работу по выпуску атомного вооружения». Громом аплодисментов ответил зал на его слова: «Настало время перейти от разговоров к делу». Эти слова я потом слышал от многих — и в Рамсгейте и на митинге в Лондоне: «Надо действовать, нужно расширять фронт мира!»

Фронт этот ширится день ото дня. Делегаты конференции — и рядовые члены лейбористской партии, и коммунисты, и беспартийные — сошлись в главном: теперь, когда угроза новой мировой войны столь реальна, люди, независимо от их партийной принадлежности и политических убеждений, обязаны объединить свои усилия в борьбе за мир.

Даже лондонский «Таймс» вынужден был отметить единство электриков при обсуждении самого острого вопроса — мир или война? Реакционнейшей английской газете «Дейли экспресс» пришлось признать, что у выступавших делегатов разговор шел «в одном направлении: Россия — друг, Америка — враг нашей страны».

Профсоюз электриков не мог пожаловаться на недостаточное внимание к нему правой английской печати. Не мог посетовать на это и гость из Страны Советов. Я сохранил вырезки из «Дейли экспресс», «Ньюс кроникл», «Дейли геральд», «Таймс». Продажные борзописцы из кожи лезли вон, чтобы посеять раздор между членами профсоюза, восстановить их против прогрессивного руководства, помешать дальнейшему укреплению дружбы народов СССР и Англии. Но из этих попыток ничего не вышло: конференция была единодушна и в своих мнениях и в своих решениях.

Английские друзья устроили теплые проводы представителю советских профсоюзов. Мне вручили почетный знак члена профсоюза электриков. Мы обменялись прощальными речами и заверили друг друга, что никогда не изменим священному делу борьбы за мир.

За то немногое время, которое прошло с тех пор, на земном шаре произошли события, глубоко взволновавшие все человечество. Американские агрессоры перешли от холодной войны к войне кровавой. Они варварски бомбят мирные города и села Кореи.

Советский народ во весь свой могучий голос заявил протест против американской агрессии в Корее, против новых происков поджигателей войны. Радостно было узнать, что и наши друзья в Англии присоединяются к этому протесту. Я вновь встретился с ними. Делегация профсоюза электриков Англии приехала к нам с ответным визитом. Верные своему слову, электрики расширяют фронт борьбы за мир. К сотням подписей под Стокгольмским Воззванием, которые в свое время были поставлены в Рамсгейте, ныне прибавились новые и новые сотни.

Мои коллеги, приехавшие к нам в гости, побывали на ряде предприятий столицы, в Запорожье, на Днепровской гидроэлектростанции имени Ленина, в колхозе имени Кирова, Верхне-Хортицкого района, где широко применяется электроэнергия Днепровской ГЭС. Они осмотрели здравницы Кисловодска. И, как заметил генеральный секретарь профсоюза Уолтер Стивенс, все члены делегации вынесли твердое убеждение, что «в Советском Союзе нет ни одного человека, который хотел бы войны».

Перед отъездом гости поделились своими впечатлениями на пресс-конференции. Они восторженно рассказывали о всем виденном. Рабочий-электрик Джонс из Южного Уэльса говорил о том, как английская реакционная печать одурманивает читателей, распространяя клевету о стране социализма. «Двухнедельное пребывание в СССР,— заявил Джонс,— помогло мне понять правду об СССР. У вас действительно подлинная социалистическая система».

Среди гостей был лейборист, член исполкома профсоюза электриков Поттер. Он откровенно заявил, что прибыл в Советский Союз со скептическим настроением. «Однако,— сказал Поттер,— побывав в Советской стране, я увидел, что рабочий здесь является полноправным хозяином своей судьбы, своего государства. Это дало мне возможность понять, чего стоит «социалистическое» правительство Великобритании. Нам, рабочим, при лейбористском правительстве нисколько не лучше, чем прежде».

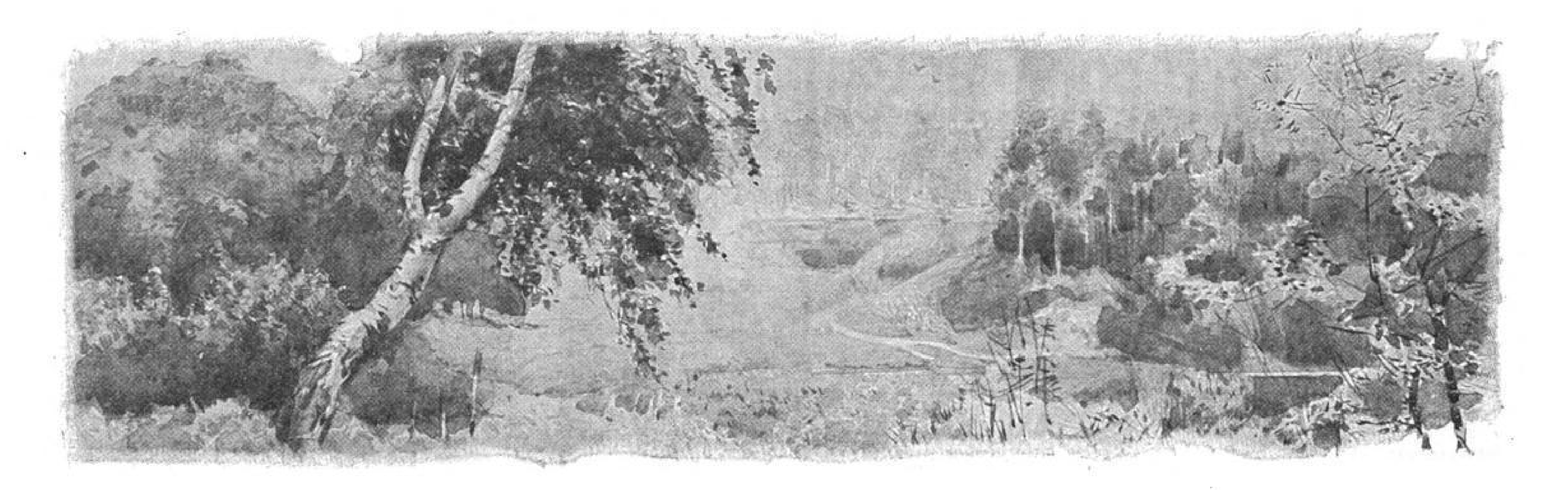
Моих коллег не испугала бешеная травля их британской реакционной печатью, обрушившейся на руководителей профсоюза за симпатии к Стране Советов. Их не остановило предательское решение генсовета британских тред-юнионов, предложившего «профсоюзам и советам профсоюзов по всей Англии не сотрудничать с Английским комитетом защиты мира». Борцов за мир не запугаешь репрессиями и не обманешь цветистыми речами, которыми английские поджигатели войны, подпевалы Уолл-стрита, маскируют свои человеконенавистнические планы.

Англичане говорят: «Нарядная одежда не делает джентльменом». У русских тоже есть подобная пословица: «По бороде — апостол, а по зубам — собака». Трудящиеся Англии не верят «собакам», скрывающимся под «бородой апостола». Они разоблачают их. И как бы ни улюлюкали в бессильной ярости поджигатели войны и их челядь, им не заглушить голоса миллионов простых людей Англии. Этот голос звучит все громче и уверенней.

Делегаты английского профсоюза электриков в Москве на пресс-конференции беседуют с председателем ЦК профсоюза рабочих электростанций СССР тов. А. С. Подушкиным (третий слева). В центре — председатель профсоюза электриков Англии Ф. Фоукс. Второй слева — генеральный секретарь профсоюза У. Стивенс.

Фото Л. Батя

ПОДДУБЕНСКИЕ ЧАСТУШКИ

(Из записок землеустроителя)

Сергей АНТОНОВ

Рисунки В. Климашина

4

От Катерины Петровны я узнал, что Наташа в эти дни работает подсобницей на постройке новой птицефермы, и утром, торопливо позавтракав, пошел разыскивать девушку. Яркое солнце стояло уже высоко. Чистое небо светилось, и казалось, что это даже не небо, а сплошное голубое сияние. Молодые, умытые ночной грозой липы стояли, облокотившись о заборы палисадников, как скучающие красавицы. Птицеферма строилась за рощицей, на высоком месте. Бревенчатые стены длинного здания были уже собраны, и четыре плотника занимались установкой стропил. Возле груды досок сидел Семен и, зажав между коленями топор, точил его оселком. Семен был в широких брезентовых штанах, заляпанных дегтем, в добела выгоревшей гимнастерке, не имеющей ни одной пуговицы, и в резиновых сапогах, на голенища которых были напущены штанины. Он был распоясан. Широкий солдатский ремень висел у него наискосок через плечо. В общем его спецодежда выглядела довольно потрепанной, и даже красивой тюбетейки не было на этот раз на его голове.

Возле него стояла Наташа.

— Я думала, что тебе далеко ходить за досками, Сеня, — услышал я ее голос, — вот и перетаскала доски поближе...

— Думала, — строго перебил ее Семен. — Я вчера почти целый день доски для филенок отбирал, а ты снова все перепутала.

— Так я ведь не знала, я хотела, чтобы тебе лучше. Теперь мне чего делать?

— Сиди, пока не скажу. Сама ничего не трогай.

Семен цепко обхватил обеими руками топорище и принялся отесывать бревно.

— Что же теперь, Сеня, делать? — нерешительно спросила Наташа.— Может, их обратно снести?

— Зачем обратно носить. Ладно уж.

Склонив голову набок, Наташа со страхом следила за его работой, видимо, опасаясь, как бы он не тяпнул себе по ноге. Я видел, что она хочет ему сказать что-то, но не решается. У этой девушки были удивительно выразительные глаза, в которых можно было читать все, что она думает. Чем больше я смотрел на нее, тем больше она мне казалась похожей на молодое деревцо, спокойно принимающее счастье расти под этим чистым, бесконечно синим небом. Заметив меня, Наташа вздохнула и, совсем отчаявшись поговорить с Семеном, куда-то ушла.

Семен упруго выпрямился и небрежно отбросил топор. Топор, как кошка, перевернулся в воздухе, тюкнулся носом в бревно и застыл, задрав топорище.

Вскоре Наташа вернулась, держа в руке долото. Глаза ее блестели.

— Сеня, вот я тебе ручку на долото насадила. Сама насадила. Хорошо?

— Где же ты такую ручку нашла? — спросил Семен, снисходительно осматривая долото.

— Сама выстругала. Там, возле точила, валялась палка...

— Осиновая? — насторожился Семен.

— Осиновая.

— С зарубками?

Наташа испуганно смотрела на него потухшими глазами.

— С зарубками? — снова спросил Семен.

— Так ты же сам вчера велел долото насадить.

— Это у меня мерка была, — с досадой проговорил Семен. — Я же сказал, сиди и не трогай ничего... Сказал или нет?

Продолжение. См. «Огонек» № 38.

Наташа стояла, опустив голову, и шевелила камешек носком туфли. Губы ее дрожали.

— Ну, ладно, — махнув рукой, сказал Семен. — Сходи-ка на скотный двор, там двухдюймовые рейки лежат. Отбери шестнадцать штук, которые без сучков, и принеси сюда.

— Там, Сеня, конец той палки остался...

— Ладно, испортила мерку... Иди, неси рейки.

Наташа пошла, не поднимая головы.

Семен долго смотрел ей вслед, потом перевел взгляд на меня, и, прочтя на моем лице осуждение, отвернулся.

— Смотри-ка, теплынь какая, — сказал он, чтобы прекратить неловкое молчание. — Видишь, березка греется. Весь свет обойдешь — не найдешь такой березки.

Одинокая кривая береза росла на откосе, и ничего особенного в этой березе не было.

— А ограда-то. Погляди, какая ограда под солнцем. Серебряная.

Ограда тоже была обыкновенная, сделанная из еловых кольев, похожая на сотни других оград.

«Видно, не бывал ты нигде, не видал настоящей красоты, просидел всю жизнь в своих Поддубках,— подумал я с сожалением и грустью,— вот зубы-то и заговариваешь»,— и, не удержавшись, спросил напрямик:

— Почему ты так строг с Наташей? Разве ты не видишь, что она тебя любит?

Семен как-то странно посмотрел на меня и, ничего не ответив, снова принялся отесывать бревно. Я подумал было, что он хочет показать, чтобы я не ввязывался не в свое дело, но он вдруг сказал:

— А ты думаешь, я не вижу? Думаешь, мне легко с ней так говорить? Я уж знаю: только стань с ней поласковей, только приласкай, прилипнет — и все. А какая между нами может быть любовь? Ей еще восемнадцати нет, а мне — тридцатый. У меня, брат, жену на войне убили... Конечно, она заманчивая девка, она хоть кого заманит, если полюбит. В глаза погляди — душу видно до самого дна. Сердечная. Сперва и я думал вот так, из жалости с ней погулять, да решил это дело отставить. С этим играть, все равно, что с огнем играть. И ей голову закрутишь и себя обманываешь. Какая между нами может быть любовь?

Семен повернул топором бревно, срезал узкую полоску коры, отбил шнуром, вымазанным углем, черту и принялся тесать снова.

— Она еще молодая, нигде не была, ничего не видала, — продолжал он. — Года три назад прислал ей академик Лысенко десять зернышек ветвистой пшеницы, так она, правда, вырастила. Феня ей помогла. А сама ничего еще не понимает. Тут один семеновод из Хвалова к ней подбирался — я его так шугнул, что он сюда и дорогу позабыл. Больно это у него просто, как по-писанному пошло, видно, большую практику имел. Неправильный человек. А она не понимает. Где ей понять? Она было с этим, с семеноводом, в Хвалово стала ходить. А вот есть паренек, рядом тут, в Синегорье живет. Почти каждый день письма ей пишет и кидает в почтовый ящик. Правильный такой паренек. Культурный. Радиолюбитель. Уже в МТС помощником комбайнера работает. И летами и ростом как раз ей под пару. Так вот, он ей не очень, видишь ли, нравится. «Это не он,— говорит,— письма пишет, это ему кто-нибудь надиктовывает. А сам он,— говорит,— и разговаривать не может. Как рядом встанет, так и начинает свистеть, ровно на телку». Подумаешь, какая привередливая! И не свисти ей. Он нигде и не свистит вовсе, он только при ней начинает посвистывать, да и то редко, так, немного посвистит и бросит. Ей-то что, жалко? Ясно, молодой еще, растеряется, как ее увидит, вот и свистит, чтобы показать свою самостоятельность. Вполне понятно. Я уж их пробовал сдружить, — улыбнулся Семен, — я

ему говорил, чтобы не свистел при ней. Так тут другая беда: свистеть перестал — говорить начал. Совсем девчонку заговорил. Говорит и говорит без остановки. Она притормаживает, а он говорит. И все больше про приемники, про радио да про конденсаторы. А ей, сам понимаешь, не больно интересно слушать про конденсаторы. Ей восемнадцатый год идет, ей другие разговоры слушать охота.

— Это правда, что она частушки сочиняет? — спросил я.

— Кто, Наташка? — Семен отложил топор и недоуменно посмотрел на меня. — Кто это тебе говорил?

— И Катерина Петровна и еще...

— Ну да! Знает Катерина Петровна! Разве Наташка запевку сложит? Петь-то она, конечно, поет, у нее голос такой, что в Синегорье слыхать. А запевки складывать — куда ей! Я думаю, у нас новые запевки Фенька складывает, ты ее видал, заведующая птицефермой... Так вот, стал он ей про конденсаторы рассказывать, еще хуже у них дело пошло. Опять ей не нравится. Я тогда рукой махнул и отступился. Любовь — такая вещь, она советчиков не терпит. Вот я тешу и тешу бревно, как умею, а станешь меня переучивать — ничего не получится. Так и любовь, у всех она разная, кому какая с руки, и третьему лезть в это дело — все равно без пользы. А насчет Наташи — ты меня не суди — я нарочно ее на дистанции держу. Я тебя каких просил принести? — внезапно переменив тон, спросил он. Позади меня стояла Наташа с охапкой реек. — Я тебя двухдюймовых просил, — безжалостно продолжал Семен, — а ты каких принесла?

— А это разве не двухдюймовые?

— Два дюйма — это пять сантиметров. Надо понимать.

— Так бы и сказал! — рассердилась вдруг Наташа. — Ты бы еще на аршины мерил. Как купец при царе.

И пошла обратно.

«Вот она какая, с норовом». Я улыбнулся. Улыбнулся, глядя ей вслед и Семен.

— Видишь, какая занозистая, — сказал он. — Вот в Чехословакии, в городе Шахи, такую же, похожую на нее, встретил. Такая была Анежка Брахачек.

— Ты бывал в Чехословакии?

— Пришлось. Так вот эта Анежка Брахачек пришла наниматься к нам в Красную Армию. Подошла ко мне, говорит «пан» да «пан». Ихний язык на украинский немного похож. Я ей говорю: «Я не пан, а товарищ старшина. Ясно?» «Ано, — говорит, — пан товарищ старшина». «Ано» — по-ихнему «да». Смеху с ней было, прямо беда! Правильный у них в Чехословакии народ. Вот видишь — на гимнастерке ни одной пуговицы нету. Это, как мы в город Шахи вошли, на память пообрывали. Так ее теперь и держу. А в Румынии тоже настоящий народ, и язык у них настоящий. Война, например, по-ихнему будет «разбой». Правильный язык. Мы когда за Яссы зашли, вижу в одной деревне: ходит мужик, босой, оборванный, а в фетровой шляпе и с барабаном. Ходит по деревне, бьет в барабан и кричит, что наступила советская власть. Это у них глашатай в Румынии вместо газеты. Едва мы его уняли. Всюду, брат, побывал, много чего навидался.

Подошла Наташа и молча бросила возле нас охапку реек.

— Ну вот, это и есть двухдюймовые. Правильно! — скупо похвалил ее Семен.

— Сеня, — сказала Наташа с таким видом, словно бросилась в холодную воду. — Сеня, можно я с тобой буду речь писать?

— Чего же, — подумав, отвечал Семен. — Кто знает, может, у тебя душевнее моего получится. Завтра писать станем. Приходи...

Задумавшись, я перевел взгляд вдаль и снова увидел березку, про которую говорил Семен. Она росла немного косо, вся листва ее спадала на одну сторону, как волосы у девушки, когда она их моет. Сквозь освещенные солнцем листья, похожие на зеленые стеклышки, было видно все до единого сучка, и мне самому вдруг показалось, что такой березки не сыскать нигде во всем мире.

5

После разговора с Семеном мне еще больше захотелось разыскать составительницу частушек и поговорить с ней. Может быть, многим эта настойчивость покажется странной, но я с малых лет люблю колхозные запевки, готов слушать их с утра до вечера, и меня издавна занимало, кто сочиняет меткие короткие песенки, в которых иногда больше мысли и чувства, чем во многих длинных.

Много лет я хожу и езжу по колхозным дорогам и всюду слышу эти песни о встречах и о расставаниях, о любви и изменах, о труде и о коммунизме. Поют их на севере и на юге, в Белоруссии и в Сибири, и всюду они особенные, самобытные, и отличаются в разных местах друг от друга так же, как природа и труд людей.

Еще мальчишкой я услыхал частушки на берегу Ладожского озера. Дул холодный, северный ветер, низко над водой тянулись дымные облака, а бородатые рыбаки, разбирая сети, запевали своими низкими, хрипловатыми голосами:

Мы по-ладожски сыграем...

Внезапно все вдруг умолкали, словно песня натыкалась на мель, и после длинной паузы, в течение которой только волны Ладоги отбивали такт, снова, так же согласно, как удар весел по воде, раздавалось:

Мы по-спасовски, по-спасовски споем!

А однажды вечером на полях Воронежской области я услышал чистый, как ключевая вода, голос.

Восемь часиков, подружки,
Без пятнадцати минут... —

отчетливо и протяжно пропела девушка первую половину частушки, и не успели еще звуки растаять в синем воздухе, десяток веселых голосов подхватил едва понятной скороговоркой:

Скоронашиухажерыкнам
беседоватьпридут!

Совсем по-другому поют на берегах Волги, где-нибудь возле Саратова. Широко и спокойно плывет над заливными лугами, над Жигулевскими горами:

С неба звездочка упала-а-а,
Волга матушка река-а-а...

И кажется, медленно гуляют две голосистые подруги, одна на этом, другая на том, крутом берегу, и перекликаются, а легкий ветер подхватывает песню и несет ее над плесами великой реки, и она замирает, замирает вдали...

В одной деревне, недалеко от Пскова, мне довелось услышать «страдания»:

Ой, вы, яблочки,
Ой, вы, вишенки,
Не видали ль вы
Моего Мишеньки?

Много разных «страданий» поют в тех местах, мягко, попсковски растягивая слова, а мотив такой, что нельзя удержаться, чтобы не заплясать. И все самое грустное, самое печальное, о чем поется в «страданиях», мотив этот окрашивает в легкие смешливые тона, и совсем не удивляешься, когда девушка, напевающая о близкой разлуке с милым, пускается в пляс и, раскрыв, словно для объятий, руки, выбивает частую дробь каблуками.

А узорные, как искусное кружево, мотивы вологодских песен, а рязанские запевки, а сибирские частушки, а сколько еще других песен существует на нашей земле, которых я не успел еще узнать, не успел услышать!

Все это мне хотелось рассказать Фене, хотелось попросить, чтобы она спела свои частушки, и записать их. После того как по просьбе Любы я сделал доклад на комсомольском собрании о землеустройстве объединенного колхоза, Феня перестала сердиться на меня за изменения в хозяйстве, и мы с ней даже подружились.

На другой день после разговора с Семеном я отправился в сарай, где временно разместили несушек и цыплят. Утепленное здание сарая было разделено сенями на две половины. Я вошел туда, где находились недавно привезенные из города Д. инкубаторные цыплята. За сеткой пищало и копошилось больше тысячи пушистых шариков. Отдельно, в ящике от письменного стола, сидели четыре нахохлившиеся утенка. Видимо, в инкубатор вместе с куриными по ошибке попадают и утиные яйца.

Возле ящика я увидел Наташу. Она сидела на корточках и, сунув клювик утенка в рот, поила его. Утенок пил, покорно закрыв глаза.

В помещении было жарко, как в теплице. Горел яркий электрический свет. Начинался вечер, из-за стенки доносилось сонное курлыканье кур, усаживающихся спать на насесте. Через несколько минут за дверьми раздались шаги, и Наташа торопливо выпустила утенка. «Совсем еще зеленая девушка», — подумал я, скрывая улыбку.

Услышав шаги, цыплята запищали громче.

— Вот они какие! — улыбнулась Наташа. — Второй день существуют, а мамашу свою уже по поступи узнают.

Вошла Феня с ведром, наполненным пшенной кашей. Цыплята протискивались к сетке, забирались друг на друга, растопыривали маленькие крылышки, падали и пищали. Гомон стоял оглушительный.

— Тише, вы! — крикнула Феня.

Цыплята все, как по команде, замолчали.

— Смотри-ка, совсем, как малые ребятишки, — засмеялась Наташа.

— Это они на одну минуту, — опрастывая ведро, говорила Феня ровным, спокойным голосом, словно разговаривая сама с собой.— Минута пройдет — и снова заголосят.

Она рассыпала кашу по полу, и скоро тысяча носиков застучали по доскам.

— Вон как затукали, — сказала Наташа, — словно дождик пошел.

— С ними, пока малы, и заботы мало, — говорила между тем Феня неизвестно кому, мне или Наташе. — А вот с несушками прямо беда. Наши куры еще ничего, привыкли нестись на своем месте, а вот которых из Синегорья после объединения привезли, эти где попало несутся... И на сеновалах свежие яйца находят, и на скотном дворе, а то и прямо на улице. Одна так в шапке у деда Игната снеслась, пока он работал. Вовсе с ума сошла.

Феня замолчала, нежно глядя на цыплят, и тут я исподволь завел разговор о частушках. Поняв, что мне надо, она насторожилась и спросила:

— А зачем это вам?

Я начал путано объяснять.

— А я знаю, что им надо, — сказала Наташа, уважительно называя меня на «они». — Про них пели, вот они и хотят узнать, кто склал, да в Москве и пожаловаться.

То, что и про меня была сочинена частушка, я слышал в первый раз.

— А как же, — сказала Феня, — не знаете разве, как вас продернули за ваши планы? А вы не сердитесь. Теперь-то, после доклада, все поняли, что по-вашему лучше. Не сердитесь.

И тут я рассказал все начистоту. Я сказал, что ни на кого не собираюсь жаловаться, а просто записываю частушки, стараюсь запоминать мотивы. Говорил я долго, и мне показалось, убедил девчат.

Когда я кончил, Феня критически оглядела меня и сказала:

— И вам не совестно такими пустяками заниматься? Вы же с высшим образованием.

И мне снова пришлось объяснять, что этим делом занимаются целые организации, и даже Академия наук посылает экспедиции записывать народные песни, и ничего в этом нет удивительного, потому что народные песни — такое же настоящее искусство, как, например, опера. Даже Пушкин записывал их.

— Это, конечно, интересно, песня, — сказала, внимательно выслушав меня, Феня. — «Ой, туманы мои, растуманы» или «Одинокая бродит гармонь». А в частушках чего интересного? Даже совестно, что к ним такое внимание. Они ровно мотыльки: день летают, а на другой день и нет их. Уже другие поют. Только нам они и понятны. В других местах и не разберут, об чем речь... Хорошо, если уж так вы хотите, давайте после работы соберемся, споем вам. Записывайте. Вам какие надо: про любовь или производственные? Всякие? Ну, хорошо, споем всякие. Только не обессудьте, если такую споем, что уши заткнете... А почему вы это не у других, а у меня просите? — снова насторожилась Феня.

— А мне сказали, что вы их сочиняете.

— Кто вам сказал?

— Многие говорят,—слишком поздно поняв свою ошибку, ответил я.

— Это вам Семен сказал. Трепло, — сразу, словно припечатала Феня. — Ну, хорошо, тогда и я скажу. Эти частушки больше всех он сам, Семен, и составляет. Его и спрашивайте. У него вон четвертая глава еще не сдана, а он вместо того, чтобы заниматься...

За стенкой раздалось громкое куриное квохтанье. Феня бросила ведро и побежала в другую половину.

Я стоял, совершенно сбитый с толку, и думал, как поступить дальше. Наташа следила за мной своими выразительными глазами. Ей, видимо, было меня жалко.

— Вы когда уезжаете? — спросила она.

— Дней через пять.

— Вы на нас не сердитесь. Мы про вас другую, хорошую, складем.

— Кто складет-то?

— Мы, поддубенские,— доверительно проговорила Наташа. — У меня к вам будет просьба. Мы с Сеней будем сегодня в ночь речь составлять. Он меня просил помочь,— в голосе Наташи слышалась наивная гордость. — Так вот я тут набросала кое-что... Полные сутки думала... Посмотрите, пожалуйста... А то я Семену боюсь показывать. У меня всегда все получается, только при Сене как-то не так, как надо, выходит. Вот, послушайте, я вам почитаю, а вы скажите, понравится ему или нет...

Вдруг она перестала говорить, посмотрела куда-то мимо меня, и лицо ее сделалось испуганно тревожным. Я оглянулся. В дверях стояла Люба. На голове ее была надета красная тюбетейка Семена.

— А я тебя, Наташа, всюду ищу, — сказала Люба.

— Что я, кошелек с деньгами,— с трудом ответила Наташа, не сводя глаз с тюбетейки. — Чего меня искать?

— На бюро тебя выделили чехословацким делегатам ночлег организовывать...

— Мне надо речь готовить.

— Без тебя сготовим.

— Мне Семен велел приходить сегодня.

— Наташенька, сама посуди, какую ты можешь сготовить речь? Какой из тебя оратор? Ты подумай лучше, в каких избах разместить гостей, а речь мы сами составим.

— И ты с ним?

— И я... Что ты смотришь на меня, как на чужую?

— А кто ты мне, своя, что ли? — так же с трудом проговорила Наташа и вышла на улицу, позабыв затворить за собой обе двери.

6

И все-таки я нашел составителя частушек. Случилось это так.

В последнее время у нас с Василием Степановичем вошло в обычай работать на его квартире в Поддубках, потому что в правлении каждую минуту председателя отрывали то бригадиры, то участковый агроном из МТС. Однажды мы с ним засиделись часов до одиннадцати, и выйдя на улицу, я вспомнил, что обещал Любе вернуться пораньше. Комната для приезжающих теперь, наверное, заперта, а Люба ушла к Семену помогать ему готовить выступление на встрече с чехословацкими делегатами. Три вечера подряд составляли они текст этого выступления, и все-таки им казалось, что оно плохо выражает их мысли и чувства.

Подумав, я отправился к избе Семена. В избе горел свет. Через открытое окно было видно и Семена и Любу. Они сидели за столом и, не глядя друг на друга, тихо разговаривали. Между ними лежала красная тюбетейка.

— Так ведь завтра правление, — говорил Семен.

— Да. Завтра нельзя. Завтра правление, — отвечала Люба.

— Послезавтра тоже нельзя.

— Да, и послезавтра нельзя...

— Зачем же ты меня упрекаешь?

— Не знаю, Сеня... Понимаю, что и завтра и послезавтра нам повидаться нельзя, а что-то... Хочешь, я тебе скажу, в чем дело?

— В чем?

— А ты не рассердишься на меня?

— Нет, Люба. Я ни за что на тебя не смогу рассердиться.

— Дело в том, Сеня, что это у тебя не настоящее. У тебя есть что-то на сердце, что ты прячешь от меня, да и от себя... Ты не любишь меня...

Я спохватился, что подслушиваю, и отошел от окна. Выступление, видимо, было подготовлено, и между Любой и Семеном шел теперь разговор, который не стоило прерывать. Я сел на ступеньку крыльца и стал ждать, когда выйдет Люба.

Ярко светила луна. Пустынная деревня была видна из конца в конец не хуже, чем днем. На дороге лежали изломанные в колеях тени телеграфных столбов. Напротив за полуоткрытой калиткой виднелась часть двора: белая, чисто выметенная земля, тележные переда у сарая. Возле ворот росла рябина, и на суке ее висел тяжелый вагонный буфер. Было неподвижно и тихо. Даже провода не гудели.

Так я просидел несколько минут. Вдали показался человек в черном костюме, шагающий со стороны Синегорья. Когда он приблизился, я узнал того самого паренька Гришу, который проверял мои документы. Не замечая меня, он торопливо прошел мимо, поднялся на крыльцо какой-то избы и постучал. На задах басом залаяла собака. Грише открыли, и он скрылся в сенях.

— Нет, ты меня не обманываешь... — донеслись слова Любы, подошедшей к окну. — Ты стараешься верить. Даже чересчур стараешься верить. А знаешь почему? Потому что тебе надоело одному. Ты, наверное, думал: «Долго ли одному жить? Чего ждать?» Думал так?

Семен что-то ответил.

— Значит, думал... Я почувствовала это в первый вечер. Когда мы с тобой шли из Игнатовки. А мне, Сеня, мало этого... И тебе мало...

Семен подошел к окну и спросил:

— А ты меня любишь?

— Не знаю, — ответила Люба. — Ты не сердись. Это не значит: «не люблю». Это честно — не знаю. От тебя зависело, чтобы я говорила яснее...

Они отошли в глубь комнаты, и все стихло. На улице снова появился Гриша и пошел обратно, но уже гораздо медленнее. Поровнявшись со мной, он поздоровался и спросил, не видел ли я Наташу.

— Вчера с ней уговорились идти ко мне радио слушать, — сказал он, — а дома ее нет... У вас там, где вы живете, линоксиновые трубочки для изоляции не продаются? Не знаете?.. А у нас их и вовсе не достать... Интересно, куда она подевалась?

Гриша сел рядом со мной и грустно вздохнул. Некоторое время мы молчали.

— Да ведь она, наверное, здесь, у Семена! — вдруг радостно воскликнул Гриша и хлопнул себя ладонью по колену. — Они же там речь составляют!

Он бросился к окну, и лицо его разочарованно вытянулось. В свете падающего из окна луча я разглядел, что Гриша одет необычно нарядно. На нем был длинный модный пиджак и шелковый галстук, затянутый так туго, что концы воротничка торчали.

— Там ее нет, — сказал он, вернувшись. — Там только Любка с Семеном.

Он долго размышлял, уставившись на свои ботинки, и казался таким же неподвижным, как рябина, как калитка, как все вокруг, усыпленное лунной ночью.

— Да ведь она в Игнатовке! — протяжно проговорил он наконец, словно утешая не себя, а меня. — У них там семинар сегодня. И как я не догадался!..

Он весело достал коробку «Казбека», распечатал ее ногтем и предложил мне закурить. Я отказался. Он сунул в рот папиросу и похлопал себя по карманам. Спичек у него не оказалось. Не было их и у меня. Гриша махнул рукой и сунул папиросу за ухо.

— Очень просто. Она в Игнатовке, а я голову ломаю. Вот всегда...— он оборвал фразу и прислушался.

Издали, из поддубенского леса, доносилось пение.

Вдоль всей деревни тянулась полоса деревьев, прикрывающая Поддубки с северной стороны от ветра. Рощица шла сразу за избами, подступала к самым огородам, словно обнимала деревню у околиц, и была такая узкая, что ночью сквозь деревья просвечивали огни изб. Но в этих безлесных местах и такие поросли были редкостью, и, когда еще во время войны невесть откуда в рощицу забрел волк, поддубенцы совсем загордились и стали всерьез называть небольшую полоску деревьев лесом. Они любили свой лес и знали наперечет все березки и сосенки. Матери пугали детишек «лесовиком», учительница водила в лес своих питомцев собирать листья для гербария, ребятишки играли

в лесу в партизан, а старики если и обламывали ветки берез, то только для веников, чтобы в субботу попариться в баньке.

Летними ночами по прохладной лесной тропинке гуляли девчата и пели песни.

И вот теперь, когда мы с Гришей сидели на крыльце, из леса донеслись голоса:

Моя тропка
Потерялась,
Я любови
Не дождалась.

— Вон она где! — удивленно проговорил Гриша.

Я прислушался. Пели в три голоса, и мне трудно было выделить из этого маленького согласного хора голос Наташи.

— Как раз сейчас мимо вратаря идут,— печально сказал Гриша.

— Мимо какого вратаря?

— Дуб там есть. Между двух березок стоит. Один на весь лес. Он у них и называется вратарь...

Вскоре снова раздался голос, на этот раз напротив того места, где мы сидели. Теперь я узнал его — пела одна Наташа.

Хоть бы цветики
Завяли,
Про него
Не поминали.

Я не знал этих слов. Никогда не слышал их прежде. Они так совпадали с переживаниями Наташи, что мне в первую минуту показалось удивительным такое совпадение. И внезапно я понял, что слышу рождение частушки, рождение новой коротенькой песенки, которая, может быть, выпорхнет из этого узкого леса и полетит над пашнями нашими и дорогами, над деревенскими улицами и полевыми станами, над концертными залами и антеннами. Хотя пели трое, я был уверен, что сочиняет Наташа, а две ее подруги только подхватывают, может быть, дополняют то, что она вначале тихо-тихо напевала. Слишком искреннее было чувство, с каким пела Наташа, слишком непринужденно ложились слова на грустный мотив, чтобы сомневаться в этом... Впрочем, может быть, давно существует эта частушка, а Наташа только повторяла ее, выбрала себе по настроению и повторяла?

— А конденсатор на десять микрофарад у вас достать можно? — спросил Гриша.

Я не отвечал. Голоса удалялись, становились все глуше и глуше, и слов нельзя было уже разобрать.

— Теперь они к докторше подошли, — сказал Гриша. — Березка там есть белая, докторша.

И вдруг громко, обиженно заговорил:

— А что я ее должен ждать? Что я, маленький, что ли? Она думает, у меня время неограниченное. Небось, больше ее занят, помощником комбайнера работаю. А если Евсеев не выздоровеет, так и комбайн завтра приму. Посмотрим тогда...

Голоса девушек совсем затихли. Сияло ночное звездное небо. Звезды казались то больше, то меньше. Их было очень много. Я никогда не видал так много звезд. И оттого, что в небе шевелились звезды, все на земле казалось особенно неподвижным, застывшим.

Обычно поддубенские девчата в одну сторону идут лесом, а в другую — деревней, и я стал терпеливо ждать их. Дожидаться пришлось довольно долго. Наконец вдали показались три девушки. Они шли посредине дороги — две низенькие и одна повыше. Высокую я узнал раньше, чем Наташу. Это была Феня, и меня удивило, что она гуляет с Наташей, бывшей лет на восемь моложе ее. С другой стороны шла девушка, которую я видел, кажется, в первый раз. А между ними, взяв подруг под руки, шла Наташа.

Поровнявшись с избой Семена, девушки замедлили шаг и стали смотреть на освещенные окна.

— Первый час, а они сидят, — заметила незнакомая мне девушка.

— Составляют речь, — сказала Феня.

— Сочиняют, — добавила Наташа, то ли всерьез, то ли с грустной насмешкой.

Девушки остановились. Луна светила так ярко, что если бы Семен выглянул на улицу, то увидел бы и лицо Наташи, и глаза ее, и то, что было в ее глазах. Но он спорил с Любой, тихо, но настойчиво, и вряд ли его интересовало, что делается на улице.

— Здравствуйте, — сказал Гриша.

— Здравствуйте, — ответила незнакомая мне девушка и, обратившись к подругам, спросила: — Пошли?

— Пошли, — машинально ответила Наташа, не трогаясь с места.

Кроме двух освещенных окон, кроме тюбетейки, лежащей на столе, она не замечала ничего, ни меня, ни Гриши. И мне до того сильно захотелось крикнуть Семену, чтобы он посмотрел в окно, заметил Наташу, чтобы хоть взглянул на нее, что я едва сдержался. Ведь так хорошо светит луна...

— Ну, пошли, — сказала Феня.

— Пошли, — отозвалась Наташа, и они двинулись дальше вдоль улицы и запели, и я услышал слова, точно повторяющие мои мысли:

Понапрасну
Месяц светит,
Меня милый
Не заметит.

Нет, эта частушка не могла быть составлена раньше. Она сочинена теперь, несколько секунд тому назад, и даже не сочинена, а просто сама вырвалась из души, и автору ее не надо было ничего выдумывать и искать рифму.

Наконец-то я узнал автора поддубенских частушек, но не было у меня от этого ни радости, ни удовлетворения. Узнал я и гораздо более важную вещь. Я понял, как много надо пережить и перечувствовать, чтобы составить короткую, всего на две строчки песенку...

Девушки снова скрылись в лесу, и сколько я ни прислушивался, ничего не мог услышать. Иногда казалось, доносятся какие-то звуки, но нельзя было понять, поют ли это девчата или мне просто слышится.

В сенях раздались шаги. На крыльцо вышли Семен и Люба. На голове Любы попрежнему была надета тюбетейка, только теперь, в лунном свете, она казалась черной. Люба остановилась, пораженная красотой ночи. Гриша стал угощать Семена «Казбеком». У Семена оказались спички. Гриша забыл, что у него папироса за ухом, и достал себе другую.

— Ты к Наташе? — спросил его Семен.

— А на что она мне? — с великолепным равнодушием проговорил Гриша.

Некоторое время мы стояли и разговаривали все вчетвером. И было заметно, как трудно Любе произносить слова спокойным, безразличным тоном.

— Пойдемте по домам, — сказала наконец она. — Радиолюбитель, ты идешь? Спокойной ночи, Сеня.

— Вам спокойной ночи. А мне еще выступление переписывать начисто, — проговорил Семен, как бы объясняя, почему он не провожает Любу.

Мы отправились домой, в Синегорье

По дороге Люба завела с Гришей разговор о том, что завтра полеводов нарядили убирать рожь, а неизвестно, можно ли ее убирать: погода стоит плохая. Когда надо, дождей не было, а теперь, как нарочно, что ни день, то дождь. Но это не беда, если комбайны станут работать хорошо — все равно уборку можно закончить досрочно. Она говорила, наполняясь заботами предстоящего трудового дня, и я чувствовал, как успокаивалось ее сердце.

Девичье горе — непрочное горе.

Не прошли мы и двухсот метров, а Люба уже смеялась над длинным гришиным пиджаком. И когда нам встретились три девушки, тоже возвращавшиеся по домам и устало напевающие во второй или в третий раз:

Мое сердце
Не на месте... —

Люба вдруг встрепенулась и перебила их пенье резким, пронзительным голосом:

Похудела
Грамм на двести.

Все засмеялись. И как только по деревне разнесся смех, в избе отворилось окно, и сонный женский голос произнес: «Наташа, ты до утра шуметь станешь? Сейчас же ступай спать!» Наташа попрощалась с нами и побежала домой, громко напевая:

Не ругай меня, мамаша,
Не ругай грозно.
Ты сама была такая,
Приходила поздно.

(Продолжение следует.)

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В БОРЬБЕ ЗА РЕАЛИЗМ

Пятый съезд Союза литераторов Польши состоялся в обстановке огромных экономических и политических успехов народно-демократической республики, строящей социализм. Эти успехи, поднявшие на поверхность жизни широкие народные массы, не могли не отразиться и на литературе. Почти все выступавшие на съезде отмечали большие сдвиги в творчестве польских писателей, происшедшие после предыдущего съезда в Щецине.

В чем же заключаются эти сдвиги, преимущества польской литературы 1949 — 1950 годов по сравнению с литературой предыдущих лет? Прежде всего в том, что писатели повернулись лицом к строительству, осуществляемому народом под руководством Польской объединенной рабочей партии. Они, как и все трудящиеся республики, борются за мир, против поджигателей новой войны.

Почти все польские писатели не только осознали необходимость активно участвовать своим творчеством в борьбе народа за строительство нового, социалистического общества, но и поняли, что этой цели не соответствуют те художественные средства, которые были распространены в польской литературе до сих пор.

Сравнительно долгое время после освобождения Польши от фашистских захватчиков и установления в ней народно-демократического строя многие писатели как бы не замечали происходящей в стране революции. Все их творчество было посвящено прошлому (правда, недалекому) — жизни в предвоенной, «санационной», то есть полуфашистской, Польше и в пору немецко-фашистской оккупации. Разумеется, появление в литературе произведений, связанных с этими историческими периодами, само по себе было явлением законным и общественно значительным. Писатели чувствовали потребность осознать все то, что происходило в польском обществе до войны, что подготовило сентябрьскую воен-

ную катастрофу 1939 года, а также пересмотреть созданное литературой в прошлом, чтобы вернее понять ее задачи в настоящем. Таким образом, нельзя считать ошибкой писателей и недостатком их произведений трактовку тем из недалекого прошлого Польши. Но неправильным было то, что они пытались ограничивать свое творчество т о л ь к о этим, недостаточно учитывая происходящие в Польше политические и экономические преобразования и напрашивающиеся из них выводы.

Польская литература первого послевоенного трехлетия не имела достаточной связи с современностью. Поэтому сильные влияния буржуазного западноевропейского декаданса не обезвреживались противоядием, которое могла дать польская народно-демократическая действительность. Жизнь шла вперед, а литераторы продолжали писать об ушедшем из жизни, выражать чувства, свойственные классам, исчезающим в новой Польше. Разрабатывая материал, взятый из Польши 1920—1944 годов, некоторые писатели — среди них были и молодые и талантливые — пытались задержаться на старой, более знакомой им тематике — на решении психологических буржуазно-интеллигентских проблем. Это и обусловило их неудачи.

Такова была, например, причина неудачи Тадеуша Брезы, чей роман «Стены Иерихона» упоминался в критических выступлениях на съезде Союза литераторов Польши и в предсъездовской дискуссии. В этом романе социальная критика так называемой «санации», то есть фашизирующегося правительства и правительственных кругов довоенной Польши, была подменена тщательным и, можно сказать, любовным изображением бытового разложения этих кругов. Писатель смотрел на «санацию» и ее внутренние интриги не с классовой точки зрения, а глазами завсегдатая кафе и будуаров.

Некритическим отношением к литературным «западным модам» в значительной степени был испорчен роман молодого писателя Казимира Брандыса «Непокоренный город» (о Варшаве времен оккупации). Наряду с необычайно сильными страницами, отражающими, с одной стороны, героизм коммунистов и рабочей молодежи, а с другой,— моральное падение польской буржуазии, сотрудничавшей с оккупантами и наживавшейся на несчастьях соотечественников, в романе оказался ряд глав, заполненных дурным психологизмом, а местами даже «философией» французского реакционера Сартра, бессознательно усвоенной вместе с декадентскими «изысканными приемами».

Еще более характерна в этом отношении книга молодого писателя Тадеуша Боровского, участника движения сопротивления, бывшего заключенного в Освенциме. Книга эта, содержащая ряд рассказов о жизни фашистских узников, вызвала общее недоумение в демократическом лагере. Умышленно бесстрастным тоном изображая массовые зверства, творимые фашизмом, автор тем же тоном говорит о моральном отупении жертв, их равнодушии к страданиям и смерти товарищей, о их якобы единственном стремлении — выжить во что бы то ни стало. Автор словно щеголяет полным отсутствием моральных оценок, нарочитым хладнокровием, с которым он повествует о самых страшных вещах, как о чем-то само собой разумеющемся.

Появился ряд других произведений демократических писателей, где стремление «писать, как Хемингуэй» или «как Сартр»,— только «про другое», приводило к совершенно неожиданным для самих авторов идеологически и художественно-порочным результатам.

Сейчас этот период идейно-художественных шатаний уже в прошлом. Успехи народа в осуществлении шестилетнего плана, появление на общественной арене новых людей, героев труда, самоотверженных борцов за мир, демократию и социализм, возросшая сознательность масс, расширение читательских кругов и предъявляемые ими более высокие требования побудили польских писателей повернуть на новый путь. За годы, минувшие после Щецинского съезда, появились произведения, посвященные жизни рабочих, их быту, самоотверженному труду. Таков «Фундамент» Е. Пытляковского — произведение еще в значительной степени схематичное, но характерное как первая ласточка в реалистической ли-

тературе. Таков роман Я. Вильчека «Фабрика вступает в строй...», изображающий героическое восстановление завода в первые послевоенные дни.

Уже упоминавшийся нами Т. Боровский выступил в печати с беспощадной самокритикой и с резкой критикой творчества других писателей. В то же время он написал ряд очерков, являющихся обвинительным актом против империализма и его выродившейся «культуры». Публицистическая страстность этих очерков придает им подлинную художественность. С очерками, проникнутыми социалистическим мировоззрением, выступил талантливый писатель Е. Анджеевский. Очень интересны очерки В. Залевского «Тракторы разбудят весну», который на конкретном материале показывает перестройку польской деревни.

Событием в польской литературе явилась автобиографическая повесть Люциана Рудницкого «Старое и новое», отражающая огромный период из истории польского революционно-освободительного движения. Это умное, реалистическое и художественное по своей выразительности и простоте произведение много дает и польским читателям и писателям на их пути к новой литературе.

За последние годы в Польше появился и ряд талантливых драматургических произведений. Среди них первое место, несомненно, занимает пьеса «Немцы тоже люди» Леона Кручковского, знакомого советскому читателю по переводу его довоенного романа «Кордиан и хам». Пьеса Л. Кручковского — ценный вклад в борьбу писателей за мир.

Убедительно, на живых, конкретных образах показывает драматург, что в мире, расколовшемся на два лагеря — империализма и социализма,— для честного человека не может быть аполитичной позиции. На примере немецкого профессора Зонненбруха автор убеждает, что такая аполитичность, какими бы чистыми побуждениями она ни вызывалась, пусть даже намерением самоотверженно послужить науке, неизбежно ставит ученого буржуазной страны на службу фашизму.

В пьесе есть яркие образы немцев, которые, несмотря на беспощадное давление фашизма, созданную им атмосферу озверения и подлости, сохраняют высокие моральные качества, развитию которых способствовала борьба советского народа и всего передового человечества против гитлеровцев.

Расцвет творчества переживает известный революционный польский поэт Владислав Броневский. Появились новые по тематике и форме стихотворения знаменитого поэта Юлиана Тувима. Молодые польские поэты еще ищут соответствующей формы выражения своих революционных чувств. Протест против «красивостей», эпигонской поэзии зачастую приводит их к другой крайности, к так называемому «антиэстетизму». В поэзию вводятся нарочито грубые выражения, отталкивающие не буржуазию, а народные массы. В сущности, такой «антиэстетизм» является худшей формой буржуазного эстетства. Однако все это, несомненно, лишь «детская болезнь», болезнь роста молодой польской поэзии.

Все громче раздаются голоса о необходимости восстановить преемственность по отношению к свободолюбивой и революционной польской классической традиции — традиции Мицкевича и Словацкого. Все лучшие польские поэты изучают русскую классику и творчество советского поэта Владимира Маяковского. Нет никаких сомнений, что уже в ближайшем будущем польская поэзия выйдет на широкую дорогу социалистического реализма.

В Польше немалых успехов в последние годы достигли и критики, овладевающие марксистско-ленинским мировоззрением. Польские писатели проявляют огромный интерес к теоретическому анализу своего творчества. Вместе с тем они твердо убеждены в том, что нельзя двигаться вперед, не изучив и не освоив тридцатилетнего опыта советской литературы. Все это, безусловно, будет способствовать дальнейшему подъему литературы демократической Польши.

История советской литературы, надлежащим образом изученная, предохранит польских товарищей и от некоторых вредных перегибов в борьбе за социалистический реализм. Таким перегибом нам кажется, в частности, то, что в дискуссиях почти не принимаются во внимание опыт и творчество польских писателей старшего поколения. Игнорируется опыт даже тех писателей, которые в довоенной Польше были демократическими и более близкими к реализму, чем другие литераторы того времени.

На съезде и в предсъездовской дискуссии неоднократно выражалось мнение, что реалистический метод может быть применен только в произведениях, посвященных жизни рабочего класса и крестьянства; все остальное же — это «мелкобуржуазный натурализм». Между тем, например, повесть старой писательницы демократического и реалистического направления Елены Богушевской «Железный занавес» чрезвычайно правдиво, художественно, убедительно рисует, как свершающиеся в Польше революционные преобразования втягивают в строительство новой жизни, перевоспитывают те слои мелкобуржуазной интеллигенции, которые, сами того не сознавая, были задавлены капитализмом. В повести показано, как государство, руководимое рабочим классом и его партией, перевоспитывает мелкую буржуазию. Можно ли сказать, что это «боковая тема», как определил ее в своем докладе на съезде А. Важик? Конечно, нет!

Перевоспитывающая сила рабочего класса и созданного им строя — одно из лучших доказательств жизненности и непобедимости социализма. Эта сила приводит в ряды строителей социализма лучших писателей прежней эпохи, ранее далеких от социализма. Делегат Союза советских писателей говорил об этом на съезде польских литераторов. Он рассказал, что например, один из выдающихся советских писателей, Алексей Толстой, не стал бы автором социалистических произведений, если бы Всесоюзная коммунистическая партия, руководящая идейной жизнью Советской страны, не учитывала того, что, несмотря на свои прошлые заблуждения, художник близок народу и пойдет с ним, когда убедится в животворной силе социализма. Так было в Советском Союзе и с рядом других крупных

писателей. Так, несомненно, будет и с честными польскими писателями старшего поколения. И чем скорее это поймут их более молодые товарищи писатели, уже ставшие на путь социалистического реализма, тем, разумеется, быстрее и безболезненнее завершится процесс перестройки польской литературы.

Подведем некоторые итоги. Польская литература изжила свой первый послевоенный период, главным содержанием которого были расчет с прошлым, осмысливание исторического перелома. Литература начала отражать то новое в польской жизни, что обусловлено быстрым ростом сознательности трудовых классов и прежде всего рабочего класса. Литература освобождается от формалистской и натуралистической шелухи, повышая свое реалистическое качество. Она объединяет всех демократических писателей, живущих интересами народа, растущих вместе с ним. В борьбе за социалистическую, подлинно передовую и художественную литературу польские писатели опираются на пример и опыт своих советских собратьев.

Е. УСИЕВИЧ

На полях государственных земледельческих хозяйств и производственных кооперативов работают комбайны. В уборочную кампанию этого года в Польше жали и молотили хлеб комбайны, полученные из СССР.

Радио пришло в польскую деревню. По шестилетнему плану намечено полностью электрифицировать и радиофицировать еще 8900 деревень. Член производственного кооператива деревни Баранов, Варшавского воеводства, Юзеф Гурайский слушает радиопередачу.

Строительство трассы «Восток — Запад», проложенной по возрождающейся Варшаве, закончено еще в прошлом году. Эта магистраль — гордость столицы новой, народной Польши.

Польша восстановила свои прекрасные порты на Балтийском море — Щецин, Гдыню, Гданьск. Десятками морских линий она связана с внешним миром. Флагман польского флота «Баторий» совершает дальние океанские рейсы.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Кадр из фильма «Чортово ущелье». Тадеуш Шмидт в роли пограничника Ясека Гадзонь.

Недавно Новый театр в Лодзи поставил пьесу «Бригада шлифовальщика Каргана», которую написал чешский рабочий Вашек Коня. Спектакль о росте социалистического сознания чешских рабочих пользовался большим успехом у польского зрителя. Он помогал бороться за социалистическое отношение к труду.

Польские кинематографисты решили творчески использовать опыт лодзинского театра. Был написан сценарий, героями которого стали актеры и рабочие, сценарий о том, как актеры пересматривали методы и формы своей работы в связи с тем, что в театр пришли новые зрители.

Фильм назвали «Две бригады». Он демонстрируется сейчас на экранах Польши, оказывая немалую помощь Польской рабочей партии в деле воспитания народа. События, которые происходят на экране, жизненны и находят горячий отклик в зрительном зале.

И в самом деле, сегодня в Польше среди рабочих еще есть скептики, вроде Вальчака из фильма «Две бригады», не верящие в действенность социалистического соревнования. И среди актеров есть такие, как Борович, который считает, что играть рабочего можно без глубокого проникновения в психологию героя, а одними лишь профессиональными приемами.

Кипучая жизнь новой, демократической Польши доказывает и Вальчаку и Боровичу, что они неправы. Борович, понявший свою ошибку, добивается успеха в роли Каргана, а Вальчак активно вступает в социалистическое соревнование со своими товарищами.

Фильм «Две бригады» (режиссер — Евгений Ценкальский) сделан искренно и правдиво. С большим мастерством проводит трудную роль Боровича артист Казимир Опалинский. Роль Вальчака исполняет рабочий одной из лодзинских фабрик Зигмунд Лялек.

Фильмом «Две бригады» работники польской кинематографии закрепляют успехи, достигнутые в картинах «Последний этап» и «Запрещенные песенки».

Совсем недавно на наших экранах был показан польский фильм «Чортово ущелье». Герой этой картины Ясек Гадзонь — честный польский патриот — призван на службу в Народную армию и направлен в пограничные войска. Он на первых порах не понимает необходимости суровой воинской дисциплины, установленной в армии. Но служба на границе стала для Ясека большой политической школой. Преодолевая свои заблуждения, пограничник Гадзонь в борьбе с бандой американских наемников совершает патриотический подвиг.

Кадр из снимающегося фильма о выдающемся польском композиторе Станиславе Монюшко.

Кадр из фильма «Две бригады».

Обезвредить американских наемников помогают полякам чехословацкие пограничники. Воины народной Польши и народной Чехословакии действуют вместе, они связаны тесной братской дружбой.

Фильм «Чортово ущелье» смотрится с увлечением. Режиссеры А. Вергано и Т. Каньский (он же сценарист фильма), оператор А. Форберг и исполнитель роли Ясека артист Тадеуш Шмидт создали произведение, прославляющее смелость и мужество польских воинов. На высоком уровне в фильме операторская работа, особенно хороши горные пейзажи. Здесь, на этих неприступных скатах, на заснеженных кручах, стережет родную границу Ясек Гадзонь.

«Две бригады» и «Чортово ущелье»... Казалось бы, какие разные темы в этих фильмах! Но обе картины связаны одной общей идеей: они показывают новых героев, о которых стремятся рассказать народу польские кинематографисты.

Новая польская кинематография началась с появления ряда документальных фильмов: «Варшавская сюита», «Варшава обвиняет» и «Наводнение», — отмеченных на международных фестивалях в Марианских Лазнях и Каннах, с создания нескольких художественных кинокартин о борьбе польского народа с оккупантами и о первых послевоенных годах жизни освобожденного народа.

Среди фильмов о войне лучшим был «Последний этап» — произведение большой обличительной и художественной силы.

Но все эти картины (включая «Запрещенные песенки», «За вами пойдут другие» и «Скарб») были только подступами к главной теме польского киноискусства — теме строительства новой, социалистической Польши. И не случайно польских кинорaботников увлекла пьеса чешского рабочего, побудившая их создать интересный и оригинальный фильм «Две бригады».

Отрадно отметить, что среди готовящихся к выпуску новых художественных кинокартин одна из самых значительных, «Громада», рассказывает о классовой борьбе в польской деревне, о создании первых сельских кооперативов.

Большое внимание уделяется и историческим сюжетам. На Лодзинской киностудии в данное время идет съемка двух биографических фильмов — «Шопен» и «Монюшко» — о жизни и творчестве великих польских композиторов.

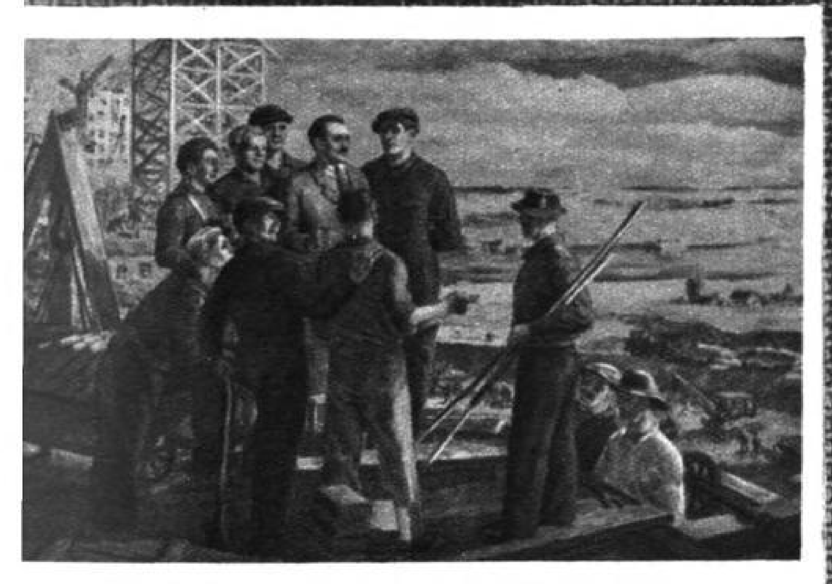
Растущая польская кинематография ощущает острую нужду в кадрах. Поэтому студенты Лодзинской высшей школы кинематографии широко привлекаются к работе над фильмами. Группа студентов подготовила недавно документальный фильм «Перелом» — о вступлении крестьян деревни Виковице в кооператив. Студенты производят съемки на заводах и фабриках, на стройках. Скоро и они включатся в кипучую творческую деятельность, о которой выдающийся польский кинорежиссер Ванда Якубовская писала в одной из своих статей: «Мы создаем новое польское киноискусство. Теперь нас уже не горстка энтузиастов. Теперь прогрессивные кинорaботники — это кинематография народной Польши. У нас есть все возможности создать картины, которые, как и советские фильмы, звали бы вперед, помогали бы строить новую жизнь.

И такие фильмы будут созданы!»

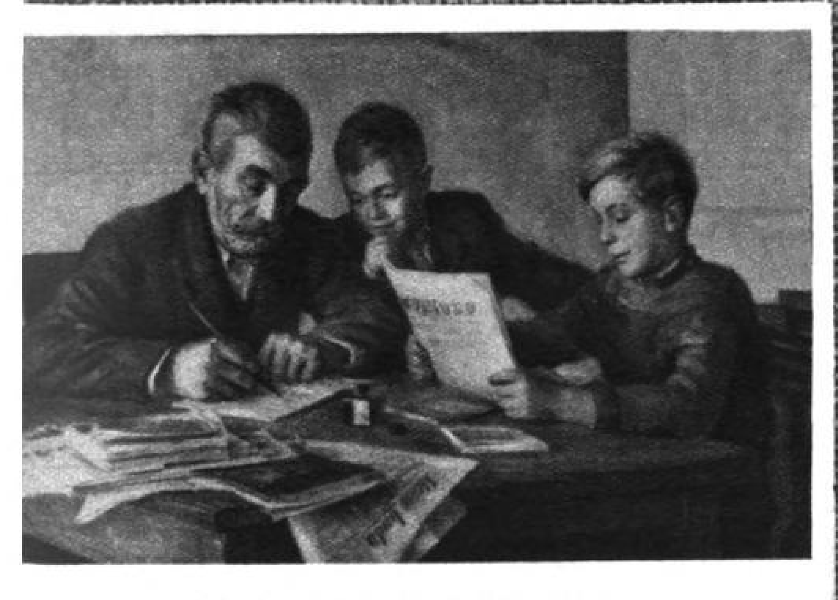
Вл. КОРОЛЕВ

Новое в живописи и скульптуре

Ежи КУРЫЛЮК

В. Закшевский. Товарищ Берут среди рабочих.

В. Добровольский. Первые буквы.

В. Верещинская. На сельской дороге.

Состоявшаяся в нынешнем году в Варшаве Первая всепольская выставка живописи, графики и скульптуры вызвала большой интерес в самых широких кругах польского общества. Десятки тысяч человек еженедельно посещали выставку и осматривали работы, экспонированные в залах Национального музея. Интерес понятен: в художественных произведениях, представленных на выставке нынешнего года, впервые столь широко показан народ в его борьбе и труде.

Значительное число картин посвящено темам совместной борьбы солдат Войска Польского и Советской Армии против немецко-фашистских захватчиков. В этой серии следует отметить «Переправу бойцов» М. Томкевича.

Подолгу стоят посетители перед двумя произведениями, изображающими великого вождя трудящегося человечества В. И. Ленина.

Художник А. Рак выступил с литографией под названием «Ленин беседует с польскими горцами», рисующей встречу Владимира Ильича с простыми тружениками в период его жизни в Польше. Художница Э. Марциновска изображает Ленина среди рабочих в бытность его в Кракове.

Интересна большая картина В. Закшевского «Товарищ Берут среди рабочих». Художник показывает в ней неразрывную связь вождя польского народа с трудящимися. Художник передал в картине силу, ум, дальновидность руководителя польского народа. Неплохо нарисованы рабочие. Действие картины развертывается на фоне гигантской строительной панорамы. Художник донес до зрителя напряжение, неумолчный шум стройки. Здесь все овеяно пафосом созидания.

Совершенно новое явление в изобразительном искусстве Польши — картины на темы деревенской жизни. Из них особого внимания заслуживает полотно В. Верещинской «На сельской дороге».

Жанровый пейзаж Верещинской перекликается с произведениями русских мастеров-передвижников. Художница стремилась быть верной натуре, правдиво изображать то, что открывается ее взору.

Интересно полотно Ю. Краевского «Ударница полей», в котором показан горячий и страстный спор о новой жизни передовой крестьянки с односельчанином. В польское село пришла новая жизнь, все меняется на глазах старого хлебороба, он растерян, он не может еще как следует разобраться во всем происходящем. В образах молодых и жизнерадостных крестьянок — подлинных хозяев польской земли — художник добился большой выразительности; удачно передана их непоколебимая вера в победу своего труда.

Многие полотна отражают культурный рост деревни. Большим успехом пользуется картина В. Добровольского «Первые буквы», посвященная борьбе с неграмотностью. Теплота, задушевный тон этой жанровой картины привлекают зрителя. Видно, что автор много работал над композицией, над рисунком, стремясь к подлинному реализму.

В картинах на сельские темы художники не ограничиваются пейзажем или выразительной сценой, они стремятся также показать экономическую и культурную жизнь современной польской деревни.

Интересен отдел графики. Серия рисунков И. Витца посвящена истории первой революционной рабочей организации Польши. С рисунками «Из партизанского портфеля», отражающими эпизоды борьбы Армии Людовой против немецких оккупантов, выступил К. Сопоцько.

Блестящие иллюстрации к повести «Дубровский» и к другим произведениям Пушкина сделал В. Васьковский.

Скульптура, представленная на выставке, свидетельствует о стремлении скульпторов к реализму. В скульптуре Е. Попеля «Соревнование труда» воплощены образы нашей молодежи, охваченной страстью созидания.

Выделяются работы Я. Аумиллера, А. Яника, А. Карнего, З. Кускувны, С. Марцинова, М. Налевайского, Е. Новицкого. Тепло выполнена Г. Стахурской группа «В школу за знаниями», интересна по композиции скульптура «Граница мира» А. Висневского.

Первая всепольская выставка заставила заново пересмотреть и оценить творчество наших художников. Она показала, что еще значительное число произведений посвящено темам, далеким от современности, а выполнение некоторых картин, поднимающих новые темы, несовершенно.

Совсем недостаточно используются традиции старой польской реалистической живописи — Я. Матейко, Г. Родаковского, Ю. Хелмонского, А. и М. Геримских. Следование лучшим образцам нашей классики выгодно отмечает работы современных мастеров: Краевского, Верещинской и некоторых других. Их пример достоин подражания.

Большую и положительную роль в развитии польского изобразительного искусства всегда играла русская классическая живопись. Ее воздействие ощущается и сегодня. В картине К. Мацкевича «Работа в лесу» мы находим отзвуки лесных пейзажей Шишкина.

Плодотворное влияние на наших современных художников оказывает творчество советских мастеров. Преодолевая формалистическую манеру, добились успехов на пути социалистического реализма Г. Краевская, А. Кобздей, И. Лучинская, В. Закшевский.

Успех настоящей выставки вырисовывается особенно ясно при сравнении ее с так называемым Варшавским салоном 1947 года, когда среди показанных на выставке работ преобладал «колеризм» — направление, пренебрегающее и содержанием картины и рисунком ради цветовых пятен и идущее от импрессионизма.

Совершенно не удовлетворяют зрителей работы польских художников, живущих в Париже и приславших полотна на нынешнюю выставку. Их творчество оторвано от жизни, к тому же и профессиональное уменье находится у них на крайне низком уровне.

Как и на всех участках жизни, в польском искусстве сейчас идет борьба за его национальный характер, за близость к жизни народа.

Выставка — первый итог этой борьбы. Представленные на ней произведения убедительно показывают, что художники Польши создают искусство новое, достойное своего освобожденного народа.

АКТЕР И ОБРАЗ

В. С. Якут в роли Пушкина.

...В каждом слове Жака чувствовались горечь и сарказм. Беспокойный, мятущийся, то погруженный в тяжелое раздумье, то охваченный грустью, то язвительный и резкий в обличении гнетущей действительности, он властно овладевал вниманием зрителя.

Зрители, присутствовавшие на представлении шекспировской комедии «Как вам это понравится» в Московском театре имени Ермоловой, увидели в Жаке В. С. Якута не просто скептика, разочарованного жизнью, а человека, ищущего правду, пытающегося проникнуть взглядом в тайное тайных жестокого, несправедливого общества, где царствуют произвол и коварство. Это был как бы эскиз Гамлета.

Герой В. С. Якута совсем не напоминал желчного философа, отвергающего все и вся. Саркастическая ирония Жака имела ясную цель — она была направлена против зла, против «сильных мира».

Через несколько лет Якут сыграл роль «князиньки» Кучумова в спектакле «Бешеные деньги» А. Н. Островского. Артист беспощадно высмеял ничтожество Кучумова, его аморальность, необычайно примитивный внутренний мир. Кучумов пытается подчеркнуть свое барское высокомерие, отсюда — повелительный тон, грубый, нахальный окрик. И в то же время мы видим Кучумова — мелкого труса, испытывающего страх перед более сильным хищником, Кучумова — жалкого враля. Шаг за шагом артист обнажает духовную пустоту «важного барина».

Среди ролей, сыгранных Якутом, особое место занимает роль Якова Богомолова. Этот образ он создал не на сцене театра, а перед микрофоном, участвуя в радиопостановке незаконченной и мало известной пьесы М. Горького «Яков Богомолов».

Кто такой Богомолов? Инженер-мелиоратор, он в условиях старой России борется с засухой, «пробивает путь к воде», орошает сухие, выжженные солнцем земли. Богомолова окружают пошлые, тупые люди-собственники, живущие по волчьим законам. Среди этой своры Яков Богомолов одинок. Он неколебимо верит в творческую силу человека. Этот подлинно горьковский образ Якут воплотил умно, страстно, с глубоким пониманием самой его сущности.

В труде — смысл и цель жизни Богомолова. С покоряющей внутренней силой произносит Якут замечательные слова своего героя: «Я люблю работать, работа повышает уважение к себе самому и — знаете: земля должна быть огранена трудом людей, как драгоценный камень».

В. С. Якут с большим интересом готовил роль Якова Богомолова. Творческие поиски артиста были неустанными. Он не успокаивался до тех пор, пока не чувствовал, что слова Богомолова, как бы становясь его собственными словами, произносились просто, искренно, от всего сердца.

Любовь к труду, которая является главной чертой характера Богомолова, свойственна самому Якуту. Он полностью отдает себя творческому процессу. Нередко он предварительно набрасывает на бумаге различные варианты портрета своего героя, настойчиво отыскивая наиболее характерные черты его внешнего облика.

Великий актер Н. П. Хмелев был непосредственным воспитателем Якута. Он научил молодого артиста искать в искусстве не легких, внешне эффектных побед, а всегда идти трудным, но благородным путем, добиваться идейной глубины и художественного совершенства.

В самом характере игры Якута есть нечто «хмелевское». Это острота психологического рисунка в сочетании с отточенностью формы. Это — уменье свободно и легко использовать в творчестве богатые жизненные наблюдения.

Ныне к талантливому актеру пришел новый, еще более значительный успех. Вслед за Жаком, Кучумовым, Богомоловым и другими ролями, хорошо исполненными Якутом, мы видим созданный им образ Пушкина. В этой роли талант Якута раскрылся с большой силой.

Мы видим Пушкина в ненавистном ему костюме камер-юнкера на придворном маскараде, Пушкина, истерзанного гнусными нападками и клеветой «света». Мы присутствуем при его беседе с друзьями, когда Пушкин сначала предается острой грусти, вспоминая о погибших соратниках в борьбе с деспотизмом, а затем со свойственной ему огненной силой поэта — великого гражданина — поднимает тост за двадцать пятый год, за славные традиции декабристов, за свободную Россию. Мы видим Пушкина в его предсмертные минуты, злодейски раненного Дантесом. И всегда мы верим актеру, увлечены и взволнованы правдой искусства, раскрывшей перед нами последние дни поэта.

Замечательна сцена встречи Пушкина с друзьями — Брюлловым, Жуковским и Вяземским. С какой любовью, с каким уважением они слушают гениального друга! Свободно, легко чувствует себя поэт в этом кругу. Отступает тревога, раскрывается душа, и Пушкин вспоминает о тех, кого уж нет, но чей бессмертный призыв к свободе звучит, как набат.

Даже в минуты молчания мы ощущаем напряженность мысли поэта. Пушкин - Якут хорошо умеет слушать, наполняя паузы тончайшими переживаниями. Вот мы смотрим на поэта в то время, когда он увлечен волнующим романсом. Как выразительно его лицо! Кажется, что пение всколыхнуло его душу, вызвало далекие воспоминания. Вот Пушкин слушает жену, рассказывающую ему о своем отношении к Дантесу, и во взгляде поэта мы читаем и нежную любовь, и острую боль, и решимость...

В. Якут стремится передать цельность могучей натуры Пушкина, страстного патриота, задыхающегося в атмосфере николаевского деспотизма, но не склонившего своей гордой головы перед силами реакции.

* * *

...Опустел зрительный зал. За кулисами в своей комнате, перед зеркалом сидит В. С. Якут. Он неторопливо снимает парик с вьющимися волосами, стирает грим...

Завтра снова начнется труд, борьба за то, чтобы еще лучше сыграть горячо любимую роль...

А впереди новые роли и, будем надеяться, новые успехи мужающего таланта Всеволода Семеновича Якута — представителя поколения советских актеров, творческая жизнь которых началась в годы первой сталинской пятилетки.

С. ЗАМАНСКИЙ

В. С. Якут в роли Кучумова в пьесе А. Островского «Бешеные деньги».

В. С. Якут в роли Жака в комедии Шекспира «Как вам это понравится».

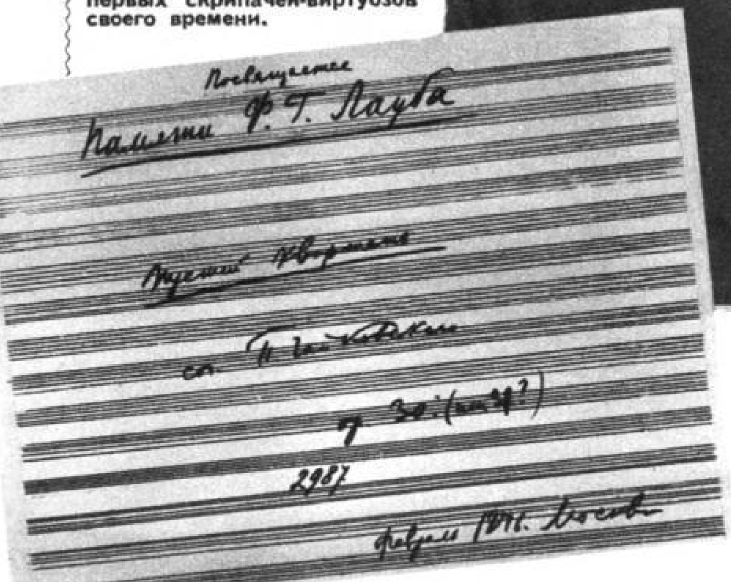
ВЫДАЮЩИЙСЯ ЧЕШСКИЙ МУЗЫКАНТ

Страна древней и высокой музыкальной культуры Чехословакия дала мировому искусству плеяду замечательных композиторов, дирижеров, концертных исполнителей. Среди этих имен, которыми по праву гордится чешский народ, почетное место занимает выдающийся артист, мастер скрипичной игры Фердинанд Лауб.

Сын пражского музыканта, Лауб с детства проявил редкое музыкальное дарование. В девятилетнем возрасте он с успехом выступил в публичном концерте. Будучи учеником консерватории, он обратил на себя внимание знаменитого французского композитора Берлиоза, который предсказал мальчику большую музыкальную будущность.

Двадцати трех лет Лауб получил должность преподавателя скрипичной игры в Берлинской консерватории. Ряд концертных поездок по Европе доставил молодому артисту славу одного из первых скрипачей-виртуозов своего времени.

Фердинанд Лауб.

Автограф П. И. Чайковского.

Мощный, удивительно красивый звук, воодушевленная, страстная игра Лауба увлекали, захватывали слушателей. Его блестящая техника не знала трудностей. Однако виртуозность никогда не становилась для художника самоцелью: им владела одна задача — раскрыть внутреннее содержание, идейный смысл произведения.

Репертуар Лауба был чрезвычайно разнообразен и включал все лучшие произведения скрипичной литературы, от старинных до современных. Вершинами исполнительского творчества артиста были два шедевра музыкальной классики — концерты для скрипки с оркестром Бетховена и Мендельсона. Большой успех имели и его собственные композиции.

В конце 50-х годов Лауб впервые посетил Россию. Его концерты в Петербурге встретили восторженную оценку со стороны передового представителя русской музыкальной критики — Серова.

Несколько лет спустя Лауб был приглашен профессором по классам скрипки и альта в только что открывшуюся тогда Московскую консерваторию.

Одновременно с большой педагогической работой Лауб весьма деятельно участвовал в концертной жизни Москвы. В течение девяти лет он был бессменным первым скрипачом в квартете Русского музыкального общества, не раз дирижировал в симфонических концертах и часто выступал в качестве солиста, а также в дуэте с замечательным пианистом Николаем Григорьевичем Рубинштейном, основателем и первым директором Московской консерватории. «Слышавшие никогда, конечно, не забудут исполнения Крейцеровой сонаты, которую Лауб с Н. Г. Рубинштейном играли так, как, вероятно, не играла никакая другая пара виртуозов», — вспоминал впоследствии известный критик Кашкин.

Музыкальная Москва оценила и полюбила блистательного артиста, представителя художественной культуры братского славянского народа.

Болезнь заставила Лауба прервать свою интенсивную и многостороннюю деятельность: ему пришлось покинуть Москву для лечения на курорте. В последний раз он выступил перед московской публикой в марте 1874 года в Большом театре, исполнив собственный концерт для скрипки с оркестром, вызвавший овации всего зала.

Артисту не суждено было вернуться в Россию, ставшую для него второй родиной. Весной 1875 года в Тироле Фердинанд Лауб скончался на сорок четвертом году жизни.

Смерть славного чешского музыканта была тяжелой утратой не только для его страны, но и для русского музыкального искусства, которому артист в течение ряда лет самозабвенно отдавал свой талант, свои силы и знания.

Глубоко огорчен был смертью Лауба его коллега по профессорской деятельности в консерватории Петр Ильич Чайковский. «Знаменитый и, по-моему, самый выдающийся скрипач нашего времени, Фердинанд Лауб был моим товарищем как профессор Московской консерватории. Нас связывала нежнейшая и сердечнейшая дружба», — так говорил в 1888 году Чайковский в своем выступлении на банкете в Праге.

Памяти умершего друга великий русский композитор посвятил одно из лучших своих произведений — третий струнный квартет, проникнутый чувством искренней скорби.

Б. ЯГОЛИМ

Рисунок П. Каратыгина

О существовании акварели с изображением М. Глинки, К. Брюллова и Н. Кукольника было давно известно, но только недавно Государственный музей музыкальной культуры приобрел этот интересный рисунок.

Эта небольшая акварель любопытна не только тем, что написана другом Глинки, знаменитым актером П. Каратыгиным, но прежде всего своим сюжетом.

Рисунок датирован 1840 годом. Время это — самая тяжелая полоса в жизни Глинки. «Иван Сусанин» не был принят официальными кругами — опера показалась слишком народной. Композитора назначают капельмейстером придворной певческой капеллы. Вместо оркестра, театра, артистов — родной стихии Глинки — церковное пение, роль педагога по «сольфеджио», скучные занятия с певчими — и все это под началом недоброжелателя — директора капеллы А. Ф. Львова.

Не лучше было и в быту — началось тягостное бракоразводное дело. Глинка оставляет свой дом и, пытаясь отвлечься от всех горестей, перебирается в гостеприимное семейство братьев Кукольников. Здесь была та атмосфера оптимизма, в которой композитор так нуждался. Это был шумный дом, куда, по выражению Глинки, «...ходили люди специальные, всегда народ дельный» , литераторы, ученые, художники, актеры. Среди них бывали Белинский, Брюллов, Каратыгин, Айвазовский.

В уютной гостиной друзья часами слушали чарующее пение «обожаемого Глинушки». Им первым он исполнял «Жаворонка», «Я помню чудное мгновенье». Для них игрался впервые «Вальс-фантазия», тогда еще звучавший только на фортепиано. Вместе с друзьями вынашивался план «Руслана и Людмилы».

Вслед за Глинкой к Кукольникам перебирается Брюллов. Рядом с роялью появляются мольберт, краски, кисти — художник пишет портрет Глинки. Вскоре здесь образовывается своеобразная «братия», которую возглавили М. Глинка, К. Брюллов и Н. Кукольник.

Этот «триумвират» был скреплен большой творческой дружбой. В своих воспоминаниях композитор пишет, что, работая над «Русланом», часто собирал совещания — Карл Брюллов, Нестор Кукольник — «...для сценических и музыкальных соображений...» На одном из таких совещаний Глинка, по совету Брюллова, переделал в четвертом акте хор духов в хор цветов.

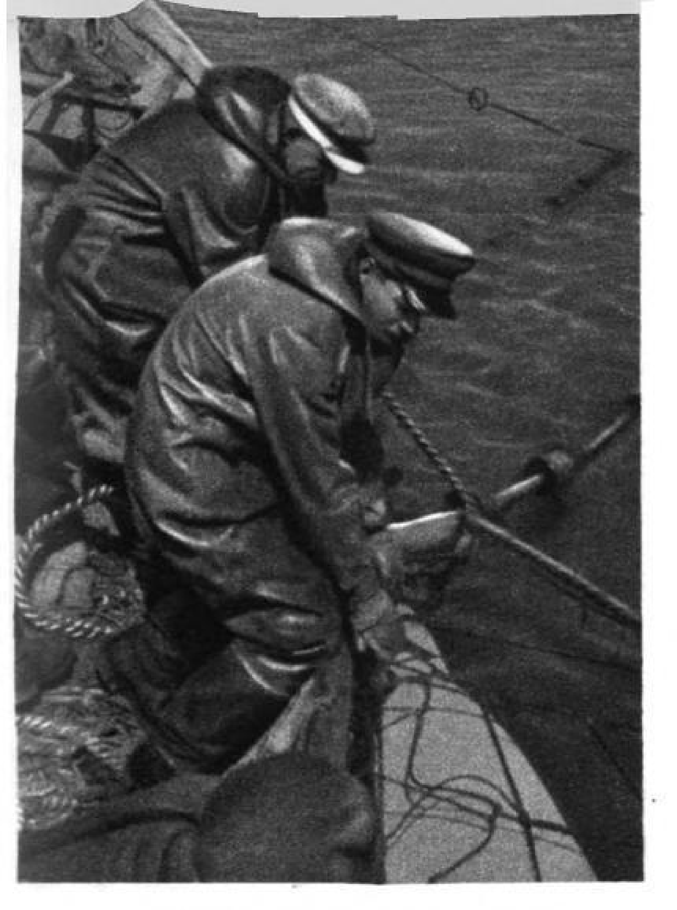
Композитор не обходился без живописца в решении сценической композиции оперы, и почти все оформление первого спектакля «Руслана и Людмилы» делалось по указанию Брюллова. Художник и драматург часто помогали композитору в решении отдельных сцен.

Возможно, что П. Каратыгин в своем рисунке изобразил одно из творческих собраний друзей. Если внимательней присмотреться к рисунку, то на диване, под шляпой, можно увидеть листок бумаги с надписью «Живопись, музыка, поэзия». Этими словами великий русский актер объединяет воедино три искусства.

Е. БРАГИН

Акварель П. Каратыгина. Слева направо: К. Брюллов. М. Глинка и Н. Кукольник.

Зверобои довольны: улов удачный!

За морским зверем

Доныне, заботливо оберегаемый, высится на острове Чкалова высокий металлический шпиль с силуэтом самолета. Здесь в свое время приземлялся знаменитый летчик Валерий Чкалов. Сейчас острова Чкалова и Байдукова — места богатейших рыбных и зверобойных промыслов.

Беспокоен Татарский пролив, день и ночь шумит у островов Сахалинский залив Охотского моря. Рабочие комбинатов, ловцы, зверобои, став на стахановскую вахту мира, самоотверженным трудом отвечают на злобную возню поджигателей новой войны.

Нам, только что прибывшим на острова, не терпелось скорее попасть на промысел белухи.

Белуха — полярный дельфин — многим отличается от ближайших своих сородичей — обыкновенных дельфинов. Это — огромное, до полутора тонн весом, млекопитающее из породы китовых. Хвостовые плавники у него, как и у кита, горизонтальные, а передние ласты, расположенные по бокам туловища, поразительно напоминают крыло самолета.

Гладкая кожа отливает белой эмалью; неуклюжая голова никак не вяжется по своим размерам с огромной овальной тушей; глазки непомерно маленькие; на затылке отверстие (сопло), через которое белуха набирает в легкие воздух, показываясь над поверхностью моря каждые десять — пятнадцать минут.

Прежде чем «глотнуть» воздух, зверь шумно выдыхает уже отработанный, и от этого море в местах скопления белух буквально «пыхтит», вспениваясь небольшими фонтанчиками. Детенышей белухи природа окрасила в защитный цвет, серый с фиолетовым отливом, под цвет северной морской воды.

Водится белуха только в северных и восточных морях нашей Родины. Промысел ее по-настоящему освоен лишь около полутора десятка лет назад. К одному из немногих в Союзе пионеров этого своеобразного промысла — Ивану Карповичу Непомнящему — мы и спешили.

С рыбной базы на острове Чкалова, где мы познакомились с нивхами — очевидцами посадки и взлета Валерия Павловича,— нам удалось попутным катером переправиться на остров Байдукова — базу зверобоев-белушатников.

Вначале нас постигла неудача: почти трое суток бушевал шторм, и зверобойная флотилия, состоящая из двух катеров, пятидесятитонного кунгаса и нескольких лодок, отстаивалась где-то у северных берегов Сахалина. Наконец море улеглось. К концу третьих суток над островом Байдукова пронеслись последние тучи, туман поредел, и к пристани комбината имени Чкалова подошли катера зверобоев, чтобы запастись пресной водой, продуктами и возобновить затем поиски белухи.

Здесь мы и познакомились с Иваном Карповичем Непомнящим, начальником лова. Сорокалетний, атлетического сложения мужчина, он по общему облику напоминал скорее техника или инженера, чем рыбака. Даже куртка, по-северному подбитая мехом, и высокие рыбацкие сапоги не нарушали этого впечатления. Только лицо выдавало истинную его профессию: оно было до шероховатости обветренное, с покрасневшей кожей на щеках, на лбу. Это потому, что Ивану Карповичу приходится почти целыми днями простаивать на рубке катера или на 10-метровой вышке над кунгасом с биноклем у глаз и пристально всматриваться в горизонт, подставляя лицо соленому охотскому ветру.

Выследить стадо белухи — дело не из легких: зверь этот осторожный, чуткий, пугливый.

Нам рассказывали, что однажды, когда море неожиданно взыграло и крутые волны раскачали вышку, Непомнящий, потеряв равновесие, был, как из пращи, выброшен в открытое море... Отвага и находчивость товарищей спасли командира.

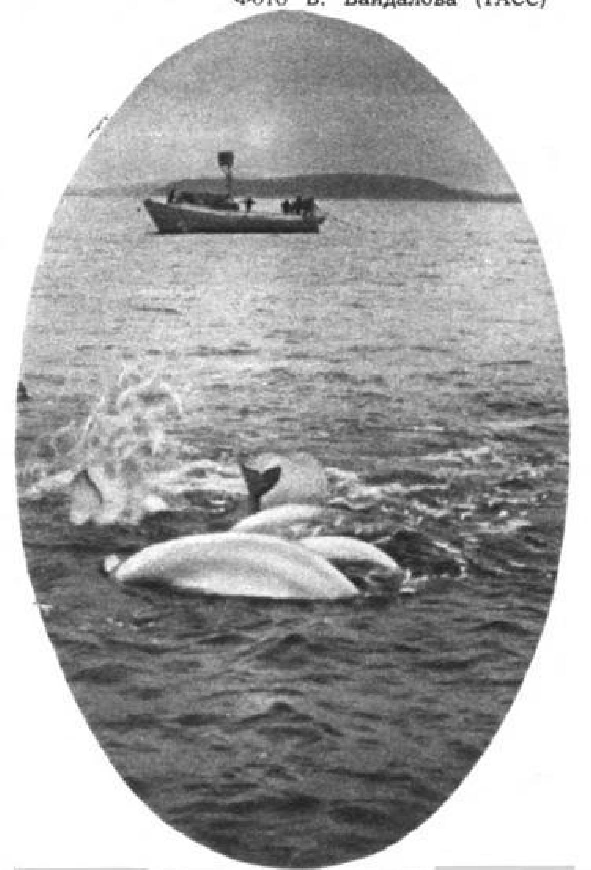
— Куда завтра, Иван Карпыч? — спросил начальника лова первый помощник, нивх Павел Санимович Палезгун.

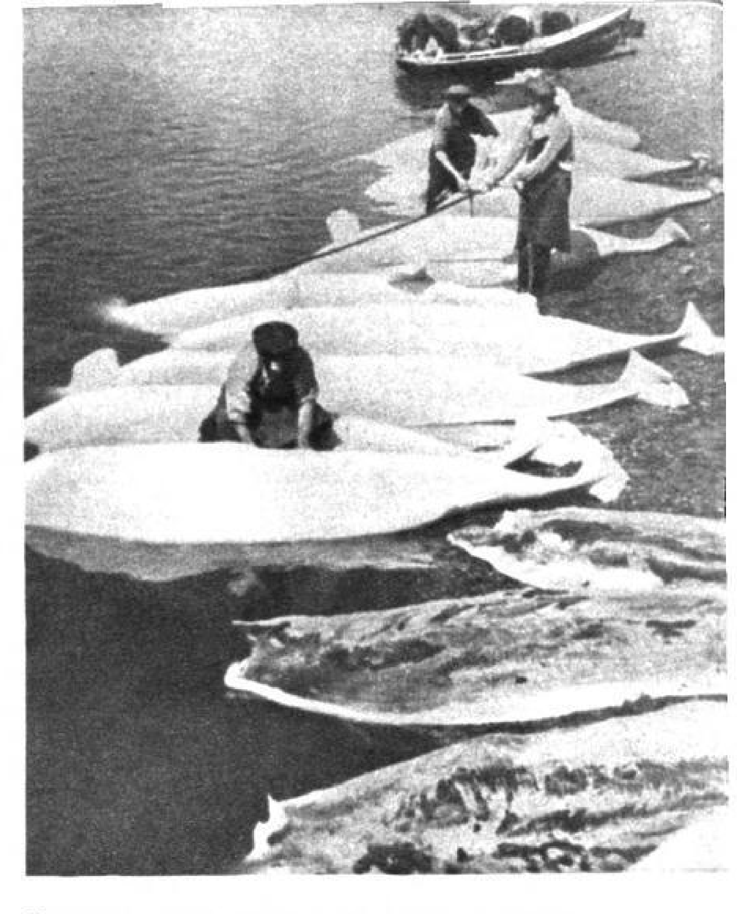
— На Зотовскую банку у Сахалина. А не окажется — возьмем севернее. Готовьтесь, выйдем пораньше...

С рассветом зверобои, прихватив нас, вышли на очередной поиск. В течение дня, пока мы шли к предполагаемому месту лова, десятки белух по обе стороны нашего каравана то и дело, пыхтя, переваливались над поверхностью моря, попеременно показывая сверкающие белизной голову, спину, хвост. Детеныши повторяли движения маток.

К вечеру Иван Карпович отдал приказание «травить» невод: на банках (отмелях) севернее Сахалина показалось большое стадо белух. Один из катеров стремительно потащил канат из кунгаса, и вслед за ним, огромным кругом охватывая стадо, потянулся пунктир из бочонков-поплавков. Второй катер, бросив якорь, принял канат, и невод стали стягивать...

Белухи окружены неводом. Выход стаду закрыт!
Фото В. Байдалова (ТАСС)

Огромную тушу разделывают прямо на гальке.

Замет почти двухкилометрового невода закончился тем, что катера по знаку Ивана Карповича на полном ходу перекрестили концы канатов, пройдя для этого друг другу наперерез. Выход стаду был закрыт! Началась самая ответственная операция — складывание невода.

Наконец белухи оказываются в плотном узле.

Кунгас поднимает на площадку крыло невода. Работающие на лебедке довольны: улов удачный.

Два катера с трудом тянули невод. Как подсчитали после, в нем оказались 43 белухи, это по меньшей мере 50 тонн груза.

На рассвете следующего дня зверобои снова ушли в море, а на берегу началась разделка улова.

Огромную тушу поднимают лебедкой. Наиболее тяжелых белух разделывают прямо на гальке, и волны помогают быстрее их очистить.

Вот снята хоровина (шкура со слоем жира). Вес ее несколько сот килограммов. Затем извлекают печенку, сердце. Четверо сильных рыбачек-резчиц еле несут такое сердце и печенку на носилках. Хоровину же приходится поднимать восьмерым, взявшись по двое за ручки носилок.

Самое ценное в белухе — ее хоровина. Шкура идет в кожевенное производство, а сало, имеющее 80 процентов жирности, перерабатывается в высокосортный технический жир, необходимый во многих отраслях промышленности.

Мясо вполне пригодно для изготовления ливерной колбасы, низшие сорта дают хороший тук для удобрений, в вяленом виде оно идет на пищу собакам.

На разделочной пристани с приходом зверобоев становится шумно и весело. Среди работающих шныряют мальчишки, помогая взрослым и запасаясь попутно своеобразным лакомством: из отрезанных ластов-плавников готовят превосходный холодец.

День и ночь шумит прибой у острова Байдукова, день и ночь движутся зверобои по намеченным водным трассам, искусно обходя банки, выслеживая зверя. Круглые сутки работают цехи комбината, рыбаки и зверобои Охотского побережья.

— Нам бы еще дизельную шхуну, пару вельботиков, — мечтает Непомнящий. — Ведь промысел растет, совершенствуется. Да и невод я думаю улучшить: первая конструкция сделана мной несколько лет тому назад...

Уроженец Амура, коммунист, мастер с пятнадцатилетним стажем, Иван Карпович не успокаивается на том, что уже достигнуто. Многое задумано, и многое осуществит он.

С. СМОЛЯКОВ

АМЕРИКАНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

(Из книги «Три месяца в США»)

Мариан ПОДКОВИНЬСКИЙ

Рисунки Л. Бродаты

I

О львах, которые пьют водку

Я собирался уезжать из Нью-Йорка в Филадельфию на конференцию прогрессивной партии, когда один из моих случайных знакомых по гостинице «Лексингтон», показывая мне свежий номер «Уорлд телеграмм», воскликнул:

— В городе «львы»! Вот так будет потеха!..

— Как так львы? — спросил я не без опаски. — Бежали из зоосада, что ли?

— Если Америка, по-вашему,— зоологический сад, то весьма возможно. Обязательно пройдитесь по улицам города — и вы увидите пьяных «львов».

И я решил поглядеть на этих владык животного царства на улицах знойного Нью-Йорка. Газета сообщала, что пятнадцать тысяч (именно пятнадцать тысяч!) «львов» прибыли в город и что все гостиницы заняты.

«Наши львы» — одна из самых больших организаций в Америке; зовется она «Лайонс интернешенл клаб», ее председатель — некий Фред У. Смит, почитающий себя чуть ли не вторым президентом США. Филиалы клуба имеются во всех штатах страны и даже за ее пределами (в частности в Швеции, Швейцарии, Канаде, Мексике и еще кое-где). На этот раз съезд «львов» состоялся в небезызвестном Мэдисон сквер гардене. Председатель приветствовал собравшихся «зверей» через мегафон традиционным: «Как живете, львы?» В ответ пятнадцать тысяч взрослых людей — многие из них занимают высокие посты в политической и военной жизни (я видал среди них несколько генералов и губернаторов) — зарычали во всю глотку: «Уууууу! Ууууууууу!»

В день открытия конгресса «львов» газета «Нью-Йорк таймс» писала, что эта организация насчитывает около четырехсот тысяч членов и шести тысяч восьмисот клубов. В официальной программе говорится о воспитательно-благотворительных задачах Общества, но практически деятельность его членов сводится к пьянкам и дебошам в дни ежегодных съездов. Мне рассказывали, что во время этих слётов владельцы отелей уносят из номеров хорошую мебель, предметы старины, не говоря уже о стекле и хрустале. «Львы» попросту шалеют. Они бросают в окна все, что попадается под руку, и отнюдь не имеют привычки платить за причиненный ущерб. Прохожих обливают водой, а иногда и чернилами, прокалывают шины у автомашин, позволяют себе хулиганские выходки по отношению к женщинам, целый день шатаются по улицам, горланя похабные песни.

...Съехались они едва ли не со всех концов Америки на легковых и грузовых автомашинах, фантастически размалеванных в официальные цвета клуба — желтый и фиолетовый. У всех на головах желто-фиолетовые треуголки с буквой «Л», все в кожаных жилетах с нарисованным на спине наименованием соответствующего штата. «Львы» тащат с собой своих жен и детей, которые кривляются не меньше самих отцов семейств. Женщины одеваются так же дико, как и мужчины, носят фантастического вида шляпы, плечи у них открыты, а платья волочатся по земле.

Во время парада члены клуба делали все, что могли, чтобы заглушить крикливый и шумный Нью-Йорк. Можете представить себе, читатели, что там происходило! «Львы» дули в тромбоны, от рева которых кажется, шатались небоскребы; многие из «львов» ехали в допотопных, грохочущих грузовиках; находившиеся в них нелепо разукрашенные члены клуба также дули в дудки, били в литавры и барабаны, либо тянули на веревках за собой какие-то медные кастрюли, которые производили невероятный грохот, ударяясь о мостовую.

Впрочем, этот «львиный оркестр» никого здесь не поражает. Рассказывают, что парады этого необычайного клуба — ровным счетом нуль по сравнению с погромами, которые чинят на своих ежегодных съездах члены Американского легиона.

II

Злоключения супругов Буйон

В Сан-Франциско мне попались на глаза мемуары знаменитой танцовщицы-мулатки Жозефины Бэкер.

Будучи родом из Америки, она давно натурализовалась во Франции. Вскоре после войны Жозефина Бэкер решила посетить родной дом на юге США. Идя навстречу пожеланиям некоторых прогрессивных кругов Парижа, она согласилась описать жизнь негров этих краев. Из Нью-Йорка Бэкер инкогнито выехала на юг, назвав себя мисс Браун.

Вместе со своим мужем, Жо Буйоном, Бэкер, завершив турне по Латинской Америке, прибыла в Чикаго. Днем позже она отправилась в Нью-Йорк, где к неграм будто бы относятся терпимо. Аргентинский импрессарио заранее заказал номер в отеле — номер для «супругов Буйон». Не успели они, однако, распаковать чемоданы, как директор пригласил к себе мужа Жозефины.

— Как долго намерены вы оставаться у нас? — спросил директор отеля.

— Мы заказали номер на месяц,— последовал ответ.

— Весьма сожалею,— сказал директор,— но произошла ошибка. Комната свободна только в течение сегодняшнего вечера.

Буйон сразу понял, в чём дело:

— Уж не по причине ли цвета кожи моей жены?

Директор на минуту смутился, а затем стал оправдываться:

— Прошу вас не понять меня ложно. Лично я далёк от всего этого. Расовые предрассудки считаю идиотизмом. Но у нас столько гостей с Юга, а я полагаю, что вам известны взгляды этих людей... Белые никогда не лягут в постель, где когда-либо лежала цветная особа.

Весь день супруги Буйон колесили по Нью-Йорку в поисках номера — и безрезультатно.

В конце концов нашли комнату в Гладстон-отеле, на аристократической Парк Авеню. И, казалось, все было «о'кей» (в порядке), когда внезапно, на третий день пребывания в отеле, комедия началась сызнова. «Нам весьма прискорбно,— сказал директор,— но аппартаменты ваши с завтрашнего утра числятся за другими жильцами». Буйон вне себя от ярости крикнул, что и не думает уезжать. О своих злоключениях Жозефина рассказала знаменитому негритянскому певцу Канада Ли, пользующемуся большой популярностью на Бродвее, и тот обещал помочь.

На следующий же день Канада Ли отправился к всемогущему мэру Нью-Йорка — О'Двайеру.

— Скажите мисс Бэкер, что право на ее стороне, а в случае каких-либо неприятностей я лично займусь этим делом,— сказал О'Двайер, «отец города», насчитывающего свыше полумиллиона цветных.

После этого Буйон заявил, что из отеля не уедет. Впрочем, дирекция более не настаивала. Вечером, как обычно, супруги заказали обед к себе в номер. Они не хотели, видимо, спускаться в зал, где негров не обслуживают. Официант принес обед, как и было заказано, но без приборов, без скатерти, без салфеток.

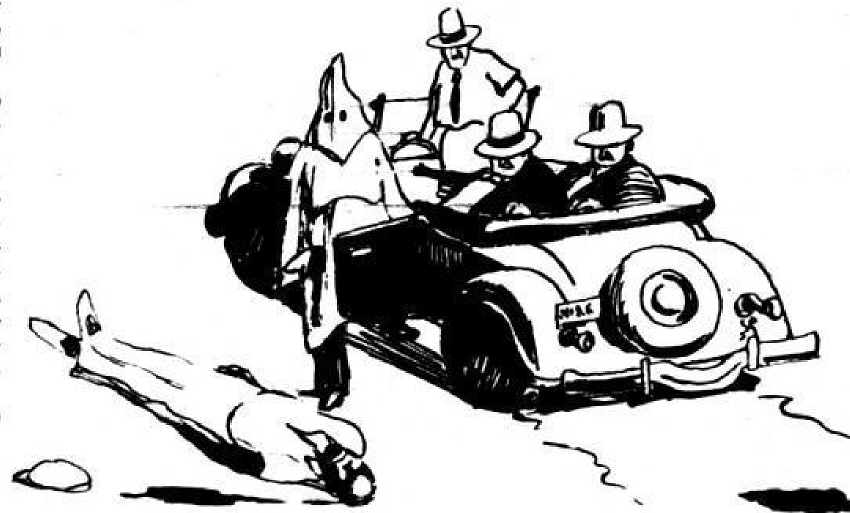
— Вери сорри! Весьма сожалею,— сказал кельнер,— но в настоящую минуту у нас не хватает скатертей и приборов...

Никто не являлся на звонок. Комнаты не убирались, телефон оказался выключенным. Никто не вынуждал супругов Буйон убираться, нет! Но их жизнь сделали невыносимой. Так «либеральный» Нью-Йорк принял знаменитую танцовщицу, которую он же награждал аплодисментами на сценах театров. Такова Америка.

В дальнейших разделах своей книги Бэкер рассказывает о своем путешествии по югу США. Она сталкивалась лицом к лицу с бесчеловечным отношением к ее братьям и сестрам, со случаями линча, грубым обращением с чернокожими бедняками. На каждом шагу сегрегация (запрещение неграм быть вместе с белыми): в трамваях, поездах, магазинах, кино, на вокзалах, в самолетах...

Американцы говорят, что в негритянском вопросе уже достигнуты значительные успехи. Ранее линчевали десятки негров в год, а сейчас едва один — два десятка. Линч стал критерием американского прогресса! Но правда заключается в том, что официально линчуют сейчас по десять — двадцать негров ежегодно, а неофициально их убивают по нескольку сот и более. Занимается этим также и полиция. «При самообороне» или «на почве недоразумения»,— говорят белые варвары из южных штатов.

Перевод с польского
И. Давыдова

Для потомков

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунок Г. Валька

С тех пор как Валерий Гордеев из человека без определенных занятий и мало кому известного стал учеником 1-го класса средней школы, жизнь его наполнилась до краев неотложными делами, обязательствами, вопросами и ответами. Вопросы задавали все: учительница Варвара Ивановна, ребята на переменках; и сам Валерий, приходя домой и загадочно глядя на мать, спрашивал:

— Мам, ты думаешь, я один Валерий в нашем классе?

— Ничего я не думаю, откуда мне знать! А сколько же?

— Ага! Сколько?.. Одиннадцать Валериев! Даже одиннадцать с половиной!

— Это как же?

— А так! Один мальчик сказал: я тоже Вал...— а потом оказалось, что он никакой не Валерий, а Валентин...

Он приходит из школы домой в одно время с отцом, который приезжает с завода на обед. Иногда они сталкиваются у дверей, и тогда оба очень довольны встречей.

— Здорово, парнишка!

— Ступай себе мимо.

— Уж больно ты грозен, как я погляжу!

В прихожей Алексей Петрович говорит громко:

— Мужчины пришли обедать! У вас все готово?

Они вместе моют руки, вместе садятся за стол. И пока мать Валерия Анна Павловна разливает суп, он торопится выложить новости:

— У нас есть мальчик, он рыжий, как кирпич.

— Кирпичи не рыжие, а красные,— поправляет Анна Павловна.

— Ну, все равно, красный, как кирпич. Рыжий, рыжий! А зовут его Александр Суворов!

— Ну? Вот это имя замечательное!

— Вот. А наша учительница Варварыванна спросила: «Ты не потомок нашего славного полководца Александра Васильевича Суворова?»

— А он что?

— А ему нельзя сказать «да», потому что он никогда не врет. И «нет» ему сказать тоже нельзя, потому что обидно. И он взял и сказал: «Я сам буду военным!»

— Пока что дипломат-парень,— говорит Алексей Петрович.

А недавно был такой разговор, имевший значительные последствия:

— Пап, ты кто?

— Новое дело! — удивилась Анна Павловна, а Алексей Петрович церемонно раскланялся:

— Разрешите представиться, семь лет бессменно являюсь вашим родителем!

— Ну, пап, я же серьезно...

— А кого это интересует, позвольте узнать?

— Ребята спрашивают, у кого кто папа. Один мальчик, Шурик Туркин, сказал: «Мой папа капитан!» А Саша Суворов спрашивает: «Какой, пароходный или военный?» А Шурик говорит: «Он китобойный! И у него два ордена, и он обещал привезти живого моржика!» И все наши ребята прямо сказали: «Ой!..»

— Да ты кушай суп-то, моржик!

— Сейчас. Он еще горячий. А еще один мальчик, толстый такой, Игорек, он говорит, что его папа работает в ррр... это...

— В редакции?

— Не в редакции, а в ррр... это...

— Не повторяй все время «это»... В радиокомитете?

— Да не-ет! Ну в ррр... в родильном доме! Вот!

— Господи! — трагически воскликнула Анна Павловна.

— Что ж такого? — спокойно пожимает плечом Алексей Петрович.— Ты, Аня, сама ставишь точки над и... Его папа, наверно, доктор?

— Ага, Очень хороший доктор.

— А еще какие папы?

Валерий говорит скороговоркой:

— Один папа — профессор, один — машинист на паровозе, один — в зоопарке, а у Зинки...

— Подожди, разве у вас совместное обучение?

— Какое совместное?

— С девочками? Раз у вас Зинка...

— Зинка—мальчик. Его Зиновий зовут. Он говорит: «У меня даже целых два папы!»

— Божже мой! — в ужасе шепчет Анна Павловна.

— Это как же, собственно? — интересуется Алексей Петрович.

— Алеша... умоляю, не углубляй этот вопрос! Кушай, Валерик, довольно болтать!

После обеда разговор продолжается. Валерик садится к отцу на диван. Анна Павловна хотя и сбивает белки для кекса, но все время прислушивается.

— Саша Суворов меня спрашивает: «А твой папа кто?» А я говорю: «Инженер».

— Правильно, — соглашается Алексей Петрович.

— Вот. А он говорит: «Подумаешь!»

— Что?! Аня, ты слышишь? Для этих типов инженер — так себе, мелкая сошка! Да тебе с твоим Сашкой пят-на-дцать лет зубрить, чтобы стать инженерами!

— Ну и что ж! А Саша говорит: «Теперь все инженеры». А вот его отец еще и... этот...

— Новатор? Лауреат?

— Вот! Новатор. И его портреты в газетах.

Алексей Петрович тычет в пепельницу недокуренную папиросу и закуривает новую.

— Так вот, милый мой. Твой отец — тоже новатор. Спроси у матери, она знает. И портреты твоего отца тоже были бы в газетах. Но вот есть такие бюрократы... а, да что говорить!..

Валерий смотрит сосредоточенно:

— Пап?

— Ну?

— А у бюрократов тоже бывают дети?

— Мм... да... Бюрократизм, так сказать, на эту область не распространяется.

— Пап, а в нашей школе есть бюрократовы дети?

— Ну, довольно, довольно, а то вы договоритесь, — беспокоится Анна Павловна.— Валерик, детка, иди поиграй, а потом садись за уроки.

Алексей Петрович уезжает на завод. Не заходя к себе в цех, он идет прямо к директору.

— Николай Данилыч, я опять о том же, и в последний раз!— говорит он решительно.— Я все понимаю: завод выполняет план на 112 процентов. Внедрение и освоение всякого новшества неминуемо несколько замедлит набранные темпы. Тебе сейчас хорошо и спокойно. Но я тебе не как директору, а как товарищу говорю: тебе будет обидно и плохо, когда окажется, что это ты задерживал мое изобретение, которое в три раза...

— Господи! Все нынче навалились на меня!—плачущим голосом говорит директор.— Я бюрократ, да?

— Я еще не сказал.

— Мне мой сынок нынче сказал: «Пап,— говорит,— директора бывают иногда бюрократы? А ты,— говорит,— не бюрократ?»

— Ну? А он в каком классе, не в первом?

— Нет, брат. Если бы он был в первом, я бы ему прописал бюрократа. А он уже во втором. Отличник.

— Вот и мой тоже задает всякие вопросы,— говорит Алексей Петрович.— Так как же, Николай Данилыч? Ну, ребячьи вопросы — это, конечно, чепуха...

— Чепуха? Ну нет, брат, не скажи. Это ты недооцениваешь. Они все ж таки потомки. Им нас судить. Так что мы, брат, не только для себя, а и главным образом для потомков. Ты это отметь... А, между прочим, что это ты ко мне с амбицией явился? Ничего не спросит — и сразу с претензиями!

— А что?

— А то, что я уже отдал распоряжение: собраться в 18 часов для обсуждения твоего предложения.

— Ну?!

— Вот тебе и ну...

Директор звонит в секретариат:

— Ирина Сергеевна, вы известили начальников цехов и старших мастеров о совещании в 18.00? Что?.. Я не говорил? А ну давайте, давайте, извещайте поскорее... Экая память девичья!.. Да. Так вот ты и запомни: для потомков. То-то. Ну, иди, Алексей Петрович, приготовься. До вечера.

Иностранный юмор

Западноберлинская статистика

Восточная и западная части Берлина представляют резкий контраст. Восточный Берлин, входящий в состав Германской демократической республики, живет деятельной, творческой жизнью. А население западных районов города, в которых хозяйничают заморские спекулянты, испытывает на себе все благодеяния американского «образа жизни»: нищету, безработицу, рост бандитизма, культурное одичание.

Берлинский юмористический журнал «Дер фришер винд», пародируя излюбленный американцами статистический метод средних цифр, дает едкую и очень близкую к истине картину жизни западного Берлина

«В западном Берлине рождения отмечаются каждые 58 минут и 43 секунды, а несчастные случаи со смертельным исходом — каждые 112 минут.

Убийства с целью ограбления происходят в среднем каждые 23 часа, нераскрытые убийства с целью ограбления — тоже каждые 23 часа.

Браки регистрируются каждые 4 часа 15 минут, разводы — каждую 61 минуту.

Уличных нападений бывает десять в одну ночь, появлений полицейских на месте нападений — одно в восемь месяцев.

Уголовных преступников арестовывают в среднем каждые 136 часов, друзей мира — каждые 17 часов.

Докторские научные звания присуждаются в университете раз в 21 час; так же часто вытаскивают утопленников из воды.

Новые бульварные газеты появляются по две в неделю, правдивые сообщения в них — раз в девять месяцев.

Официальных сообщений о предстоящем улучшении экономического положения приходится по одному на каждые три с четвертью дня; самоубийств на почве социальной нищеты — три с четвертью на день.

Спроса на танцовщиц, получивших специальное хореографическое образование, нет; танцовщиц, специального образования не получивших, но готовых выступать, не стесняя себя одеждой, требуется семнадцать ежедневно.

Показы новых мод бывают 21 раз в неделю; показы новых мод, когда удается кое-что сбыть публике,— раз в году, високосном.

Дешевые распродажи товаров объявляются 2367 раз в неделю; успешно проведенных распродаж насчитывается ноль».

Перевод с немецкого.

Целебные плоды

Тот, кто был на Черноморском побережье Кавказа или в южных районах Крыма, мог увидеть небольшие вечнозеленые кустарники, усеянные кожистыми блестящими листьями. Они особенно привлекательны летом, когда на них распускаются крупные цветы, снаружи белые, а внутри красные или темнофиолетовые.

Это фейхоа — выходец из тропических лесов Бразилии и Уругвая. Еще совсем недавно ее показывали, как «заморскую диковину», в ботанических садах. Теперь фейхоа появилась на полях колхозов и совхозов наших субтропиков.

Прославилась фейхоа своими удивительными плодами. Эти плоды, окрашенные в сизо-зеленый цвет, внешне похожи на молодой огурец. В них содержится душистая, почти прозрачная студенистая мякоть, по вкусу напоминающая ананас или землянику. Плоды фейхои очень питательны, богаты белковыми веществами, сахаром, кислотами, их едят в свежем виде. Но особенно приятны законсервированные плоды, из них готовят ароматное варенье, желе, цукаты, мармелады.

Однако самое интересное свойство фейхои не в этом: в ее плодах содержится натуральный иод, не менее важный для питания, чем витамины. По количеству содержащегося в ней иода фейхоа занимает первое место среди всех растительных и животных продуктов мира. Фейхоевый иод замечателен тем, что он накопляется в виде водно-растворимых соединений и поэтому легко усваивается организмом человека.

Фейхою вырастить нетрудно. Она размножается семенами, черенками, отводками и через 2—3 года начинает плодоносить. Взрослые деревья приносят до 40—50 килограммов плодов.

Советские ученые собрали мировую коллекцию этой ценной культуры. Они выявляют из лучших сортов наиболее скороспелые, урожайные и морозостойкие, разрабатывают приемы агротехники.

Фейхоа — самая молодая плодовая культура советских субтропиков. Она обогащает нашу страну новыми источниками целебных плодов.

А. ВЕКСЛЕР

Дымка

Была у нас небольшая кошечка однотонного дымчатого цвета. Звали ее Дымка. Кошка была обыкновенная и особенной красотой не отличалась, привлекали внимание только ее глаза. Они блестели, точно две золотые пуговки.

Дымка была поведения вполне приличного. На стол она никогда не прыгала, ничего не воровала и даже не попрошайничала. Но была у нее одна слабость: она очень любила рыбу.

Вернешься, бывало, с рыбалки, покажешь улов, а мать скажет:

— Чего же тут жарить? Брось кошке.

Раз так побаловал я Дымку, другой раз, и кошка взяла это в привычку. Не успею на место определить удочки, а она тут как тут! Вертится у ног, изгибается, мурлычит. Вначале вела себя Дымка вежливо, а потом стала заглядывать в ведро — интересоваться моим уловом.

Поймать в ведре рыбешку для нее не составляло никакого труда. Встанет на задние лапы, опустит голову в ведро и караулит. Стоит лишь рыбке всплыть на поверхность, как Дымка лапкой цап! И жертва — на полу.

Однажды сижу на рыбалке и слышу: кто-то шуршит сзади. Обернулся: Дымка.

— Ты зачем тут?

А Дымка блестит золотыми глазами и лукаво щурится.

В это время клюнуло. Вытащил я пескаря, снял его с крючка и бросил Дымке.

Этого было достаточно. После такого угощения Дымка только и ждала, когда я возьмусь за удочки. Бежит впереди, как собачонка. А потом сидит на берегу и ждет.

Однажды произошел такой случай. Всю вечернюю зорю просидел я без единой поклевки. Даже Дымка потеряла всякую надежду на какой-либо успех и ушла домой. Решил и я собираться. Смотал удочку, стал вынимать другую и почувствовал тяжесть. Дернул и выбросил на берег большущего рака.

«На безрыбье и рак рыба», — подумал я.

На этот раз вместо ведра у меня был глиняный кувшинчик с узким горлом, в которое только-только проходила рука. Я набрал в кувшинчик немного воды и посадил туда нежданного гостя.

Вернувшись домой, поставил я кувшинчик на пол, поужинал и лег спать.

Проснулся я утром от какого-то грохота. Открываю глаза, смотрю: по полу катается кувшинчик, и раздается придушенное фырканье. Из горловины торчит туловище кошки.

Вскочил я с кровати, хотел было вытащить кошку из западни и не мог. Как ей удалось просунуть в кувшинчик голову, трудно было представить.

Оставалось одно: разбить кувшинчик, что я и сделал с помощью полена.

После освобождения Дымка несколько секунд лежала без признаков жизни, затем вскочила на ноги и бросилась к двери. У порога что-то шлепнулось. Я взглянул и увидел ползущего рака.

Днем я тщательно осмотрел кошку. На носу у нее зиял глубокий разрез. Без сомнения, тут не обошлось без клешни.

После этого случая Дымка навсегда потеряла охоту заглядывать в ведра и в другие посудины за исключением своей мисочки.

С. МИНАЕВ

Болельщики

0 : 0

0 : 1

1 : 1

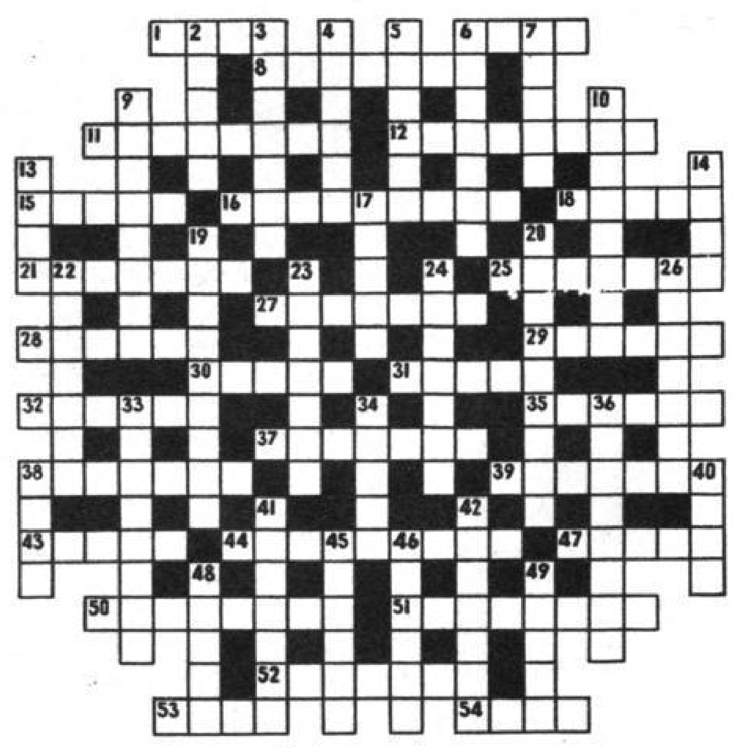
2 : 1

2 : 3

3 : 3 Ничья.

Рисунки Ю. Узбякова

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Русский поэт. 6. Город в СССР. 8. Тип памятника. 11. Стихотворение Лермонтова. 12. Роликовый конвейер. 15. Химический элемент, газ. 16. Роман польского писателя Е. Пытляковского. 18. Предместье Варшавы. 21. Родина. 25. Сотая доля числа. 27. Продукт перегонки дерева или каменного угля. 28. Род попугая. 29. Стремительное нападение. 30. Игла для вязания. 31. Сорт груши. 32. Починка, исправление. 35. Ножной рычаг. 37. Польский национальный танец. 33. Наука о прошлом. 39. Основоположение, руководящая идея. 43. Советская писательница. 44. Производственная специальность. 47. Микроскопическое животное. 50. Мера мощности электрического тока. 51. Сосуд для масла. 52. Единица времени. 53. Поэма Адама Мицкевича. 54. Навес.

По вертикали:

2. Ящик для товаров. 3. Тригонометрический термин. 4. Высший предел успешности. 5. Сплав никеля, железа и хрома. 6. Окисел, образующийся на поверхности металла при ковке или прокатке. 7. Колющее оружие. 9. Доска в деревянном полу. 10. Порода каменного угля. 13. Венгерский гросмейстер по шахматам. 14. Твердая корка на снегу. 17. Создатель произведения, проекта, изобретения. 19. Промышленность. 20. Отрасль народного хозяйства, обслуживающая различные виды перевозок. 22. Морской термин. 23. Город в Польше. 24. Польский композитор. 26. Приспособление для переноски тяжестей. 33. Увлажнение. 34. Великий утопист начала XIX века. 36. Отдел механики. 38. Растение. 40. Замысел, проект. 41. Денежные средства. 42. Прибор для регулирования силы тока. 45. Продукт неполного осахаривания крахмала. 46. Самая западная оконечность Кавказа. 48. Ожерелье. 49. Порт в Польше.

Ответы на кроссворд, помещенный в № 38

По горизонтали:

1. Ломоносов. 7. Хребет. 8. Талант. 10. Рамки. 11. Прохлада. 12. Раздолье. 14. Золотник. 18. Реликвия. 21. Кювет. 22. Канун. 23. Разин. 24. Опера. 25. Тимуровец. 30. Нырок. 32. «Данси». 33. Тачка. 34. Звено. 35. Шлагбаум. 36. Котлован. 40. Вереница. 41. Контраст. 42. Серна. 43. Акцепт. 44. Чепрак. 45. Маргарита.

По вертикали:

2. Метраж. 3. Нейман. 4. Сатира. 5. Земляника. 6. Мандолина. 7. Хворост. 9. Толокно. 11. Плотва. 13. Енисей. 15. Консилиум. 16. Бандурист. 17. Горностай. 18. Разведчик. 19. Окраина. 20. Патефон. 26. Пролив. 27. Здравница. 28. Партитура. 29. Десант. 31. Когорта. 34. Зоопарк. 37. Мастер. 38. Пороша. 39. Скачки.

Подумай!

СУДЬИ БЕЗ СЕКУНДОМЕРОВ

«Происходит забег на сто метров,— рассказывает нам один спортсмен.— Вот по сигналу судьи бегуны сорвались со старта... Пересекли линию финиша... Главный судья объявляет результат: время победителя 10 и 7 десятых секунды. Зрители дружно аплодируют...

Но что странно: ни на старте, ни на финише мы не видим в руках судей секундомеров, а на линии финиша нет даже традиционной ленты, при пересечении которой бегунами судьи засекают время окончания дистанции...

Возможно ли это и при каких условиях?»

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ ЭТИ СТРОКИ?

Ответы (см. № 38)

1. М. Горький.
2. Н. Лобачевский.
3. К. Тимирязев.
4. Леонардо-да-Винчи.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А 04400. Подписано к печати 19/IX 1950 г. Изд. № 647. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2407. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Министерство пищевой промышленности СССР • Главвитаминпром

ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ РЕГУЛЯРНО ПОЛЬЗУЙТЕСЬ

ВИТАМИНАМИ и ПОЛИВИТАМИНАМИ

ВИТАМИНЫ содействуют укреплению здоровья, усиливают сопротивляемость организма инфекционным заболеваниям и повышают работоспособность.

ВИТАМИНЫ особенно необходимы жителям Крайнего Севера, спортсменам, лицам, занятым тяжелым физическим или напряженным умственным трудом.

ВИТАМИНЫ необходимы беременным женщинам, а также кормящим матерям для нормального роста и развития ребенка.

ПОКУПАЙТЕ витамины и поливитамины (с витаминами А, B_1, B_2, С, Д и РР) во всех аптеках, диэтмагазинах, фирменных магазинах Главкондитера и Главконсерва МПП СССР.

НОРМА ПОТРЕБЛЕНИЯ ВИТАМИНОВ УКАЗАНА НА ЭТИКЕТКАХ.

ЦЕНА 3 РУБ.